

Николай Твердунов

ПОСЛЕДНИЙ МАРШРУТ

Тверь 2010 г.

Опус 1.

Это было в 1970 году, в один из свободных дней. Стояла теплая и сухая осень. Наша геологическая партия работала тогда на правом притоке Алдана, реке Мае, берущей начало в отрогах хребта Джуг-Джур, что на северо-востоке Хабаровского края. Надо сказать - места эти сказочной красоты и богатства. В реке рыбу было просто видно, что говорит о том, что ее очень много. Тайга кишела дичью (рябчиками, глухарями), болота были раем для молодого охотника. А тут еще наступила осень, и как говорят, пошла северная утка и гусь. Целыми ночами над палаткой был слышен свист крыльев пролетающих утиных стай и чистый гусиный крик. Хвоя на лиственницах пожелтела и в ясную погоду вся тайга светилась ярким апельсиновым цветом. Только по берегам речек и ручьев стояли почти черные Аянские ели. В один из таких дней я шел по коренному берегу протоки, поросшему редким лиственничным лесом с подлеском из карликовой березки и кустов голубики. Осенью листья на них становятся ярко-красными. Остров, что лежал через протоку, метрах в тридцати, весь в зарослях тальника и красной смородины, был как праздничный салют, весь желтый, красный и зеленый от редких кустов охты – дикого винограда. Комары кончились, так как ночами подмораживало.

Я разделся, завернул сапоги в брюки и по пояс в воде перебрел протоку по галечному твердому дну. Не спеша, оделся. Кусты красной смородины тянулись вдоль всего берега острова сплошной полосой. Ягоды были крупные (с ноготь большого пальца) сладкие, прихваченные легким морозцем. Я устроился под кустом на плавнике и стал с удовольствием отправлять ягоды в рот. Так я кормился минут двадцать, когда услышал хруст гальки на косе выше по течению. Из-за поворота, по моей стороне протоки шел молодой лось-двухлеток. Слабый ветерок тянул от него. Оружие мое было заряжено мелкой дробью на утку или рябчика. Я очень осторожно и медленно переломил ружье и заменил патроны на пулевые. Также осторожно, стараясь не щелкнуть, закрыл стволы. Тем временем, зверь спокойно продолжал идти в моем направлении. Сидя за кустом смородины, я взвел курки и стал очень медленно поднимать ружье к плечу. Прицелившись в лопатку лоса, повел его стволами. Не доходя метров семи до моего укрытия, он остановился и начал лениво пить. Потом зверь поднял голову. С мокрой морды падали капли прозрачной воды и разбивали отражения лиственниц в зеркале протоки. Отряхнувшись всем телом, лось так же лениво пошел дальше и через минуту скрылся за куском подмытого большой водой торфяного берега. С тех пор прошло много лет, я путешествовал и охотился по всей стране. Но этот первый, неубитый мною, лось остался в памяти навсегда.

Опус 2

Все произошло неожиданно «ГТТ» рухнул левой гусеницей в промоину. Я услышал, как он ударился об дно. Вездеходчик – Сашка - «Сохатый», запаниковал и дал полный газ. Вездеход развернуло влево, насколько давала кромка льда, и сильно накренившись, он замер. Я заорал: «Стой!!!» Но было уже поздно. Левая гусеница сильно провисла под водой, правую вообще сбросило на край промоины и машину задом опустило в воду.

Была весна 1986 года, конец мая. Вот- вот должен был начаться ледоход. Мы втроем (Я, вездеходчик Сашка – «Сохатый» и маршрутный рабочий Коля – «Француз») перегоняли по весеннему льду Оленька вездеход в верховья реки Малая Куонамка, что на севере Якутии. С перегоним сильно припозднились. Сначала лежал очень глубокий снег, потом, когда снег подтаял и осел, оказалось, что пробит корпус одного из аккумуляторов вездехода и из двух банок вытек электролит. Ждали, пока привезут с базы новый аккумулятор. В общем, выехали, когда днем сильно таяло и боковые притоки Оленька уже всю поддавали воду. Влетели в промоину мы напротив устья крупного правого притока Оленька реки Силигир. Лед на основном русле Оленька в этом месте был покрыт метровыми торосами. Левый берег отвесной скалой поднимался прямо из них. Оставался узкий проход около правого. Туда мы и сунулись. Вылезли из вездехода. Был яркий весенний день, солнце ослепительно сверкало на поверхности льда. «ГТТ» стоял, задрав морду, с сильным креном влево. Вода перехлестнула задний борт и наполовину залила лодку. В моторном отсеке было сухо. Палатка, рюкзаки с личными вещами, спальные мешки, радиостанция лежали сверху и не промокли. В воде оказались три бочки с соляром, бензиновая электростанция, ящики с консервами и свернутые резиновые лодки.

Я осмотрелся. Лед с обеих сторон промоины был прочный. Дно с кормы «ГТТ» резко понижалось и уходило глубоко. Лед потому и промыло, что в этом месте образовался бугор на дне, и течение было быстрее. Разгрузили вездеход, кое-как сложили бутор и натянули антенну радиостанции. До вечерней связи оставалось несколько минут. В тот год мой позывной был «Русалка-21», позывной базы партии – «Русалка-6». «Русалка – 6, Русалка –6, Я Русалка – 21, прием». «Я Русалка – 6, здравствуй, Николай, как меня слышишь, как слышишь? Прием». «Привет, Иваныч, слышу тебя хорошо, прием». «Русалка –21, я Русалка-6. Николай, как у тебя дела, как дела? Прием». «Спасибо, Иваныч, хреново. Провалился под лед в устье Силигира. Провалился под лед, прием». «Твою мать! Прием». «Вот я и говорю... Все живы, попытаюсь как-нибудь вылезти, прием». «Ну давай, Лехе пока телеграфировать не буду, не буду, прием». «Я русалка –21, до связи, Иваныч, до связи».

О чем еще говорить, надо дело делать. Пошли на берег, срубили подходящую листовенницу сантиметров тридцать диаметром. Кое-как дотащили трехметровое бревно до гладкого льда. А тут уже оно само поехало, ходом. Продолбили во льду лунку и вставив в нее бревно, захлестнули его петлей троса. Другой конец закрепили на правой звездочке вездехода. «Сохатый» завел двигатель и на малом газу попытался двинуться вперед. Трос натянулся, машина медленно полезла на край промоины, все больше задирая нос. Трос лопнул.

На исходе вторых суток, совершенно измочаленные, порвав весь запас троса, мы сели около вездехода перекусить. Погода портилась, начинал накрапывать дождь. С

юга, по долине Силигира, плыли низкие серые тучи. Сил не было, но мы были молодые, упрямые и еще не знали своего предела. К этой попытке мы подготовились очень хорошо. Скололи лед впереди вездехода под острым углом. Под левую гусеницу подсунули связанные обрывком троса три бревна. Под катки правой стороны я вытесал из толстой лесины брус. Завелись. Вездеход нехотя пополз вверх. Мы с Колей-«Французом» повисли на рельсе, приваренном вместо переднего бампера. Машина медленно перевалилась через край промоины и встала на лед. Надели гусеницу справа, и только тогда напряжение последних двух суток нас отпустило. Потихоньку стали грузиться. Я еще подумал: что бы приспособить, как бочки закатить. Ведь задний борт вездехода по грудь взрослому человеку. Ношу ящики с консервами и слышу - поезд идет, товарняк тяжело груженный, на стыках сильно стучит. Подумал смутно: «Откуда здесь поезд?» Посмотрел в сторону шума – на нас шел вал ледяных торосов, уже метрах в двухстах. Я заорал: «Сашка, заводи!» «Сохатый» нырнул в кабину, вездеход фыркнул и завелся. Погрузились минуты за две. Двухсотлитровые бочки с соляжкой залетели в кузов, как пустые. Остальное закидали одним махом. Крикнув: «Давай за мной!», я побежал впереди вездехода, чтобы он, не дай Бог, не залетел еще куда. Выскочили на берег.

В месте нашего утопления громоздился трехметровый вал льда. Огромные льдины лезли друг на друга, скрипели и лопались со страшным грохотом. Зрелище было грандиозное. Мы стояли и смотрели на это безобразие. «Француз» прохрипел : «Если мы не парни то и Волга не река, а Василич?». Мы с «Сохатым» промолчали. Да, если мы не парни...

Впереди был еще целый полевой сезон, но это уже другая история.

Опус 3.

Вездеходчик Коля-«Пончик» - огромный, заросший до глаз черной бородищей, пятидесятилетний квадратный мужик. Силы немереной, спокоен и несколько ленив. Лагерь партии, река Улах-Муна. Вертолетная площадка на острове метрах в ста пятидесяти от лагеря. Нужно отвезти туда два ящика с образцами, каждый килограммов сорок пять – пятьдесят. «Коля, заведи вездеход, отвези». «Да ну его, заводите еще». Взял ящики подмышку и отнес. Жена у него на восемнадцать лет моложе его. Рассказывает: был в Мордовии, в командировке на уборке. Попал на свадьбу. Когда все перепились, затеял драку, отбил невесту и уехал. Вот уже лет десять живут. Она маленькая, черная, двое детей. (Приезжала осенью в экспедицию получать полевую зарплату муженька, а то может пропить). В тайге с ним очень спокойно и надежно Вездеход свой знает и любит, зовет уважительно «мой Гаврила». В Жиганске на весновке как-то слегка запил. Задрался с местными бичами. Кто-то вызвал милицию. Прибежало все отделение, человек семь. Кое-как заташили в кутузку. Дали десять суток. Ремонтировал милицейский вездеход. Остался очень доволен, говорит: «Кормили на убой и вечером кружку спирта давали». Про драку рассказывает: «Да ну их, дали по шее ломиком, да сильно. Потом, как голову поверну, неделю железом пахло».

В экспедицию ездит уже лет семь. Очень любит разыгрывать молодых пацанов (студентов и рабочих-первогодков). Самый старый и проверенный розыгрыш – прокомаров, что, мол их, сушеных, сдают в аптеку для приготовления какого – то лекарства, и очень дорого. Был жутко комариный день. Стояла тихая безветренная духота. Мой поисковый отряд на вездеходе «ГАЗ-47» забрался в самые верховья глухого заболоченного ручья на водоразделе рек Муна и Тюнг (северо-западная Якутия). Работяги вяло матерились сквозь накомарники и мечтали, как осенью выедут в поселок. Тут «Пончик» достал большой кусок марли и, натянув его на защитную сетку над радиатором, завел двигатель вездехода. Через пять минут марлю покрывал трехсантиметровый серый слой комаров и мошки. Я снял марлю с комарами и аккуратно вытряхнул их в пробный мешок. Потом снова расстелил марлю на сетке. Мужики заинтересовались. Самый молодой из них, Вовчик, тут же спросил: «А зачем вы это делаете?» На что «Пончик» ему ответил: «Не видишь, комаров собираем?». «А зачем?», - снова спросил Вовчик. «Сдадим в Жиганске в аптеку. Они, сушеные, стоят восемьсот рублей за килограмм первого сорта. Глядишь к осени мы с Василичем килограмма два – три засушим, как хорошо!» На что Вовчик тут же поинтересовался: «А можно и я с вами буду?». «Пончик» резонно ответил: «А на хрен ты нам нужен? Я при вездеходе, Василич начальник, а ты кто?». «Не думал я, что вы такие», - обиженно сказал Вовчик. Прошло три или четыре дня. В такой же жаркий и безветренный день нам нужно было отобрать несколько профилей металлометрических проб через кимберлитовую трубку «Заполярная». (Металлометрическая проба – это примерно горсть рыхлого материала, взятого под слоем почвы из небольшой закопушки). Закончив работу, развели костерок, сварили чай и перекусили лепешками с вареной сгущенкой и остатками вяленой оленины. Сидим, курим. Тут Вовчик расстилает на земле кусок брезента, раздевается до трусов и кричит другому рабочему, Сергею: «Бей на мне комаров веником. Выдержал он минут пять-семь, заматерился, на хрен, мол, такие и деньги. И кинулся судорожно одеваться. Понятно, все ржали до слез. Потом долго экспедиция вспоминала, как Вовчик деньги зарабатывал.

Опус 4.

Весновка - весенняя заброска на территорию работ авиацией на временные ледовые аэродромы горючего, запасных частей для техники, снаряжения, продуктов. Перегон по льду рек вездеходов и перевозка габаритных грузов. В условиях полного бездорожья и отсутствия оборудованных аэродромов – единственно возможная схема обеспечения геологоразведочных и поисковых работ. Капала из крана вода, тихо мурлыкал холодильник в коридоре, за стеной привычно переругивались соседи. Я лежал на диване и вспоминал прошлогоднюю весновку. Она в прошлом году началась еще в феврале. Нашей партии нужно было снимать базовый лагерь и перебираться в новый район работ, почти на тысячу километров вверх по течению заполярной реки Оленек. Поэтому планировали вылетать как можно раньше. Сразу после Нового года отшумела сумасшедшая пора окончательных отчетов. Начальник партии вплотную засел за написание проекта работ на новую территорию. Мы, все остальные, мотались по Москве, доставая, выбивая, пакуя и отправляя снаряжение, продукты, запасные части для вездеходов, лодочных моторов «Вихрь», геофизические приборы, валенки, лыжи хитрым образом доставали карабинные патроны и патроны мелкокалиберные, цветную фотопленку, цепи для пилы «Дружба» и много чего еще. Наконец, в канун Восьмого марта, все было более или менее закончено. За всей этой суетой мы и не заметили, что в Москву пришла весна. Во дворах разлились лужи, в лужах купались и орали совершенно очумевшие от солнца и теплого ветра воробьи. С крыш капало и небо даже в Москве стало синим и высоким. Вылетали сразу после праздников, десятого марта. Площадь перед зданием Домодедовского аэропорта была покрыта грязным и мокрым снегом, а в залах ожидания пахло почему – то мимозой. Как обычно не обошлось без приключений.

Вездеходчик, Сашка - «Сохатый», появился с подбитым глазом и со страшного похмелья. Вместе с Колей – «Французом» они где-то сумели достать водки. К началу регистрации билетов и посадки в самолет все наши работяги были уже никакие. Сохатый, известный бабник, всю флиртовал с симпатичной якуткой, совершенно ошарашенной его диким видом. Коля - «Француз» все пытался свернуться калачиком на вьючных ящиках и уснуть. Остальные бичи расползались в разные стороны как тараканы. Иваныч, наш радист и завхоз, низкорослый, коренастый, краснолицый и лысый, с покрытыми седым курчавым волосом короткопалыми руками пятидесятитрехлетний мужик, матерился и орал, что он с этими мудаками летит в последний раз, и пускай Леха (начальник партии) сам с ними разбирается, а ему вообще скоро на пенсию. Наконец-то всех погрузили в автобус и повезли к самолету. Кое-как расселись по свободным местам, взлетели.

Я смотрел на уходящий вниз огромный бестолковый город и думал что геолог, по крайней мере два раза в году, совершенно счастлив. Первый раз, когда весной вылетает в тайгу, а во второй – когда возвращается домой, к семье. В Якутск прилетели часам к двенадцати по местному времени. Практически, сразу же перегрузились на Ан-24, рейсом до Жиганска (Жиганск - небольшой поселок на левом обрывистом берегу Лены, в двухстах километрах севернее Полярного круга. Центр Жиганского района, по площади превышает Францию. Население района – в основном эвенки и якуты насчитывает около пятнадцати тысяч человек. Так, что особой тесноты и давки не наблюдается) От Якутска мы летели строго на север. Под крыльями самолета простиралась поросшая редкой северной тайгой холмистая равнина, пересеченная плавными извивами замерзших рек,

покрытая белыми пятнами озер и марей в оправе черных елей, отсюда, сверху, совершенно безжизненная на вид. К поселку подлетали в сумерках. Внизу, на обрывистом берегу Лены, промелькнули огромные серебристые баки нефтебазы, тонкая черная труба дизельной электростанции, серые, обшарпанные всеми ветрами двухэтажные дома поселка аэропорта. Все это резко прыгнуло навстречу самолету, заскрипел снег под колесами шасси. Взлетела морозная пыль из под винтов, на минуту закрыв деревянное грязно-голубое здание аэропорта и Жиганск встретил нас. Встретил сухим морозом, чистым, почти фиолетовым, небом, яркими оранжевыми пятнами вертолетов полярной авиации и румяной веселой физиономией Сашки Пестрикова, завбазой экспедиции в поселке. База экспедиции – несколько брусовых двухквартирных домов, баня, склады и мастерские, располагалась на северной окраине поселка, за метеостанцией. Сразу за складами начиналась тайга, уходящая бесконечными увалами почти до самого Ледовитого океана. Весной на крышу склада прилетали глухари и Сашка прямо с крыльца дома бил их из малопульки. На помойку за домом приходили белые куропатки, которых Серега, рабочий по базе, ловил замороженными в наст литровыми стеклянными банками из-под борща с несколькими ягодами брусники на дне для приманки. К нашему приезду Серега протопил печки в доме, наколот и сложил запас дров в тамбуре и, очень довольный, в предвкушении хорошей выпивки, ждал нас. За зиму на базе ничего не изменилось. Все так же гудел ветер в растяжках антенны радиостанции, над входной дверью которой, над объявлением «Посторонним В», висел в застекленной раме портрет вождя мирового пролетариата Карла Маркса, внешне точной копией которого был наш базовский радист Иван Лохматов, и над дощатым сооружением уличного сортира типа М и Ж красовалось объявление «Салон Чародейка, вход только по предварительной записи», украденное в прошлом году на Ленинском проспекте каким-то студентом. Словом, все было как надо. Стол в нашей половине дома сервировали в лучших полевых традициях. Крупно нарезанные свежие огурцы, московская сухая колбаса, чеснок и сало соседствовали со свежепросоленным чиром и копченым ленским омулем. В центре стола шкварчала огромная сковорода жареной оленины. Разнокалиберные эмалированные миски и кружки стояли перед каждым из нас.

Не успели мы сесть за стол, как появился Петруха, мой многолетний полевой рабочий из местных. Зиму работавший на метеостанции газогенераторщиком и попутно ловивший соболей и песцов в окрестностях поселка. Явился, как и положено, со своей кружкой. Расселись вокруг стола, выпили с приездом. Второй тост по традиции – «за успех нашего безнадежного дела», третий – за удачу и за тех, кто в поле. Пошла беседа. Я прилег на расстеленный на нарах спальный мешок, думая о своем и краем уха слушая разговоры.

Петруха рассказывал: «Ты знаешь, Иваныч, я же потихоньку здесь капканы – то ставлю и вроде неплохо получается. А тут какая-то падла стала по моим путикам шакалить. Ну, думаю, я вам сделаю козу. А местные бичики вечером все в аэропортовскую кочегарку сползаются. Я капкан медвежий взял и в кочегарку. В тисках пружины взвожу. Спрашивают, кого это ты ловить надумал? Да вот, говорю, какая-то сука по капканам моим лазить наладилась. Теперь пускай полазит. Пружины взвел, на защелку поставил, капкан взял и ушел. Настораживать конечно не стал, все-таки от поселка близко, не дай бог кто впорется. Но воровство как отрезало – научил».

С этим Петрухой вообще всегда весело. Какой-то он безалаберный, любит соврать, беззлобно пошутить. Всего достояния у него и есть, что комната на двоих в общаге на

метеостанции, да две собаки – Миша и Ньюша. Миша - здоровенный черный лохматый зверовой кобель, во всем, кроме своей работы - держать лося - совершенно бестолковый и ленивый, очень добрый. Ньюша - маленькая рыжая сучка, хитрая и строгая, Мишу держит в черном теле. Пока сама не поест, его к миске не подпускает, соболятница. Петька их любит. С Мишей недавно вышел конфуз. Прилетел на базу взрывник из соседней партии, привез с собой собаку породистую, ирландского сеттера. Очень он ею гордился. Лада то, Лада се! Постоянно дрессировал. Положит кусок колбасы на пол – Лада, нельзя. Лада посмотрит, посмотрит, да и сожрет. Петруха говорит: «Что это за собака! Вот мой Миша – скажу ему: «Миша, нельзя! – сдохнет, не возьмет». Пospорили. Петька взял со стола круг краковской колбасы, на пол бросил: « Миша, нельзя!!!». Миша колбасу - хап, и в тайгу, Петька за ним: «Миша, гад, отдай колбасу, ты всю мою репутацию позоришь!», - орет. Вся база смеялась, а он доволен, где еще Миша колбаски поест. Посидели, посмеялись. Угомонились за полночь.

С утра Сашка поехал в аэропорт, ставить в план рейс вертолета Ми-8 на нашу старую базу в устье левого притока Оленька, реку Беенчиме. Напрямую четыреста километров от Жиганска строго на север. Вылетали шестеро: Иваныч, трое вездеходчиков, Петруха и Француз. Им нужно было подлатать вездеходы, свернуть базу и идти вверх по Оленьку около тысячи километров до места новой базы. Нам троим (мне, Игорю Сухову и рабочему Лешке – «Гангрена») предстояло получить горючее для перегона и на вертолете разбросать его по маршруту движения каравана. Затем получить и упаковать продукты, палатки, всякий другой нужный бутор и вылетать на место будущей базы размечать полосу для Ан-2, ставить палатки, принимать груз из Жиганска и ждать караван.

Погода стояла, как говорят летчики, «миллион на миллион» - мороз двадцать градусов, без ветра. С горючим управились за три дня. День возили бочки с нефтебазы на аэродром и два дня мы с Суховым летали по маршруту и ставили бочки и вехи с флагами в местах, заранее оговоренных с Иванычем. На четвертый день получали у Сашки из сейфа оружие, на радиостанции рацию и аккумулятор к ней. Все упаковывали, готовились к вылету. На шестнадцатое марта в плане стоял спецрейс Ми-8 на устье реки Сенкю - место нашей новой базы. Был яркий морозный день, солнце слепило бликом электросварки. Сделав круг над местом предполагаемой посадки, Ми-8 осторожно опустился на пологий откос берега, по брюхо провалившись в сугроб.

Разгрузились, покидав вещи в глубокий снег сбоку от вертолета. Давил сильный мороз, глушить двигатели было нельзя – потом не запустишь, остынут. Второй пилот, молодой, только что из училища, белобрысый парень, в летной форме с иголочки белой рубашке и галстукe, форменных ботинках и легкомысленной курточке, высунулся из двери, справить малую нужду. Сорвался, увяз по пояс в снегу. Выбрался на подножку и растерянно спросил: «Ребята, может обратно с нами полетите?». Гангрена заржал. Командир из кабины махнул рукой – уходим. Мы легли на кучу, прижимая легкие вещи, чтобы не взлетели и не попали под винты. Ударил снежный вихрь, вертушка приподнялась, повернулась вдоль русла и, слегка наклонившись, пошла вперед. Через пару минут ее рокот затих за перегибом склона противоположного берега.

Ослепительно сверкал снег, кусты тальника, кое-где видные из сугробов, искрились инеем. Ярко-синие ажурные тени отбрасывали растущие на бровке террасы лиственницы. Стояла звенящая тишина. На сотни километров вокруг была безлюдная, скованная лютой стужей тайга. До вечера нужно было успеть выбрать место для лагеря,

соорудить каркас и поставить палатку. Я вытащил из беспорядочной груды вещей широкие охотничьи лыжи, надев их, стал подниматься по глубокому сыпучему снегу вверх по склону на плоскую поверхность береговой террасы Оленька.

Темнело, в железной печке слева от входа в капитально установленную четырехместную палатку, потрескивали дрова. Широкие нары из неошкуренных жердей, покрытые плотным брезентом, были застелены оленьими шкурами. Поверх них, на кошме, раскатаны спальные мешки из верблюжьей шерсти. На гвоздях, вбитых в жерди каркаса, висели кавалерийский карабин и ружья, в изголовье стояла радиостанция «Гроза-4» и радиоприемник «ВЭФ». На раскаленной печке пофыркивал чайник и невыносимо вкусно после дня на морозе, пахло от чугунной сковороды, в которую Гангрена вывалил две банки фасоли в томатном соусе, большую банку говяжьей тушенки, покрошил сухой лук и сейчас помешивал это варево, разогревая его. Мы обживались на новом месте.

Утро началось с радиосвязи, поговорили с Иванычем. Они еще не выехали. Было много дел с вездеходами. Днем мы с Игорем размечали посадочную полосу на береговой косе. Для посадки «Ан-2» нужна ровная, без камней и ям площадка, с хорошими подходами, шириной около ста и длиной четыреста-пятьсот метров. Нам повезло. Снега на косе было сантиметров тридцать. Прямой участок долины около пяти километров позволял не беспокоиться о подходах. Боковые границы площадки мы отметили еловым лапником через двадцать метров. Угловые вешки – красные флаги на метровых древках – просто воткнули в снег. На высоком береговом мысу напротив площадки установили «колдун» – длинный, метров пятнадцати, шест с прибитым на самом верху оранжевым сигнальным жилетом вместо флага, нужный для определения направления ветра при посадке самолета.

К вечеру управились. Гангрена вчера сдуру «нахватался зайчиков» – поджег глаза на ярком солнце, работая без темных очков. Сегодня целый день сидел в палатке, кашеварил. Выйти в таком состоянии на улицу невозможно – сразу резкая боль и резь в глазах, слезы в три ручья. Делает примочки из спитого чая. Хорошо помогает. Вечером доложили на базу в Жиганск о готовности площадки. На двадцатое марта, после выходных, к нам поставили в план два борта «Ан-2» с грузом соляра.

На следующий день, восемнадцатого марта, решил пройтись вокруг, посмотреть окрестности. Небо с утра было затянуто легкой облачностью. Солнце слепило не так сильно, да и в лесу его блеск все-таки приглушали тени. По долинке небольшого ручья, расположенного ниже по течению Оленька, я поднялся километра на два к водоразделу между реками Сенкю и Оленек, в этом месте текущим почти параллельно друг другу. По дороге пересекал многочисленные следы зайцев, куропаточки наброды. В двух местах, под самым перегибом коренного склона, где снег сдувало ветрами, обнаружил места кормежки оленей – раскопанный снег, остатки ягеля, объединенные кусты тальника и карликовой березки. Судя по следам, стадо было голов пятнадцать, видимо, небольшой откол от основного массива «дикарей», в это время мигрирующих на север, в тундру и собирающихся многими тысячами в конце марта в долине Оленька в районе устья реки Укукит, севернее нашей базы. С вершины водораздела широко открывалась долина Сенкю, вольно раскинувшаяся к северу. Пойма и острова в русле, заросшие высокими кустами ивы, были хорошими, кормными угожьями для лося. Многочисленные пойменные озера и протоки обещали к весне отличную охоту на утку и гусей. Обычно в таких удобных местах издавна селились люди. Я взял бинокль и стал внимательно осматривать пока еще прозрачную тайгу. На южном склоне, открытом в сторону Оленька, на берегу

круглого озера, в хорошем чистом лиственничном лесу, стояло несколько низких срубов с провалившимися плоскими крышами.

Я спустился вниз по склону водораздела и по старой, видимо давно не езженной нартовой тропе пошел к ним. Два просторных квадратных приземистых строения с остатками засыпных, покрытых корьем, кровель, с низкими дверными проемами, узкими небольшими окнами стояли на уютной поляне у озера. Рядом, метрах в двадцати, на высоко срубленных пнях, как избушка Бабы-Яги на курьих ножках, приткнулся вместительный лабаз. Внутри одного из наиболее сохранившихся срубов, вдоль стен тянулись широкие лавки. У дальней торцевой стены, напротив двери располагался сложенный из глыб долерита, массивный, хорошо сохранившийся очаг с конусообразным колпаком для вытяжки дыма, сделанным из жердей, со следами глиняной обмазки, предохранявшей его от огня и искр. Судя по конструкции очага и по способу рубки стен («в чашку», с продольным пазом, хорошо пригнанным друг к другу бревнам, срубленным без применения пилы, одним топором, очень сильно выветрелым торцам бревен) строение было, вероятно, очень старым, если не сказать - древним. Я подумал, что летом, когда сойдет снег, нужно будет обязательно еще раз побывать здесь и все хорошенько осмотреть.

Сориентировавшись по аэрофотоснимку, отметил местонахождение срубов и пошел по редкостойному лиственничному лесу в направлении сильно врезанной в правый берег излучины реки Сенкю, решив заодно посмотреть разрез рыхлых отложений на предмет опробования. Метров через двести мне открылась совершенно удивительная картина. На высоком береговом обрыве, образованном плавной излучиной речной протоки, на ровной и чистой площадке, открытой в сторону обрыва, стояли четыре высоких деревянных темно-серых креста. Посвистывал ветер в голых черных ветках лиственниц, кое-где из под снега виднелась сухая серебристая пена ягеля и вдоль кромки берега росли черные на фоне голубого снега кусты можжевельника. Внизу, за ними, лежала широкая долина реки, вся в зарослях тальника. От всего этого веяло совершенным умиротворением и покоем. Я долго стоял, прислонившись спиной, к шершавому стволу росшей на кромке обрыва лиственницы. Начинало смеркаться, до лагеря оставалось около пяти километров, и нужно было идти. Уходить не хотелось.

Потом, в начале лета, когда из Москвы пришли подробные карты территории работ, я узнал название озера. Обычно собственные имена имеют только крупные озера. Это же – одно из многих небольших в данном районе, имело четкое и определенное название – Нючча-Кюель. Что в переводе с якутского означает Русское озеро. Семен, знакомый эвенк-охотник из Оленька, ответил на мой вопрос об этом месте так : «А, это совсем давно русские зимовали, потом большой лодкой вниз ушли. Однако, казаки. Начальник Сенька звали, потому и речка Сенкю. Четыре померли. Кресты видел? Там лежат». Вообще на севере очень долго сохраняются следы пребывания человека и память о событиях. Поселок Оленек в верховьях реки был основан казаками-землепроходцами в 1625 году. Возможно, это зимовье – след Великой северной экспедиции Ивана Москвитина и Семена Дежнева. Все может быть...

Двадцатого марта к нам пришел первый борт из Жиганска с грузом соляра. И началось! Разгрузить бочки, откатить за боковую границу полосы по снегу, Поставить. Перенести на берег подъемный груз. Иногда по три борта в день. За две недели хорошей погоды забросили всю горючку, все снаряжение и продукты на сезон. Устали, оборвались. Нужно было делать баню. Все палатки должен был привезти караван со старой базы, а

он еще даже не выехал – меняли двигатель на одном из вездеходов.

Мы с Игорем вышли из положения просто. Сто литровую бочку из под бензина приспособили для нагревания воды, вырубив верхнюю крышку и сделав дужку из толстой проволоки. Бочку повесили на мощной треноге над костром, набили ее льдом из ручья, снег возле костра застлали еловым лапником и покрыли брезентовым полом от палатки. От ветра тоже натянули пару брезентов. Через час вода закипела. На улице было градусов десять мороза. С одной стороны сильно припекал костер, с другой морозило. Горячей воды было много, так, что помылись куда как хорошо. Гангрена на такую баню не рискнул и потом завидовал нам с Игорем.

Шла вторая половина апреля, ночи стали совсем светлыми, смеркалось лишь на пару часов. Днем пригревало, ночью еще сильно морозило и снег покрылся твердым настом. С утра можно было ходить без лыж до обеда, часов до двенадцати. К вечеру опять подмораживало. Днем мы занимались хозяйственными делами – ставили каркасы для палаток, строили для себя тордох (тордох – якутское жилище, представляющее из себя усеченную четырехгранную пирамиду с плоской крышей). Стены из жердей, обтянутых брезентом, деревянный же пол прямо на земле. Жить в нем удобнее, чем в палатке и гораздо теплее почему-то. Вечером до темноты и с утра мы с Игорем лазили по озерам - охотились на ондатру, ставили капканы на лис и соболей.

В один из таких дней в густых тальниках устья Сенкю я подстрелил крупного лося. Два дня таскали мясо к лагерю, так, что проблемы с продуктами не было совсем. По вечерам, когда солнце уходило за увалы на севере от лагеря и начинало подмораживать, мы слушали «музыку бочек». Каждый, кто был на Севере весной, знает, что это такое. Металлические бочки с горючим, днем нагретые солнцем, начинают остывать и, каждая, втягивая вздувшееся дно, издает свой особенный звук. Бочек на полосе было семьдесят штук, так, что музыка была каждый день разная, в зависимости от погоды и ветра. Вокруг лагеря ожила скрытая таежная жизнь, затихшая было с нашим появлением. По утрам на пригреве берега орали и дрались куропахи, в весенней безумной отваге не обращавшие на нас никакого внимания. Появились наглые рыжие птицы кукши, старавшиеся хоть что-нибудь украсть. Знакомый горностаи ловил под полом складской палатки мышей и уже совсем нас не боялся.

В довершение всего на остатки внутренностей лося набрела волчья стая. Однажды в сумерках восемь огромных (высотой с бочку-двухсотку) светло-серых, почти белых зверей, тенью промелькнули по взлетной полосе мимо лагеря. После этого мы стали носить с собой оружие, даже если уходили недалеко. Это не сильно помогло. Игоря Сухова чуть было не сожрали. Отхожее место мы устроили по всем правилам, ниже по течению на льду протоки, метрах в тридцати от палатки. Расчистили снег, сделали из снежных кирпичей полукруглую стенку от ветра. Как-то утром Игорь пошел туда. Потом он рассказывал так: «Сижу это я, думаю о том, о сем и вдруг чувствую – кто-то смотрит в затылок так, что волосы дыбом поднимаются. Еще звук такой раздался, как будто кто слюну сглотнул. Я повернулся - волчина на обрыве берега стоит и смотрит на меня, как на антрекот. Тут я заорал так, что сам оглох».

В это время я лежал в палатке, думая, вылезать из спальника или еще поваляться в полудреме. Раздался крик: «Ко-ляя-аа!!!». Я выскочил из спальника, прыгнул в валенки, схватил карабин и, как был - в трусах -,кинулся из палатки. Игорь показывал одной рукой на обрыв, другой поддерживал штаны и ничего не мог выговорить. С нижних веток росшей на обрыве ели осыпался снег. По следам, которые остались на берегу,

было понятно, что крупный волк лежал на обрыве береговой террасы в десяти метрах от Игоря. Потом встал и собирался прыгнуть на него. По этому поводу Гангрена выдал мне: «Хорошо, что это не ты там был, а то бы волк обязательно прыгнул, в тебе же мяса раза в два больше. Он бы точно не выдержал».

Весна потихоньку вступала в свои права, снег на южных склонах подтаивал. Где-то к середине мая, днем хорошо пригревало, снег на льду Оленька сильно осел, показался синий лед. Караван со старой базы прошел уже большую часть пути и находился в четырех днях хода от нас, если идти без особых приключений. И вот, девятнадцатого мая, из-за поворота реки в пяти километрах ниже лагеря появился «ГТТ», тянущий за собой темно-зеленый вагончик на полозьях. За ним следом, по промятой колее шли еще два вездехода с волокушами на прицепе. Еще один вездеход пришлось оставить в устье реки Чомурдах, в старом заброшенном поселке топографов. У него прогорели выпускные клапана двигателя, и требовался небольшой ремонт. Времени на это уже не было - вот-вот ледоход.

Весновка заканчивалась, скоро должны были прилететь основные силы партии. Начинался полевой сезон, нам предстояло еще много всяких дел, но это уже другая история.

Опуск 5.

Все началось с того, что мы совсем обнаглели. Шла первая половина августа, полевой сезон приближался к концу. Наш поисковый отряд отрабатывал бассейн правого притока Оленька, реки Мерчимдэн. Искали мы кимберлитовые трубки, коренные месторождения алмазов и опробовали рыхлые речные и склоновые отложения на предмет обнаружения россыпных месторождений. Река, на которой мы работали, была довольно крупная и полноводная даже по сибирским меркам, особенно в период «черной воды» - времени, когда тает вечная мерзлота. Наш старенький гусеничный вездеход «Газ-47» раз за разом исправно переплывал с косы на косу, старательно шлепая траками и фыркая выхлопной трубой, как старый конь.

В тот день мы особенно долго шли вдоль долины, перебираясь на новое место стоянки. Вода в реке держалась высокая, и в лодку вездехода ее набиралось все больше и больше. В моменты редкого сухого пути она не успевала вытечь сквозь многочисленные дыры и трещины в корпусе, появившиеся за сезон тяжелой езды через тайгу и по глыбам курумника на водоразделах. После особенно длинного и глубокого переката, который наш вездеход прошел на пределе, оставалось переплыть довольно широкий плес и выйти на берег в месте, намеченном для лагеря.

Можно, конечно, было выбраться на правый берег и попробовать проломиться через густые заросли в пойме, но был вечер, все уже очень устали, а тут – пятьдесят метров и конец пути. «В душу и в сердце, - сказал Валерка, - вперед!2 (Валерка – начальник отряда в этом сезоне) И мы поплыли. Не доходя двадцати метров до берега, вездеход качнулся, вода перехлестнула через капот и залила двигатель. Он заглох, и машина ушла под воду. К нашему счастью здесь было не очень глубоко. Над водой оставалась крыша вездехода, гора укрытого брезентом груза и мы на нем. Петрович, наш вездеходчик, открыл дверцу и, высунув голову, спокойно произнес: «Пиздец, отъездили!» Все дружно заржали, вспомнив рассказанный им же случай в метро. Случай в метро: час пик на станции «Маяковская». Интеллигентного вида мужчина с двумя портфелями пытается успеть вскочить в закрывающиеся двери. Двери закрываются, его голова в вагоне, сам он на платформе. «Ну вот, пиздец, - отъездился, - говорит он». Двери открываются. Он, крайне смущенный, отходит от вагона. Поезд уходит...

Я заглянул в кабину с правой стороны. Валерка сидел по горло в воде и держал над собой железный ящик со спецматериалами (картами, аэро и космофотоснимками) за сохранность которых он отвечал «по статье». Я забрал у него ящик и поставил рядом с собой на крышу кабины. Сюда же сложили все спальные мешки и рюкзаки с личными шмотками, рацию и аккумулятор вездехода. Достали и накачали резиновую лодку. Стали понемногу перевозить груз на берег, буксируя лодку на длинном капроновом фале туда и обратно. Перевезли, поставили палатки, натянули тент над костром, сделали настил для склада и стали подсчитывать свои убытки. Мешок сахара растворился практически весь, остатки соли в бумажных пачках слили в таз, чтобы потом выпарить. С мукой практически ничего не случилось она воды не боится, в полном мешке вода проникает внутрь на один-два сантиметра, образуя водонепроницаемый слой. Остается только высушить мешок снаружи. Два ящика макарон превратились в подобие «ДСП» толщиной сантиметров пять на дне ящика. Крупы можно высушить, консервы – что им будет? В общем, самое плохое – подмокло все курево и чай. Да, еще, вездеход-то на дне реки. Ну, да утро вечера мудренее, легли спать.

Прошло трое суток с момента нашего утопления. Вода в реке упала на полметра, над поверхностью показались борта и капот вездехода. Мы решили попытаться откачать воду из лодки и вытащить вездеход на берег. Плотно закрыли дверцы, тщательно законопатили все доступные дыры и щели, ведрами стали выкачивать воду. Часа через три воду вычерпали – вездеход не всплывал. Гусеницы успело замыть песком и галькой на дне реки. Провернуть их вручную не хватало сил. Тогда решили попытаться завести двигатель. Петрович отсоединил выхлопную трубу от коллектора, слил воду из поддона двигателя. Вращая заводной ручкой, выгнали воду из цилиндров через вывернутые свечи, просушили и продули стартер и трамблер. Подсоединив аккумулятор, попытались завести двигатель. Стартер не работал.

Вручную запустить не удавалось – вращать заводную рукоятку, стоя по горло в воде не хватало сил. Еще раз, уже просто для очистки совести, решили прогреть двигатель и стартер паяльной лампой. Прогрели, почистили все контакты – стартер не работал. Я заматерился и напрямую, отверткой, замкнул контакты стартера. Двигатель задержался, зачихал и неожиданно завелся. Петрович прыгнул на место водителя и включил скорость. Гусеницы провернулись – вездеход пробкой всплыл и закачался на воде. Я заорал: «Тяни!» Ребята с берега дернули за капроновый фал, привязанный за ручку на кабине, и поволокли вездеход к берегу. Зацепившись гусеницами за дно, машина выбралась на косу. И тут двигатель заглох окончательно. Но это было уже не страшно – на берегу все можно отремонтировать.

Вездеход починили. Пока занимались всей этой суетой, прошла целая неделя без маршрутов. Наступала осень и мы с Валеркой решили разделиться. Он с вездеходом и тремя рабочими обрабатывает более длинные правые притоки. Мне с рабочим, Серегой «Магнитометром», достались более короткие, доступные с реки, левые притоки. Их можно было взять маршрутом протяженностью двадцать – двадцать пять километров за световой день. В отряде была резиновая надувная лодка грузоподъемностью сто килограммов, взятая специально для рыбалки. Сплавляться вдвоем со снаряжением и продуктами на ней было невозможно. Я решил построить хороший плот для груза, а лодку отдать Сереге. У него не было опыта сплава.

Тайга в этих местах в основном лиственничная, а лиственница практически не годится на плот – очень тяжела. На нашу удачу в устье небольшого притока ниже лагеря стояло несколько елей. Одна из них, сухостойная огромная елка, как раз и подошла для плота. Из нее вышло три шестиметровых толстых бревна. Два из них пустили по бокам плота, одно посередине. Промежутки забрали бревнами потоньше. Крепили поперечными длинными шпонками, врубленными в клиновое паз. Для надежности связали капроновым фалом по носу и корме. Для груза я сделал поднятый над плоскостью плота настил из тонких сухих жердей. Груза брали по минимуму. Двухместная палатка, тент для костра, два рюкзака с личными вещами, два спальных мешка. Два лотка для промывки шлихов, две короткие лопаты, геологический молоток, топор в чехле из куска шланга, запас шламовых и пробных мешков, сложили в маршрутные рюкзаки. Радиостанция «Карат» была в своем футляре вместе с батареями. Ведро, котелок, сковородку, чайник, две кружки, половник и две ложки сложили в фанерный ящик из-под макарон. Так как мы сплавлялись по реке и могли кормиться рыбалкой и охотой, продуктов тоже взяли немного. Пробный мешок муки (десять килограммов), три литра растительного масла, два шламовых мешочка (около килограмма) соли, четыре килограмма крупы (рис и перловка), специи. Все. Валерка уходил в тайгу, ближе к водоразделам, где охота плохая,

а рыбалки никакой. Ему остались все консервы, большинство круп и мука. Казенный карабин я оставлял Валерке, ему он нужнее. Для рыбалки у меня был хороший спиннинг с набором блесен, леска и крючки на мелкую рыбу. Для охоты – ружье «ИЖ-27» двенадцатого калибра, двуствольная «вертикалка», ездившая со мной уже более десяти лет и много всякого боеприпаса к ней.

Отправлялись рано утром. День был яркий, безветренный. Правый обрывистый берег реки отвесной, двадцатиметровой высоты, стеной, сложенной пестроцветными известняками, проплывал мимо. Вода, прозрачная до самого дна, легко несла сухой плот. Местами глубина под обрывом достигала десяти – двенадцати метров. Там, в береговой тени, стояли крупные (до метра длиной) таймени, слабо шевелившие яркими красными с белой каймой плавниками. Шумела вода внизу на перекате. Впереди послышался стук камней. Вдоль подножья обрыва по крутой каменной осыпи спокойно шел крупный серый, с длинной светлой шерстью на груди и шее, северный олень. Я замер на плоту. Вода сама несла его к цели. Метров с пятидесяти я пулей выстрелил в лопатку зверю. Олень свечкой взвился вверх и рухнул в воду. Река понесла тушу. На поверхности горбом торчал левый бок оленя, голова была под водой. Серега на лодке догнал зверя и попытался накинуть веревку ему на рога. Видимо последним усилием олень вскинул голову. Серега заорал, бросил веревку. Весла его лодки замелькали как лопасти винта Вертолета, и она моторкой пошла против течения. Пришлось мне на плоту догонять и цеплять оленя за рога. Кое-как, пристав уже в полукилометре ниже обрывов, я подтянул тушу к берегу и только тогда от души посмеялся. Серега оправдывался: «Да, он как кинется на меня, глаза кровью налились, роги огромные, чуть не затоптал». У страха глаза велики. Ну да ладно. Я стал разделявать добычу.

Серега на берегу под лиственницами, росшими на кромке надпойменной террасы, долбил в мерзлоте яму для мяса. Оленя решили оставить ребятам с вездехода. Себе взяли кусок печени, сердце и половину задней ноги. Остальное сложили в постеленную на дно ямы шкуру и закрыли мхом. Так мясо могло лежать дня три-четыре как в холодильнике. Рядом на лиственнице сделали затес и поставили несколько вешек с шапкой мха на верхушке - их очень хорошо видно в тайге. Сделали дело и поплыли дальше.

До намеченной стоянки было еще пять километров. Вечером я вышел на связь с основным отрядом. Позывной отряда в этом сезоне был «Русалка – 24». «Русалка – 24», «Я Карат – 1» Валера, как меня слышишь, прием». «Карат – 1, я «Русалка – 24», слышу нормально, как дела, как дошли, прием». «Дошли без приключений, без приключений, прием». «Николай, я завтра собираюсь уходить в верховья Балаганнаха, дня два не выйду на связь, прием». «Русалка – 24» я «Карат – 1». «Валера, погоди уходить, я тут тебе пробу приготовил, под обнажением взял, прием». «Какую пробу, прием?» «Мелкообъемную, но хорошего качества, прием». «Ясно, ясно, спасибо, прием».

Надо сказать, что открытым текстом в эфир говорить про охоту мы опасались. Рации довольно мощные и на всю Якутию кричать не очень хорошо. Так что эти сведения шифровали нехитрым кодом. Олень – мелкообъемная проба, лось – крупнообъемная. Наш радист Иваныч однажды выдал в эфир такой текст. Его спросили, какая, мол, проба? Он отвечает: «Хорошая проба, хорошая. Два пальца жиру на жопе». Ржали долго.

На следующий день я наметил поисковый маршрут в бассейне крупного левого притока, в устье которого мы встали лагерем. Для этого в русле ручья вне зоны влияния долины основной реки нужно было взять укрупненную шлиховую пробу – промыть в лотках двести литров русловых песчано-галечных отложений. При промывке

в лотках все легкие породы и минералы смываются потоком воды, на дне лотка остается собственно шлик – концентрат тяжелых минералов. Кимберлитовые трубки и жилы – коренные месторождения алмазов содержат наряду с самим алмазом на два порядка большее количество так называемых минералов-спутников алмаза (М.С.А). Это яркие кроваво-красные пиропы, зеленые, как кошачьи глаза- оливины, черные, с металлическим блеском- пикроильмениты, ярко-зеленые- хромдиопсиды, черно-бурые- хромшпинелиды и другие, менее распространенные М.С.А. Все они остаются в шлихе. Вот по ним, собственно, и ищут кимберлит. Наличие в шлихе М.С.А говорит о том, что в бассейне ручья или речки находятся кимберлитовые тела, либо древние погребенные россыпи. В случае обнаружения в шлихе этих минералов начинаются более детальные поиски.

Так – как кимберлитовые тела отличаются по своим физическим свойствам (твердости, плотности, магнитности и т. д.) от пород, вмещающих их, то на местности, а, следовательно, и на аэро и космофотоснимках они как-то выделяются на нормальном фоне. Вот эти фотоаномалии, видные как темные либо светлые пятна, полосы, разрывы границ пластов и тому подобное, мы и выискиваем. Просмотрев многие тысячи аэрофотоснимков, часто уже чисто интуитивно отмечаешь места, которые тебе нравятся. Иногда даже сам не знаешь почему. Если территория работ покрыта аэромагнитной съемкой и на ней есть магнитные аномалии, да еще если они хотя бы приблизительно совпадают с фотоаномалией – это идеальный случай. Просто находишь на местности этот объект, наземной «магниткой» подтверждаешь аномалию и пробой определяешь ее тип. Если есть М.С.А.– это кимберлит. Можно бурить скважину либо бить шурф для опробования.

Но в основном территория не освоена и магнитной съемки нет. Поэтому приходится «заверять» фотоаномалии – ниже по склону отбирать профиль шлиховых проб. На практике это выглядит так – метрах в пятидесяти ниже фотоаномалии из выкопанных до мерзлоты (это в зависимости от экспозиции склона тридцать – восемьдесят сантиметров), закопушек, берется ведро грунта в брезентовый пробный мешок. По весу это около двадцати килограммов. В рюкзаке проба выносится до ближайшей воды, иногда за несколько сот метров. Там в лотке отмучивается от глины и промывается. Шлик предварительно просматривается. Если есть что-то интересное – хорошо. Параллельно отбираются пробы для спектрального анализа (металлометрия). Для качественной заверки необходимо три-пять проб. После предварительного просмотра шлихи отправляются в минералогическую лабораторию. Изредка бывает так, что прямо в маршруте, за один-два дня, уверенно выделяется местонахождение кимберлитового тела. Это удача.

Собственно, вот этим мы и занимаемся. Работа тяжелая, но азартная, сродни охоте или рыбалке. Только добыча более серьезная – месторождение алмазов. Чтобы надежно опосковать бассейн притока длиной до десяти километров, нужно потратить два-три маршрутных дня. Летом хорошо – круглые сутки светло, длина и продолжительность маршрута определяется только личной выносливостью и интересом территории. Ближе к осени приходит время темных ночей и это очень неудобно. Приходится рассчитывать работу на световой день.

Еще нужно выделить время для охоты и рыбалки – ведь в основном питаемся подножным кормом. Хотя охота обычно выглядит так – по ходу маршрута взлетает стайка куропаток или уток, выбиваешь пару штук и ужин готов. Рыбачить тоже не особенно

долго. Обычно лагерем встаешь в устье какого-либо притока, а это самое удобное место. Можно поставить сетку, но много рыбы не нужно. В основном ловим спиннингом. Мерчимдэн – река рыбная. Ленки стоят на каждом перекате. Полчаса - и дело сделано. Пара килограммовых красавцев уже почищены и жарятся на чугунной сковороде, поставленной на три вбитых в землю вездеходных пальца, специально взятых для этой цели. Вот так мы и живем.

Был конец августа, полярный день кончился, наступила пора темных ночей. Пожелтела хвоя на лиственницах и после уже довольно сильных ночных заморозков с тихим шорохом сыпалась на крышу палатки. По ручьям несло толстый слой опавшей хвои и, на обмелевших перекатах, она скапливалась рыжим пушистым войлоком. Вниз, в большую реку, плавилась хариусы и мелкие ленки, торопясь успеть до морозов. После нескольких дней дождя воздух очистился от дыма далеких таежных пожаров и стал по осеннему прозрачным. Пахло свежей горечью опавшей тальниковой листвы и грибами.

Нам оставалось отработать два последних левых притока Мерчимдэна. Долина его ближе к устью стала очень широкой, заросшей высокими густыми кустами ивы. Из-за высокого подъема воды во время весеннего паводка кусты на высоту человеческого роста были покрыты слоем ила. В сухую погоду еще можно было пройти, но в дождь через двести метров все мы покрывались слоем липкой серой, остро пахнущей грязи.

Я решил спуститься вниз, к Оленьку и уже оттуда отработать оставшуюся территорию. Напрямую до устья было около шести километров. Река же, выходя из узкого каньонообразного участка долины, начинала выписывать немыслимые петли по пологой низменности правого берега Оленька, текущего здесь в широтном направлении. Расстояние до устья увеличивалось раза в три. За те три недели, что мы сплавлялись по реке, плот наш сильно намок и отяжелел, не смотря на то, что на стоянках мы с Серегой вытаскивали его на берег, насколько это возможно. Грузоподъемность его уменьшилась и над водой виднелось только сантиметров пять верха бревен и настил, на котором был сложен весь груз.

Грузились рано утром, чтобы до темноты успеть дойти до Оленька. Оттолкнувшись от берега, я вывел плот на середину реки. До выхода из каньона оставалось полтора километра. Река в этом месте текла мощной, шириной около пятидесяти метров, гладкой единой струей. После удара о подмыв левого берега она поворачивала направо почти под прямым углом. Ниже начинался длинный крутой перекат. Плот неожиданно как будто поскользнулся и стал заваливаться на левый борт. Я очень быстро, по паучьи, на четвереньках перецарапался через кучу закрытых брезентом вещей и, ухватившись за обвязывавшую груз веревку, повис над водой с правого борта. Плот нехотя выровнялся и, неуклюже повернувшись, кормой уткнулся в обрывистый торфяной берег. Темная вода с хлюпающим звуком стремительно летела в черную дыру тоннеля, образованного козырьком подмытого большой водой торфяного берега. Я уперся шестом и, навалившись изо всех сил, оттолкнул плот. Течение подхватило его и быстро потащило вниз, туда, где среди бурунов переката как поплавок прыгала резиновая лодка Сереги-«Магнитометра», моего маршрутного рабочего. Берег, поросший корявыми желтыми лиственницами, подмытый сильным течением, оцетинившийся нависшими над самой водой наклоненными деревьями, стремительно проносился мимо. Река резко повернула влево и нас вынесло на широкий спокойный плес.

Это была уже совсем другая река, каньон остался позади. Глубокая спокойная вода лениво двигалась вдоль стены разноцветной осенней тайги. Яркие оранжево-желтые

лиственницы, подсвеченные солнцем, красный ковер голубичника, темно-зеленые кусты ольхи и седые космы лишайника, свисающие с нижних веток редких елей, создавали ощущение праздника. Прозрачная глубокая вода слабого чайного цвета, до самого дна просвеченная ярким солнцем, как в аквариуме позволяла видеть стаи темно-красных, с фиолетовыми спинами пятнистых ленков, спокойно висящих в потоке. Серебристые сиги временами взблескивали на солнце осколками зеркала. Вдоль отмели выпуклого берега речной петли сплошной извилистой лентой спускалась рыба молодь этого года – мальки трех-пяти сантиметров длиной. Скорость движения упала до двух километров в час, день был ясный, ветра практически не было. Стояла удивительная тишина, изредка нарушаемая всплесками рыб и кряканьем взлетающих впереди уток.

Так мы плыли целый день. Темнело. До выхода в долину Оленька оставалось около километра. В двадцати метрах впереди, с береговой косы, взлетела пара гусей, четкими черными силуэтами видная на фоне красного заката. Я вскинул ружье и два раза выстрелил. Сбитые на короткой дистанции мощными зарядами картечи, оба гуся упали и исчезли из виду на совершенно черной поверхности воды. Один из них, подранок, забился, плеская воду. От него пошли подсвеченные последними отблесками заката круги. Серега на лодке подплыл и забрал его. Второго гуся мы нашли только утром. Его прибило к камням на мелком перекае в самом устье Мерчимдэна. Уже в полной темноте наш караван вышел к устью. Подсвечивая себе фонариком, мы развели костер из очень кстати случившегося здесь плавника. При свете костра разгрузили плот и лодку. Поставили палатку прямо на косе правого берега, в пяти метрах от воды, попили чаю и легли спать. Завтра кончалось лето...

Опус 6.

Это было в Корякском нагорье, в междуречье рек Хатырка и Опуха. Мы с маршрутным рабочим Юрой-«Маленьким» возвращались из длинного маршрута. Погода была пасмурная, облака стояли над самой головой. В воздухе, к концу августа сильно похолодевшем, висели мельчайшие капли воды – бус. Все звуки вязли в нем как в вате. Звериная тропа, по которой мы шли, покрытая мелкой дресвой, скрадывала шорох шагов. Чуть заметный ветерок слабо тянул навстречу. Мы сильно устали, маршрут был довольно сложный, по ходу пришлось перевалить два водораздела превышением восьмьсот-тысячу метров. Так, что шли молча. Долина ручья, по которому мы спускались к месту стоянки, повернула влево, кусты кедрового стланика, росшие на склонах, кончились.

Открылась широкая, заросшая голубичником и шикшей, поляна. Метрах в тридцати от нас паслось семейство медведей – медведица и два маленьких медвежонка. Медведица, небольшого росточка, буро-коричневая с остью цвета осенней травы, круглая как шар, переворачивала небольшие камни и медвежата, фыркающая и чавкая, что-то ели. Потом все перешли на голубичник. Ягоды было много – поляна была покрыта сизыми россыпями голубики. Звери с удовольствием лакомились ею. Мы с Юрой стояли за кустом стланика наверное минут двадцать, любуясь этой идиллией. Но нужно было идти.

Я вышел из – за куста и, на всякий случай сняв с плеча ружье, тихонько кашлянул. Медведица громко фыркнула, медвежата подкатились к ней. Она очень ловко, левой и правой передними лапами, дала им шлепки под зад и семейство мгновенно скрылось в зарослях кедрового стланика на склоне. Посмеявшись от души, мы пошли дальше. До палатки оставалось около двух километров.

НЕПРИДУМАННЫЕ БАЙКИ

Встречаю после зимы знакомого эвенка-охотника: «Здорово Семен, как дела?». «Однако кхебо». «Что так?». «Да вот... собака помер... и баба сдох». Году в семидесятом был у нас проводник Аимчан, эвенк с Учура. Охотник хороший, уже довольно пожилой, где-то лет шестьдесят-шестьдесят пять. Я его спрашиваю: «Аимчан, а вот медведь, он очень умный?». «Да нет, не шибко. Его ума половину от человека, а то и двассать пять просентов». С тех пор в экспедиции поговорка – «у тебя ума как у медведя. Двассать пять просентов».

* * *

Семен, знакомый эвенк-охотник, приходит к нам на базу. Говорит: «Возьми собаку на лето». Я спрашиваю: «Зачем?». «Кормить будешь». Я взял.

* * *

Витька-якут, наш оленевод в 1970 году. Низенький, коренастый. Лицо круглое, усишки как у кота. Одет в синие простые брюки в мелкую белую полоску, кирзовые сапоги и синий – же простой пиджак прямо на майку. Ну никакой романтики. Зашел как-то разговор, кто как стреляет. У нас в партии был геофизик Саша – мастер спорта по пулевой стрельбе. Он говорит: «Вот ты охотник, а как стреляешь?». Витька отвечает: «Однако не мажу». У него была малопулька пятизарядная, у Саши – спортивная однозарядка. В пятидесяти метрах на листовнице сделали два затеса. Первым стрелял Саша. Лег, с упора выстрелил. Подышал, полежал, еще выстрелил... Так пять штук. За двадцать минут. У Витьки малопулька ободранная, на тонком сыромятном ремешке за спиной. Снял, вскинул, и стоя, с руки, выпустил весь магазин. За сорок секунд. Оба вколотили все пять пуль в точку диаметром с две копейки.

* * *

«Витька, ты чего палатку не ставишь?». «На куй нужон, так сплю. Комары же жрут. Мне комар покуй». «Ты чего такой, все тебе покуй?». «Мне все покуй. Босем лет Кабараска тюрьма». «Как так, за что?». «Баба сяйником убил». «Как чайником, за что?». Бодка пили, утром просыпался – голоба оооу, сопсем болит. Баба, сяй давай». Баба: «Куй тебе!» «Ах, куй...». Сяйником по голобе хуяк, а там лед.

* * *

Включаю радиостанцию, случайно переключился на четвертый канал. Слышу обрывок разговора : «Кампот нужен, кампот пришлите нашу бригаду». «Какой компот, сухофрукты что ли?». «Какой накуй сукопрукты. Кампот. Тракторка колодно».

* * *

В Москве в экспедицию нанимаются работяги. С каждым из них обязательно беседует начальник партии Игорь Михайлович, человек бывалый, хорошо понимающий в людях. В геологии работает с начала пятидесятих годов, повидал всего. Иному хватило бы на три жизни. Молодой парень, лет двадцати двух. Слушает очень внимательно, поддакивает. Игорь говорит: «Ну ладно, все понял?». «Да, да, все»,- отвечает Вовчик. «Значит, обязательно возьми с собой пару хороших топорищ». «Хорошо, обязательно возьму». К Игорю подходит другой красавец. Вовчик тихонько спрашивает у меня: «Слушай, а что такое топорище? Большой топор что ли?».

* * *

Постоянные кадры работяг шустрят в экспедиции с самой весны. Надо ведь обязательно пройти медкомиссию и инструктаж по технике безопасности. Приносят

иногда самые фантастические справки. Печать явно переведена при помощи вареного яйца, а уж текст... Один принес такой шедевр: «Здрав. Работать можит». И печать из медвытрезвителя.

* * *

Кадры серьезно проверяют только новеньких. Рассказывает знакомый геолог – молодой парень: «Был я в Жиганске у подруги. Задержался почти до утра. Решил уйти потихоньку, открыл дверь, в темноте наступил на собаку. Она завизжала. Шарахнулся в сторону, сбил висевшее на стене железное оцинкованное корыто. Корыто загрохотало. Кинулся вниз, споткнулся, упал с лестницы, разбил колено, заматерился. Ушел очень тихо...»

* * *

Сплавляемся на резиновых понтонах по реке Бур, левому притоку Оленька. Июль месяц, самые злые комары, жрут немилосердно, даже с диметилом. На самой бровке надпойменной террасы, покрытой сухим лишайником, под редкими лиственницами сидят столбиком два серо-коричневых ушастых зайца. Передними лапками сгребают с морды комаров. На нас никакого внимания – мало ли что там мимо плывет.

Опус 8.

Мой поисковый отряд в середине лета 1982 года вышел на Оленек в десяти километрах выше устья реки Барая, его правого крупного притока. Еще в начале работы я так спланировал маршрут, чтобы можно было устроить небольшой отдых, заправиться горючим, как следует порыбачить и заготовить мясо на вторую половину сезона. Базовый лагерь партии находился тогда в шестидесяти километрах ниже по Оленьку, в районе устья реки Беенчима. Там была посадочная полоса для АН-2 на островной косе, несколько домиков, баня, радиостанция. Наш радист и завхоз Иваныч на моторной лодке должен был подбросить мне две бочки бензина, забрать пробы и шлихи, привезти почту и последние новости.

Первым делом, мы конечно устроили баню. На галечной косе у самой воды соорудили из глыб долерита мощный очаг, поставили каркас для четырехместной палатки, чтобы сразу накинуть ее после того, как камни в очаге как следует раскалятся. Рядом, на треноге из жердей, повесили полубочку для горячей воды.

Часа через три вода кипела, камни в очаге светились белым жаром. Мы начисто выгребли и вымели остатки углей из очага, накинули палатку, плотно прижав ее борта камнями. Баня была готова. Ну что за баня без хорошего веника? Здесь, в Заполярье, обычно используют ольховые веники, ведь нормальная береза здесь не растет, только карликовая – березка Минендорфа, а она очень корявая, таким веником весь обдерешься. Но в устьях правых притоков Оленька иногда встречается и другая разновидность. Я назвал ее «Береза веничная». Это кустарник высотой до двух-трех метров с нормальными березовыми листьями, только меньше размером. Очень хорошие получаются из нее веники.

Мочалки тоже дает тайга – это мелкие корни тальника, висящие на подмытых сильным течением обрывистых галечниковых откосах. Оторвал такой пучок корней, прополоскал в воде от песка, окатил кипятком и мягкая упругая мочалка готова.

Первыми парились я и Володя-«Бузыка», мой вездеходчик, заядлый любитель бани. Ковшик воды, выплеснутый на камни, взорвался мощным клубом пара. Палатка раздулась как шар. Жар был такой, что пришлось встать на четвереньки. «Бузыка» хлестался веником, в который добавил можжевельника. Я на такой эксперимент не решился и парился классическим березовым. Как следует прогревшись, мы с ором выскочили из палатки и бухнулись в воду. Жара от раскаленных камней очага с избытком хватило на всех.

После бани, распаренные и благостные, мы собрались в жилой палатке на ужин. Вообще-то в тайге мы соблюдаем по неписанному правилу сухой закон. Но для таких случаев, как баня или какой-нибудь общий праздник, он отменяется. У меня в отряде всегда был запас хорошего самогона, сделанного «Бузыкой», большим специалистом в этой отрасли человеческих знаний. Шестидесятиградусный, настоящий на смородиновых почках с добавлением полыни, он хранился в трехлитровой банке в ящике со спецматериалами. Мы расселись вокруг импровизированного стола, устроенного из двух выючных ящиков и фанерного пола от надувной лодки, поужинать чем Бог послал.

Бог послал в этот день мурцовку из свежепойманого хариуса, жареных ленков, копченую вяленую оленину и свежее испеченный белый хлеб из канадской муки. Когда Петруха доставал формы с румяными буханками из хлебной печки, умопомрачительно

пахло на всю тайгу. Рядом со столом в тазике лежал огромный пучок дикого лука, нарезанного на ближайшей косе. Сытно ипряно пахло от налитого в эмалированные кружки первача.

Первое дело для русского человека после тяжелой работы – хорошая баня, а после бани – выпить зелена вина в хорошей компании и спеть песню. Оленек наверно вспомнил первых казаков-землепроходцев, когда мы грянули «По диким степям Забайкалья»...

Утром я вышел на берег Оленька с биноклем. Прямолинейный участок долины позволял видеть вверх по течению километров на пять. Я внимательно обшаривал биноклем береговые косы реки, на которые в это комариное время должен был выйти зверь. Километрах в трех от стоянки, на левом берегу появились какие-то непонятные вспышки света. В бинокль я увидел, что это купается выскочивший из кустов в пойме здоровенный лось. Брызги воды, поднятые им, и блестели на солнце. Взяв карабин и подсумок с патронами, на резиновой лодке я переплыл через Оленек на левый берег. Вытащил лодку на косу. Между бровкой первой террасы и кустами в пойме был узкий просвет, поросший травой. Прячась за кустами тальника, я быстро и осторожно, стараясь не шуметь, пошел по нему вперед, изредка выглядывая изза кустов. Лось вышел из воды и обсыхал на слабом ветерке, стоя у самого уреза воды.

Кусты позволили мне скрытно подойти метров на двести к зверю. Теперь кусты уже мешали мне. Для точного выстрела нужно открытое пространство, иначе возможен рикошет. Очень осторожно, лавируя между кустами тальника, я стал приближаться к лосю. Между нами было метров сто, когда он насторожился. Я поднял карабин к плечу и, прицелившись в лопатку зверя, спустил курок. Грохнул выстрел и через секунду раздался сухой щелчок – пуля ударила в крупную кость верхней части передней ноги, сбив зверя на землю. Передернув затвор, я послал еще одну пулю в голову лося. Все было кончено.

Я подошел. Лось был огромный, темно – коричневый, со светлыми подпалинами на длинных ногах. Рога еще не совсем очистились от замшевой шкуры и она клочьями свисала с них. Он упал метрах в десяти от воды. Я попытался перевернуть зверя на другой бок, но не смог, такой он был здоровый. Я пошел вниз, к лодке, решив вернуться в лагерь за помощью.

Лодка у меня была маленькая, грузоподъемностью сто килограммов. На ней с трудом можно было плавать вдвоем. Поэтому я решил не разделять зверя на месте, а сплавить его к лагерю целиком. Убитый лось хорошо держится на воде. Через час мы с Петрухой были снова на месте охоты. Мы пригнали с собой лодку, буксируя ее против течения на длинной веревке. По дороге Петруха срубил листовенничную жердь. Используя ее как рычаг, попеременно подтягивая за захлестнутую то за передние, то за задние ноги лося, капроновую веревку, мы кое-как подтащили его к воде. Буксируя зверя за лодкой, до лагеря только-только успели перетащить тушу по течению к правому берегу. Здесь, уже вездеходом, вытащили ее на косу.

Разделкой мяса у меня всегда занимался «Бузыка». Делал он это быстро и чисто, любо-дорого посмотреть. Для того, чтобы сохранить такое количество мяса, его нужно было засолить. Мы приспособились вместо бочек использовать баульные мешки из двойного, толстого брезента. Намокнув, они совсем не пропускают рассол. Мешки залили водой, чтобы они как следует намокли и задубели. Затем воду слили и я стал слоями укладывать мясо, засыпая его солью. На десять килограммов мяса я клал семьсот граммов соли, добавлял чайную ложку лимонной кислоты, лавровый лист, перец черный

горошком, перец душистый, семена укропа и кинзы. Все эти пряности я специально брал из Москвы. Мясо получалось маринованное, нежное и очень вкусное. Хранить его было можно долго, особенно если на стоянках ставить в мерзлоту и закрывать мхом от тепла. Заполнив баул, сверху я положил несколько веток можжевельника. Закрыв мясo дощечками, завязал баул и сверху нагрузил большой плоский камень, килограммов двадцати весом, чтобы мясo дало сок.

Целый день ушел на заготовки. На ужин Петруха пожарил печенку с луком, сварил казан жирной грудинки. Нет лучше еды, чем свежее мясo с крепким бульоном и белым хлебом. Как приправа шел все тот же зеленый сочный дикий лук. Завтра я хотел сходить со спиннингом на перекаты, половить ленков, а если повезет, то и тайменя. Сетки были уже поставлены в заливе ниже косы и исправно приносили хороший улов, который Петруха вечером потрошил и укладывал на засолку в бочку. Рыба должна солиться в бочке. В бауле она мнется и теряет вид.

Было ясное и солнечное утро. Остатки тумана уползали, гонимые легким ветерком. Пушистые ветки лиственниц светились, покрытые мельчайшими капельками росы. Солнце начинало пригревать, мокрая галька на косе сохла прямо на глазах. От нее поднимался прозрачный пар, тут же таявший в воздухе. Ядреный храп раздавался из палатки работяг - мужики отрывались по полной программе, используя выходной.

Я умылся ледяной прозрачной речной водой, в которой отражались высокие лиственницы, росшие на мысу правого берега выше по течению. Развел костер и повесил на таган над огнем чайник. Плотно позавтракав холодной вареной грудинкой с огненным крепким чаем и свежим хлебом, я неспешно пошел вниз по течению Оленька. Метрах в трехстах ниже лагеря в него впадал небольшой быстрый ручей, выносивший большое количество слабо окатанных глыб долерита (темной, почти черной плотной магматической породы) образующих длинный, загнутый по течению язык. Вода в этом месте, обходя неожиданное препятствие, закручивалась широкой плоской воронкой. Поверхность ее блестела как темное полированное стекло.

Я взмахнул спиннингом, послав тяжелую, светлую блесну в самый центр воронки. Стал медленно вращать катушку, изредка поводя спиннингом против течения. Резкий мощный удар застал меня врасплох, я чуть не выпустил спиннинг. Катушка с визгом вращалась, отдавая лесу. Большим пальцем правой руки я прижал обод катушки и с трудом затормозил. Леска натянулась, огромная рыбина на другом конце ее пошла против течения, описывая широкую дугу. Леска с шипением отрезала от поверхности воды тонкий прозрачный ломоть. Я поднял спиннинг почти вертикально, чтобы он пружинил, не давая рыбе возможности сорваться. Каждый раз, когда она меняла направление движения, я потихоньку подтягивал ее. Когда рыба была метрах в пяти от берега, я перекинул леску через плечо и быстро побежал от воды. Огромный таймень выскользнул из реки как торпеда и ошарашено замер метрах в трех от воды. Я мгновенно прыгнул к нему и резко ударил камнем по голове. Оглушенная рыбина затрепетала и замерла. Это фиолетово – красное, более светлое к брюху, с красными с белой полосой по краю, плавниками, с лобастой фиолетовой головой и хвостом размером с хорошую лопату, чудо, было в длину около полутора метров. Я срезал охотничьим ножом толстую палку, просунул ее через жабры и пасть тайменя. Взвалил рыбу на спину и пошел к лагерю.

Я решил засолить тайменя сухим способом. Для этого нужен кусок плотного брезента где-то метр на два. Разделанную рыбу с вырезанным хребтом, отрезанными головой и хвостом, прорезают по внутренней стороне почти до шкуры на спине. Разрез

делается очень острым ножом. Он должен быть ровным и чистым. Рыба засыпается солью, для особого аромата я люблю положить несколько долек очищенного, мелко порезанного чеснока и черный перец горошком. Соли нужно семьсот граммов на десять килограмм. Затем обе половинки туши складываются, снаружи натираются солью и плотно заворачиваются в брезент, так, чтобы не вытекал рассол. Брезент завязывается шпагатом и сверху на него кладется груз. Соль должна быть обязательно крупная каменная, не йодированная. Раз в сутки сверток нужно переворачивать. Через неделю нежная и невероятно вкусная рыба готова.

Из головы, хвоста и хребта тайменя варится самая вкусная из всех возможных уха. Голову нужно разрубить частей на шесть, все как следует помыть и уложить в ведро вместе с порубленным хребтом и хвостом. Кладется черный перец горошком и все это заливается холодной речной водой так, чтобы рыба была закрыта сверху сантиметров на пять. После того, как вода закипит, обязательно снимается пена, кладется лавровый лист и, по возможности, щепотка сухого укропа. Десять минут кипения и уха готова. Ароматная, с сантиметровым слоем янтарного жира по верху ведра, она поглощается огромными порциями, совершенно не вызывая тяжести в желудке, как и всякая добрая еда. Но, конечно, съесть ведро ухи впятером невозможно. На следующее утро остатки ухи в ведре превращаются в плотное прозрачное желе, которое можно резать ножом.

К вечеру следующего дня снизу приплыл Иваныч, привез бензин, свежие новости и экспедиционные сплетни. Иваныч – Владимир Иванович Румянцев по прозвищу «Рыжий» - работал в экспедиции с самой ее организации, с начала пятидесятых годов и знал всех корифеев – первооткрывателей Якутских алмазов. Этот плотный коренастый седой пятидесятилетний мужик, идеально приспособленный к таежной жизни, был в нашей партии за дядьку при молодых геологах. Собственно геология его мало интересовала, зато на базе партии всегда было изобилие мяса и рыбы. На складе царил идеальный порядок. Вездеходы и моторные лодки содержались в полной исправности. Леха – наш молодой начальник партии, к хозяйственным делам даже и не приближался. Работяг Иваныч тоже держал в ежовых рукавицах. Сам же больше всего любил хорошую рыбалку и охоту. На весновках, на которые он ездил с завидным постоянством – капканный промысел песка и ондатры. Все окрестные эвенки и якуты – охотники были ему друзьями. В Москве он постоянно доставал для них какие-то запчасти и другие, нужные в тайге вещи.

Разгрузив лодку и плотно поужинав, Иваныч собрался плыть вниз, к устью Куойки. Поднимаясь сюда, он видел, как таймени, величиной с хорошего дельфина, играли на перекате ниже ее устья. Я его оставлял ночевать, да разве можно остановить заядлого рыбака? Мы загрузили пробы, я отдал Иванычу пакет со шлихами, пачку писем в Москву и оттолкнул лодку от берега.

Было около часаночи, солнценизковиселонадплавнымиуваламипротивоположного берега Оленька. Серебристая вода мягко светилась в белом сумраке. На ее фоне четким силуэтом выделялась лодка Иваныча, легко скользившая в прозрачной береговой тени вниз по течению. Мотор не работал - Иваныч по пути решил, если повезет, добыть мяса.

Утром следующего дня мы грузили вездеход, собираясь уходить с Оленька. Отдых кончился, нужно было продолжать маршрут. Мои работяги сноровисто и привычно свернули лагерь, упаковали бутор во вьючные сумы и под руководством «Бузыки» укладывали его так, чтобы все было под рукой. Оставалось пообедать, погрузить баулы с солониной, бочку с рыбой, кухонную посуду и отправляться.

Вдруг Петруха удивленно сказал: а это что там за клоуны? Все повернулись к реке. Выше по течению метрах в ста от нас двигались три ярко-оранжевые надувные лодки. Три темные фигуры в накомарниках, телогрейках и брезентовых рукавицах, нахохлившись, сидели в них, слабо подгрребая к нашему берегу.

Я вышел навстречу. Лодки причалили, из них вылезли два молодых парня и среднего возраста тощий мужчина с полевой сумкой на боку, вероятно, начальник. Это оказался геохимический отряд из Ленинградского института геологии Арктики. Более странной компании я давно не видел. Сплаваясь по самой богатой рыбой и дичью реке Союза, они практически голодали. Питались в основном макаронами с тушенкой и сухарями. Уплетая за обе щеки сваренные Петрухой щи из дикой капусты с сохатиной и жареных ленков, ребята поведали нам свои злоключения. В первую – же неделю маршрута они утопили топор и разбили единственную бутылку с диметилом (мазью от комаров). Из оружия у них был только наган, совершенно бесполезный для охоты. Взятые одним из студентов рыболовные снасти тут же порвала местная рыба. Он обиженно жаловался: «Я же не знал, что здесь такие крокодилы водятся, всю леску мне порвали».

В довершение всего, два дня назад они железной лопатой случайно замкнули батарею радиостанции и теперь плывут без связи. Короче, полный абзац, а работать еще месяц. «Бузыка» дал ребятам запасной топор с вездехода, я отмотал метров двадцать лески 0,8 мм, дал пару блесен, показав, как можно обходится без спиннинга. Блесна забрасывается при помощи короткого упругого прута, леска наматывается на консервную банку или бутылку прямо рукой. В общем, ловить можно. Больше всего мужики обрадовались диметилу – комар в это лето был плотный даже на реке. Я записал их позывной, пообещав вечером выйти на связь и сообщить, что у них все в порядке. Дал координаты нашей базы на Беенчиме, где будет можно взять батарею для радиостанции и мы попрощались.

Я стал снимать свою палатку, послав Петруху с гостями, чтобы он дал им с собой солонины. Через некоторое время лодки отплыли от берега. Пришел очень довольный собой Петруха. Зная этого красавца уже давно, я спросил: «Ну и что?». «Да что, Василич, ты сказал им: «Возьмите сколько нужно». Я смотрю – он берет и берет, берет и берет, берет и берет. Я ему и говорю: «Мужик, ты бери, бери – мне не жалко, но она же убывает». Он раз, и кусок обратно положил. «Хватит», - говорит. «Ну ты и паразит, Петруха. Тебе что, жалко что ли?» «Да не жалко мне, только они вон какие лбы, пускай сами шустрят. Ты им блесны дал, студент вроде воображает маленько. Прокормятся. А при халяве и шевелиться не будут». Я подумал, что он в общем-то прав. Нужда научит пироги есть.

Мои орлы закончили погрузку, залили костер и расселись на брезенте, закрывающем груз в кузове. Я забрался на крышу кабины вездехода с правой стороны и махнул «Бузыке» – вперед! Наш вездеход, лязгая гусеницами двинулся вверх по ручью. Впереди была еще половина сезона.

ПРО МЕДВЕДЕЙ

Среди людей нашей профессии, долго работавших в тайге и горах, в самых глухих уголках страны, сложился своеобразный фольклор. Большое место в нем занимают рассказы про медведей. Я попытаюсь рассказать то, что было со мной самим и моими близкими знакомыми и друзьями.

* * *

В 1970 году наша геологическая партия работала на притоке Алдана, реке Мае на восточных склонах хребта Джугджур. В тот год сильно горела тайга. Все зверье, спасаясь от огня, бежало через хребет в нашу сторону. Так что в этом сезоне было много встреч с медведями. Оружия на всех не хватало и народ приспособился по своему. В партии велись горные работы с применением взрывчатки. Использовался патронированный аммонит. Из одного аммонитного патрона получается три боевика-взрывпакета, взрывающихся со страшным грохотом. Видишь медведя – поджигаешь огнепроводный шнур на пакете и бросаешь в его сторону. Отпугивает хорошо.

* * *

Был у нас горняк, Юрка Чугуевский. Пошел он как-то по нужде. Сидит, кряхтит басом, запор у него. Мимо по тропе народ шел. Думали – медведь. Взрывпакет бросили. Запор сразу прошел.

* * *

Идем раз из маршрута через старый лагерь, слышим – орет кто-то благим матом. Выходим на поляну и видим такую картину. На каркасе от четырехместной палатки, на самом верху с двух сторон сидят два горняка, ребята нехилые, плотные такие. Внизу медведь ходит, порывивает. Я вверх стрельнул, медведь убежал. Самое интересное – каркас для палатки делается из тонких (сантиметров пяти в диаметре) жердей. Как они туда залезли и не сломали каркас – загадка природы.

* * *

Колыма. На буровую привезли на вертолете вахту буровиков. Как всегда они никакие – пьяные в дым. Выгрузили их на наледь, потом они сами кое-как расползлись по балкам (вагончикам на полозьях). Женька- «Копыто» рассказывает: «Лежу я в балке, головы не поднять. Слышу, кто-то шебуршит. Глаза открыл – медведь, в ящике с хлебом роется. Я ему говорю: «Миша, иди ты на хуй». Он послушал, ушел».

* * *

Пришел на буровую медведь. Пришел на задних лапах, в передних бревно. На бревне петля из троса за левую лапу захлестнута, затянута сильно, до крови вьелась. Бревно положил, рычит: «Аааа, ааа!». Двое решились помочь. Один с кусачками трос перекусывает, второй с ружьем рядом, в упор целится. Трос перекусили, петлю сняли. Медведь отошел немного, повернулся, башкой мотает: «Аааа, ааа!». Спасибо, мол. Порычал и в тайгу ушел.

* * *

На Камчатке их (медведей) море. Поэтому продукты по маршруту раскидывают в железных бочках. Бочку сверху срезают на четверть, получается как бы крышка. На крышку и на саму бочку приваривают проушины, как для замка. Закручивают крышку на болты. Медведь съестное чует, бочку катает, царапает. Открыть не может – ключа

гаечного нет. Наш вездеходчик Алексеич остался на лагере с ремонтом. Копается в ходовой, смазку меняет в подшипниках катков. Повернулся – сзади медведюга. Алексеич мужичок маленький, тощий - нырь под вездеход. Миша его лапой достать пытается – не может. Хочет залезть – не влезает, низко. Так и лежал Алексеич под вездеходом, пока мы из маршрута не пришли.

* * *

Забросили меня с рабочим Юрой-«Маленьким» на вертолете на место нового лагеря партии. Это в среднем течении реки Хатырка, в Корякском нагорье. Мы вещи на косе разгрузили, брезентом закрыли. Палатку поставили, переночевали. Утром я встал, полотенце, мыло, щетку зубную взял. На ручей умываться пошел. Зубы почистил. Глаза поднимаю – на другой стороне ручья, метрах в пяти, медведина стоит и смотрит. Первая мысль – наверное сроду зубной щетки не видел. Я задом, задом и потихоньку в палатку. Ружье цап, выскочил – его уже нет.

* * *

В тот день мы должны были встретиться с другой маршрутной парой. Выходим к озеру – Серега (геолог) на четвереньках ползает, голубику ест. Энцефалитка бурая, на спине выгоревшая. Кричу: «Серега!». Поднимается на задние лапы, переднюю как Илья Муромец к глазам поднял. Медведь оказался. Я стрельнул в воздух, он убежал.

Идем дальше, по ручью спускаемся. Кусты густые, стланик. Из-за куста рык. Ружье само с плеча слетело, пальцы на курках. Из-за куста Серега. Бледный весь, понял, что чуть не убили. Облаял я его от души, ну да он и не обиделся.

* * *

Оставили на базовом лагере Мишку, склад сторожить. Ружье дали одностволку, ракетницу с ракетами. Мишка хорошо жил неделю. Рыбу ловил, хлеб пек, спал как сурок. На следующей неделе хорошая жизнь кончилась, на лагерь повадился медведь. Придет, рыбу с вешал снимет, что-нибудь еще навредит и уйдет. Причем, рыбы брал ровно половину, а половину оставлял. По честному, но все равно обидно. Выстрелов не боялся, в него Мишка стрелять опасался, медведь все-таки. Так и жили. Потом на лагерь народ приехал.

* * *

Рассказывает знакомый геолог. Работали они на Чукотке, сплавлились по реке двумя маршрутными парами. Параллельно с ними работали четверо геологов из Ленинграда, из НИИГА, по-моему, молодые ребята. По реке работать хорошо – день плывешь, несколько дней с нового места в маршруты ходишь. Потом опять сплавлишься. Те мужики медвежонка поймали, с собой везли. Толик им говорит: «Зря вы это делаете, мамка вам не простит. Лучше отпустите». «Да ладно,- отвечают,- мы уже от того места, где поймали шестьдесят километров отплыли, не найдет». Поговорили так и они вниз ушли по реке, а наши остались дня на четыре на месте, работать. Отработали, вниз поплыли. Видят – на косе лодки стоят. Палатка на берегу поваленная. Заглянули внутрь – все четыре мужика в спальниках задавленные лежат, медвежонка нет. Вот так бывает.

* * *

Медведь разграбил склад, хорошо повеселился. Крупу, муку рассыпал. Полмешка сахару сожрал и дрожжей половину пробного мешка сухих (килограммов пять) слопал. Через неделю слышим – что-то на сопке вороны орут. Подошли – медведьдохлый, весь

как шар раздулся. Шкура на животе лопнула. Видно водички попил, дрожжи и забродили. Не будет воровать.

* * *

Поставили лабаз, как положено, на четырехметровых окоренных столбах. Вынос площадки от столбов метра полтора – медведю не влезть никак. Рядом, метрах в пяти, сушина стояла. Он ее повалил прямо на лабаз, по ней и забрался. Мешок соли в лужу сбросил, муку по всей поляне рассыпал. Сахар весь сожрал. Стущенку кушал очень интересно. Банку на пень – по банке лапой с размаху и вся земля в диаметре метра два вылизана. От банок только плоские шайбы валяются. Тушенку жрать не стал, только ящички сверху скинул и разбил.

* * *

В маршрут нужно ходить парой геолог – рабочий. Так положено по технике безопасности, да и удобней. Только рабочих всегда не хватает, вот и ходим по одному, нарушаем. Таскать с собой карабин тоже каждый день тяжело, особенно в горах. В Верхоянском хребте молодой геолог Андрей Егоров в маршруте встретил медведицу с медвежонком. Медвежонок с ним стал играть. Он играет, а мамка рядом ходит, посматривает, не обидят ли чадо. Наигрался, стал парню палец сосать, а зубы острые, язык шершавый. В общем, всю кожу с пальца снял, до мяса. Потом надоело ему, ушел. Все это время Андрей столбом стоял, пошевелиться боялся. После долго в маршрут с карабином ходил.

* * *

В 1972 году в Северном Забайкалье работали мы с оленеводами, на оленях вьючно экспедиционный груз возили в маршрутах. Я студентом тогда был, дипломником. Осенью комар кончился, грибы по тайге пошли – самое трудное для оленеводов время. Олени разбегаются кто куда, грибы едят. В одном переходе от базы партии у наших каюров олени разбежались. Мы с начальницей, Валентиной Вячеславовной, решили не ждать, пока найдут оленей, завьючат груз. Налегке ушли на базу. Пришли, меня поселили в палатку к работягам. Начальнице отдельную поставили, двухместку. Снежок выпал небольшой к вечеру. Ночью на кухне грохот, лязг – медведь пришел мясо есть. Всю посуду повалил. Выскочили с ружьями, ракету пустили – прогнали. Утром Валентина Вячеславовна рассказывает: ночью проснулась, холодно, грохот какой-то. Потом слышу – к палатке кто-то подошел, посопел и под стенку рядом со мной лег. Теплый такой. Я думала, оленеводы пришли, олень под палатку прилег. Пригрелась и уснула. Утром по следам поняли – медведь был. Почти до утра лежал, потом ушел.

* * *

Студенты, трое ребят и две девчонки, в 1979 году в Северной Якутии, на реке Улах – Муна опробовали разрез рыхлых речных отложений. Работу сделали и пошли на базовый лагерь, километров пять вверх по реке. Видят – на косе медведь оленя задрал, есть собирается. Заорали, лопатами загремели, засвистели. Медведь оленя бросил и убежал. Они мясо забрали и ушли. Почему он их не порвал – непонятно. Видно голодный студент страшнее зверя.

* * *

На побережье Моря Лаптевых, недалеко от поселка Тикси, была база одной из геологических партий нашей третьей экспедиции. По берегу моря всегда много

плавника, бревен из разбитых плотов, другой древесной всячины. Радист у них был мужичок пожилой, хозяйственный. Срубили они зимовье хорошее, шесть на шесть, с тамбуром. В нем склад и радиостанция. Когда народ по маршрутам разъехался, на лагерь повадился белый медведь. Сначала выстрелов из ракетницы боялся, убегал. Потом привык, стал с ракетами играть. В общем, взял лагерь в осаду. Стрелять его нельзя – в Красной книге, штраф тысяча рублей. Неделю радист на крыше бичевал, по радиации на весь эфир матерился. Прилетели на вертолете из Тикси охотовед со стрелком. Шприцем стрельнули – обездвигили зверюгу. На вертолете на острова увезли.

* * *

Ближе к осени, в конце августа, начинается второй ход гольца на нерест. В это время на всех речках и ручьях Корякского нагорья пируют медведи. Они там в общем то не агрессивные, сытые. Но все равно - медведи, и встречаться с ними не очень приятно. Особенно если встреча неожиданна для обеих сторон. Мы с рабочим Юрой-«Маленьким» опробовали верховья левого притока реки Иомраут-ваям. В самых верховьях мы разделились, я пошел по правому отвилку ручья, Юра по левому. Отмыв шлих и взяв донную пробу, я вернулся к развилке ручьев. Юры еще не было. Стоял теплый солнечный осенний денек. В затишке сильно пригревало. Я лег на нагретую солнцем галечную косу, положив под голову маршрутный рюкзак. Лицо для защиты от солнышка закрыл лотком. Пахло опавшей листвой, рыбой и сырым деревом лотка. В тальнике, росшем на стрелке ручьев, посвистывала какая-то пичуга. Шуршали на слабом ветерке листья. Было тепло и уютно. Послышались шаги на косе левого притока, хрустнула галька совсем рядом со мной. Я спросил: «Ну что, чай сейчас будем варить, или вниз пойдём?» Никто мне не ответил, галька опять хрустнула. Я открыл лицо. Совсем рядом стоял медведь и смотрел на меня.

Оказывается, человек может очень быстро двигаться. Я вскочил и еще в воздухе, в прыжке, повернулся в сторону медведя, вскинув ружье. Медведи тоже очень быстро бегают. Через секунду он исчез в кустах. Минут через пять пришел Юра и мы пошли вниз по ручью, к лагерю.

* * *

Мне было неполных шестнадцать лет, когда с геологической партией ИМГРЭ я попал в Забайкальскую тайгу километрах в ста севернее оловорудного месторождения Хапчаранга. Мы стояли в самых верховьях левого притока реки Онон, в широкой долине, поросшей лиственничным лесом, перемежающимся с сосновыми борами на склонах и кедрами в долине ручья. Серые, покрытые лишайником каменные россыпи-курумы, стекали со склонов невысоких гор, южных отрогов хребта Черского. Словом, это была настоящая, дикая тайга. Впервые оставшись с ней один на один, я почувствовал себя таким маленьким и слабым, что для начала сильно струсил. Я сел на валежину, прислонился к вывернутым из земли корням. Долго сидел, слушая тихий шум вершин, говорливый перебор переката внизу на ручье и вдруг как-то сразу все понял. Тайга – она добрая и никогда меня не обидит. С тех пор в любом положении, в любом месте я это твердо знаю.

Опус 9.

Полевой дневник. Было самое *начало июня 1972 года*. Только что закончилась геологосъемочная практика в Крыму. В свои неполных девятнадцать лет я уже три полевых сезона отработал в геологических партиях в Сибири. И эта работа мне страшно нравилась. На преддипломную практику меня направили в отряд №9 ВИМСа (Всесоюзного института минерального сырья). Работы проводились в Северном Забайкалье, в районе поселка Чара.

16 июня 1972 г. Вылетали из аэропорта Домодедово рейсом до Читы. В Чите нужно было получить со склада в аэропорту заранее отправленный из Москвы груз и рейсовым «Ан-2» лететь в Чару. До Читы долетели без приключений, груз получили быстро. На «левом» грузовике отвезли его в снятый начальницей частный дом рядом с аэропортом. Рейсовый «Ан-2» до Чары шел только в середине следующей недели, утром в среду. Знакомые В.В. из Читинского геологического управления пристроили нас на спецрейс грузового «Ли-2», вылетающий в Чару поздно вечером и идущий практически без загрузки.

В пустом гулком ребристом корпусе самолета, около самой двери в кабину пилотов, стояло несколько ящиков с каким-то железом. Вдоль бортов крепились откидные алюминиевые лавки. Все было покрашено в защитный зеленый цвет. Мы забросили в чрево самолета свой груз и под руководством бортмеханика закрепили его грузовой сетью. «Сейчас полетим, командир спецпочту возьмет для экспедиции, и вперед», - сказал бортмеханик. Минут через десять появились пилоты и прошли в кабину. Бортмеханик поднял в самолет алюминиевую лесенку, закрыл дверь и тоже прошел в кабину. Заурчали стартеры, винты двигателей стали медленно вращаться и вдруг резко превратились в прозрачные круги. «Ли-2» медленно двинулся вперед, набирая скорость.

Мы взлетели. За бортом самолета была темнота, изредка нарушаемая вспышками пламени из выхлопных труб. Монотонно гудели моторы, корпус самолета вибрировал как пустая бочка. Противно дребезжала какая-то не закрепленная железяка. Слабо светила лампочка над дверью кабины пилотов. Лететь было часов пять. Я откинул скамью, раскатал спальный мешок, лег и попытался заснуть. От вибрации чесался кончик носа и его приходилось придерживать рукой. Постепенно ровный гул моторов убаюкал меня и я уснул. Проснулся от толчков и тряски. Самолет приземлился и выруливал на стоянку по грунтовому полю аэродрома Чары.

Было раннее утро. Сияющее голубое небо, нежная яркая зелень только что распутившихся лиственниц по краям взлетной полосы и величественные фиолетовые горные вершины хребта Кодар сразу же за юго-восточным бортом Чарской долины предстали пред нами во всей красе.

Возле серой бревенчатой избы аэропорта нас уже ждал экспедиционный «ГАЗ-66» и двое работяг. Они быстренько закинули выючные ящики, сумы и остальной груз в кузов и мы поехали в поселок. Надо сказать, что таким вниманием со стороны местных геологов наша скромная компания из Москвы была обязана нашей начальнице В.В. – Валентине Вячеславовне Архангельской, доктору геолого-минералогических наук. Правда, докторов в Москве как собак нерезаных, но она была научным руководителем и хорошим знакомым начальника Удоканской экспедиции, базировавшейся в Чаре. Помогала ему писать кандидатскую диссертацию. Поэтому у нас практически не было проблем с транспортом и снабжением. К тому же эта миниатюрная и уже довольно

пожилая женщина была настолько обаятельна и контактна, что отказать ей в чем-либо мог только уж совсем полный сухарь и долдон.

Нас поселили в длинном пустом бараке рядом с экспедицией. Весь народ уже разъехался в поле. Мы (начальница В.В., женщина-лаборант лет сорока Галя, повариха Лиля, девушка лет двадцати шести и я студент-дипломник, один за рабочего, геолога и вообще, единственная грубая физическая сила отряда.) тоже ждали вылета на участок в районе реки Олондо. Там мы должны были проводить предварительные поиски редкометалльных пегматитовых месторождений. Все снаряжение, вплоть до посуды, мы привезли с собой из Москвы. Оставалось получить со склада Удоканской экспедиции продукты, упаковать их и вылетать в район работ.

Еще зимой В.В. заключила договор с оленеводческим колхозом в поселке Усть-Жуя и нас ждали оленеводы с вьючными оленями в районе реки Олондо, и на другом участке, в районе гольца Мурун, в верховьях реки Верхний Атбостах. Мы с Галей и поварихой получили продукты, я упаковал их в фанерные ящики, найденные на свалке за поселком. Осталось только дожидаться вертолета.

25 июня 1972 г. Вылетели спецрейсом вертолета «Ми-4». В Чарской долине по маршруту полета совершенно невероятные по красоте места. На перевале через хребет в чаще снежных вершин огромное ледниковое озеро Читкондя. Самарека Олондо находится на древней поверхности выравнивания в ледниковой троговой долине с широким (до десяти километров) плоским днищем и крутыми скалистыми бортами. Борта долины сложены гнейсо-гранитами и амфиболитами – древними кристаллическими породами. Долина реки заросла лиственничным лесом с подлеском из ольхи и карликовой березки по марям. Склоны гор покрыты кедровым стлаником. Днище долины расположено на высоте 1500 метров над уровнем моря.

Приземлились мы на огромной наледи, расположенной в русле и пойме реки Олондо, ниже устья ручья Тарын-юрях, что по-якутски означает Наледный ручей. Река промыла в наледи узкий, в ширину своего русла, канал. Мощность льда около двух метров. Лед слоистый, и каждый слой немного отличается по цвету от другого. Голубоватые, зеленоватые, желтовато-фиолетовые слои создают на просвет подобие драгоценного камня. Очень красиво. Наледь тает, периодически от нее отламываются и падают в русло реки со страшным грохотом огромные глыбы.

Встали мы на левом берегу р. Олондо, выше наледи. Устраиваем лагерь, ждем каюров с оленями. Ходил на охоту вниз по реке и по правому борту долины. На реке взял две утки – каменушки (серые, круглые, плотные птицы. Очень быстро летают с характерным свистом.) В правом притоке р. Олондо подранил глухаря. По земле он бегаёт как собака, очень быстро. Хорошо прячется. Насилу догнал и дострелил. Мои тетки, очень довольные, тут же ощипали добычу и Лилька сварила из уток суп, а глухаря затушила в казане. Очень вкусно. Вообще, она очень хозяйственная, хорошо нас кормит.

26 июня 1972 г. Пришли наши каюры. Привели двадцать вьючных оленей и четыре верховых учага. Одного, самого крупного, зовут «Доходяга». Я спросил Костю (каюра) почему «Доходяга? Он говорит – он самый сильный, дойдет, куда хочешь. Смешно.

А вообще, оленеводы у нас очень интересные. Семья, с детьми, совсем маленькими. Он, Костя – эвенк. Сухой, довольно высокого роста, профиль как у индейца. На подбородке вместо бороды несколько жестких волосков. Кожа смуглая, с красноватым оттенком. Она – якутка, низенькая, довольно толстая. Лицо круглое как луна, глазки – щелочки и

нос курносый. Костя говорит – Маша у меня очень красивая. Двое пацанов-близнецов наверное где-то годовалых или чуть больше. Совсем маленькие. Девочка Маша, лет трех. Глаза как черная смородина. Очень самостоятельный человек, у нее уже есть свой верховой олень. Приехала на нем верхом, правда привязанная к седлу. Отвязали, сама слезла, взяла оленя за узду и привязала его к дереву. Родители ставят палатку – она тоже помогает. Открыла вьюк с посудой, взяла котелок и пошла на ручей за водой. Народ дрова носит – она тоже какую-то ветку тащит. Вот такая Маша.

Близнецы приехали как господа, в своих люльках, навьюченных с двух сторон на очень крупного и рогатого оленя. Эвенкийская люлька для вьючной перевозки сделана из двух широких (тридцать – тридцать пять сантиметров) пластин елового луба. Нижняя часть длиной сантиметров девяносто и шириной пятьдесят, с закругленными концами, представляет собой как бы корыто. К нему, под углом сто двадцать градусов, подсоединена верхняя часть, вроде крыши со спинкой. Ребенок сидит в люльке в полулежачем положении. Все это сооружение обтянуто сохатиной шкурой мехом наружу. Штука практически невесомая и для ребятешек очень удобная. На переходах внутрь люльки кладется сухой мох, чтобы пацанам не было сыро. Верх затягивается кумаланом (ковром из шкур, очень красивым, с геометрическим узором из разноцветного меха).

27 июня 1972 г. Вышли в выкидной маршрут в район левого притока р. Хани, ключа Активного. Вышли вдвоем с В.В. и Костя с восемью вьючными оленями. Поднимаемся на перевал по левому притоку р. Олондо, ключу Хара (Черный), по старой оленьей тропе.

Мне приходится идти пешком - самый сильный олень не может меня везти больше километра, во мне весу около девяносто килограммов. Хотя я не толстый, просто большой и широкий в кости. Костя зовет меня Коля-ндя (Коля – большой) В.В. едет на олене как якутка, будто всю жизнь в седле. Седло у оленя надевается не на спину, как у лошади, а на лопатки. При езде оно ходит под тобой ходуном. В.В. едет с посохом, периодически упирается им для равновесия. Костя на передовом олене едет с пальмой. Рубит кое-где ветки на тропе, которые мешают проходу каравана. Пальма - большой широкий кованый нож, надевающийся на полтораметровое древко, как копьё. Длина лезвия сантиметров семьдесят, ширина пять-семь. Заточена с одной стороны. Ей очень удобно рубить тропу. Олени идут с нормальной скоростью около восьми километров в час. Идти за ними очень неудобно – не шагом и не бегом.

В день прошли километров двадцать. Вечером встали в среднем течении ключа Хара на ночевку. По дороге я подстрелил два рябчика. Вечером сварили рябчиковую лапшу – суп из рябчиков с вермишелью. Очень вкусно. На лиственницах недалеко от лагеря видел свежие медвежьи зачесы – следы когтей на коре. Так они метят свою территорию. На стланике, растущем по берегам ручья, много кедровых шишек. Но они еще зеленые и смолистые, орехов не достать.

28 июня 1972 г. Вышел с утра впереди каравана, прорубаю тропу. И мне удобней, и для дела полезней. Тропа очень старая. Костя говорит, что последний раз здесь ходили после войны, годах в пятидесятых. К вечеру дошли до водораздела между бассейнами рек Олондо и Хани. Седловина водораздела сложена сильно выветренными гранитами. По бокам на склонах крупноглыбовые развалы гранито-гнейсов. Местами с северной стороны крупных глыб сохранился зернистый снег. Высота седловины тысяча восемьсот метров над уровнем моря. По склонам растет кедровый стланик, вниз по ручью к Хани – старая лиственничная гарь. Ручей, круто падающий в сторону долины Хани, до реки

километров десять. Встали на ночевку прямо на седловине, здесь ровное место, есть вода и дрова. Поставили палатки, легли спать.

29 июня 1972 г. Утром просыпаюсь, полотнище палатки провисло прямо перед лицом. Выбрался на улицу – снег, сантиметров тридцать. Палатка В.В. упала, придавила ее, кое-как освободили. Сняли лагерь, завьючились, пошли вниз. Километров через пять снег кончился. Внизу, наверное, был дождь. Дошли до устья ключа. Вода в Хани сильно поднялась, тащит мусор, плавник, коряги. Через реку не перебраться. Встали лагерем на правом берегу ключа, в ста метрах от устья. Ручей сильно врезан в коренные породы, долина ручья Y – образная, с крутыми, слабо залесенными склонами. На склонах кедровый стланик и развалы гнейсо-гранитов, амфиболитов, кристаллических сланцев.

30 июня – 1 июля 1972 г. Маршруты по водоразделам левого борта р. Хани в районе ключа Активного. Обнаружено и закартировано четыре пегматитовых жилы. Пегматит микроклиново-биотитовый, безрудный. Размеры кристаллов биотита (черной слюды) до пяти-восьми сантиметров. Редкометалльных пегматитов не обнаружено.

Первого июля на водоразделе между Хани и Олондо припутала гроза. Молнии били по водоразделу вокруг нас. В.В. нырнула под камень, я отбросил в сторону ружье, молоток и тоже забился в какую-то яму под кустом стланика. Минут через двадцать гроза ушла вверх по Хани. Мы, совершенно оглушенные, выбрались из укрытия. Оказывается, через водораздел в этом месте проходит мощная зона дробления с ожелезнением по сульфидной минерализации. Мощность зоны около двухсот метров. Подобрал грозовую стрелу, еще теплую (грозовая стрела – расплавленный песок в месте попадания молнии в землю).

В лагере на Хани ЧП. Молнией убило двух привязанных к дереву оленей. Камнем, отлетевшим от корней дерева, ушибло ногу Косте. Ходит, но сильно хромотает. (Когда молния попадает в лиственницу или елку – деревья с корнями, расположенными почти на поверхности земли, земля и камни над корнями дерева как от взрыва взлетают вверх с большой силой).

Хани совсем вышла из берегов, тащит деревья, коряги, перекатывает валуны. Перебраться на правобережье невозможно. Возвращаемся в базовый лагерь, на реку Олондо. Два дня хода по старой тропе.

3 июля 1972 г. Банный день. Сделал из гранитных валунов мощную каменку, как следует, накалил ее. Получилась хорошая парная баня в палатке. Воду грели в ведрах на костре. Помылись куда тебе с добром.

4 июля 1972 г. В партии Орлова на участке Олондо геолога прихватил аппендицит. Вывезли в Чару. В.В. с утра сказала мне: «Коля, я не вижу смысла в том, что Вы ходите со мной в качестве маршрутного рабочего. Вы вполне сложившийся геолог. Я отдала Вас в аренду в партию Орлова. Будете вести геологическую съемку самостоятельно». Это, конечно, хорошо. Только жалко, что не придется «маршрутить» с В.В. У неё можно много чему поучиться, и вообще, она классная тетка.

4 – 10 июля 1972 г. Геологосъемочные и поисковые маршруты в районе участка «Олондо». Обнаружил и закартировал несколько пегматитовых жил. Пегматит кварц-микроклин-биотитовый, безрудный.

11 июля 1972 г. Выходим с В.В. и семьей оленеводов в верховья р. Олондо, в район озера Токко. Долина реки Олондо сквозная, верховья ее перехвачены истоками р. Токко, у которой более глубокий эрозионный врез. Токко – ледниковое озеро, расположенное среди, практически отвесных, гранитных и гнейсовых скал, образующих удлиненную в

северо-западном направлении чашу, шириной триста-пятьсот метров при длине около километра. Высота скал над водой до двухсот метров. Изредка у самой воды прилепились кусты кедрового стланика. Из озера вытекает река Токко. Перепад высоты в истоках на километр русла где-то сто пятьдесят метров. Речка течет в гранитном желобе, прямом и гладком, почти падает.

Вода в озере абсолютно прозрачная, видно до самого дна. Какова глубина – непонятно. Размотал леску со спиннинга, длиной двадцать метров и дна не достал. У Кости нашлись две сети метров по двадцать длиной, сороковки. Поставили в заливе около лагеря. Утром сняли пятнадцать штук озерных гольцов. Ярких, с красными пятнами на зелено-фиолетовых спинах и серебристыми животами, рыбин. Длина их до полуметра и вес до двух килограммов.

Едим рыбу во всех видах – жареную, соленую, варим уху. Соорудил из сланцевых плит коптилку. Закоптил десяток средних гольцов. Берем с собой в маршруты.

17 июля 1972 г. Маршрут в верховьях р. Олондо по ее правому борту и по первому вниз от верховьев правому притоку, ручью Курунг-Юрях. Склоны и местами русло сильно заросли стлаником. По дну долины ручья параллельно нам, периодически мелькая на проплешинах, идут три медведя, порывают. Сейчас самое время медвежьих свадеб. Вероятно, это медведица и два ее ухажера. Ружье я сегодня не взял, надоело таскать его по горам. Так что перейти долину не удалось – страшновато.

Возвращались по водоразделам. На западном склоне высоты с абсолютной отметкой 1787 м. обнаружено пять мощных пегматитовых жил. Аз простирания 60 градусов, мощность от одного до десяти метров. Пегматит кварц-микроклин-биотитовый, безрудный.

По ходу маршрута, в правом притоке ручья, заросли ревеня. Ревень очень высокий, мне по грудь, сочный. Я такого не видел даже в садах. Им с удовольствием кормятся медведи – целая поляна объедена, следы лап. Наломал целый рюкзак черешков. Лилька нажарила с ревенем пирожков. Получилось как с яблоками.

18 – 19 июля 1972 г. Дождь, туман. Маршруты в верховьях р. Олондо закончены. По погоде будем уходить на базовый лагерь в район вертолетной площадки выше наледи.

20 июля 1972 г. Перекочевка на базовый лагерь. Двадцать километров по хорошей тропе. Встали около вертолетной площадки на старом месте.

21 июля 1972 г. Выходной день. Баня, хозяйственные работы. Приводили в порядок одежду, снаряжение. Упаковывал образцы, составлял опись. Ждем вертолет в Чару.

22 – 27 июля 1972 г. На базе партии Орлова собирал материалы для дипломного проекта. Копировал карту месторождения «Олондо», разрезы по буровым скважинам. На месторождении отбирал образцы редкометалльных пегматитов (основное полезное ископаемое – литий) Очень красивая перламутрово-розовая слюда лепидолит и литиевый шпат сподумен серебристо-серого цвета. От нашей стоянки до месторождения пять километров. Ходу туда часа полтора. Попутно по дороге туда и обратно охота. Ношу своим теткам рябчиков и уток.

28 июля 1972 г. Пришел вертолет. Как всегда летуны торопят с погрузкой: «Давай, давай»! В этот раз второй пилот даже сам помогал, кидал ящики и тюки. Загрузились, взлетели.

При подходе к перевалу стало понятно, почему так торопились летчики. Со стороны Чарской долины шла мощная облачность. Кое-как сумели проскочить на бреющем полете через седловину перевала. За хребтом попали в огромное облако, все

просвеченное лучами солнца. В иллюминатор видна машущая лопастями тень вертолета на облаке, заключенная в яркий радужный круг. С полчаса шли в густом тумане. Потом снизились и пошли вдоль русла Чары на высоте метров двести. На косе видел сохатого, он с любопытством смотрел вверх. Долетели без приключений.

июля 1972 г. Выходной день, поход на р. Сакукан. В долине р. Чара, на ее правом борту, ниже крупного правого притока, р. Сакукан, текущего с хребта Кодар, расположено урочище «Пески». На местности это кусок песчаной пустыни с барханами, дюнами, перевеваемыми ветром песками, полынью. Левый берег Сакукана зарос нормальной высокоствольной лиственничной тайгой с кустами кедрового стланика, сосновыми борами на буграх и редкими кедрами. Правый же берег – песчаная пустыня. Странно смотрятся на фоне барханов кедровый стланик и лиственница.

Целый день отличная солнечная погода. В песках совсем нет комаров. Загорал, купался в речке, рыбачил. Надергал крупного хариуса, запек его над костром. Полный курорт. Когда вечером возвращался в поселок, вспугнул изюбра. Очень красивый ярко-рыжий зверь выскочил из тайги на левом берегу. В фонтанах брызг он промчался по перекату на другой берег и исчез в кустах тальника.

2 августа 1972 г. Спецрейсом вертолета «Ми-4» забросились в район гольца Мурун. Галя осталась в Чаре, работать в фондах Удоканской экспедиции, Лильку отправили в Москву. На этом участке будем работать вдвоем с В.В. На территории ведет геологосъемочные работы партия Удоканской экспедиции, начальник Субботин В.Н. Иногда будем с ними пересекаться.

Высадились в верховьях левого притока р. Верхний Атбостах, на старом лагере партии Субботина. На правом берегу ручья паслось стадо оленей. У опушки леса стояла высокая светлая палатка. Рядом с ней покрытый брезентом лабаз. Я выгрузил из вертолета наши вещи, ящики с продуктами, спальные мешки, палатки. Вертолет поднялся над кустами карликовой березки и, набирая скорость, пошел вдоль долины на юго-запад, к висевшим на горизонте снежным горам.

От палатки в нашу сторону шла девушка. Она была в бежевом лыжном костюме, красных блестящих резиновых сапожках. Точеная фигурка, яркие черные волосы и раскосые глаза в густых ресницах сверкали. Нежный смуглый румянец и непостижимой прелести профиль царицы Нефертити на фоне дикой тайги сразили меня наповал.

Как потом выяснилось, это была Маша, жена нашего каюра Николая. В двадцать один год у нее было уже двое детей, Костя и Степа, четырех и пяти лет. Николай, плотный, коренастый, с правильной русской речью, эвенк, был старше ее на двадцать лет. Позже он рассказывал мне, что заметил свою Машу еще в школе, в седьмом классе. Договорился с родителями о свадьбе. Три года ждал, пока ей исполнится шестнадцать лет, берег и баловал ее. После десятого класса взял в жены. Бросил работу в колхозе (он был зоотехником, окончил ветеринарный техникум в Чите). Забрал Машу с собой в тайгу, стал охотником-профессионалом. Маша говорила: мой Николай очень умный. Однако, лучший охотник.

3 августа 1972 г. Перекочевка на новое место, р. Верхний Атбостах и вниз по реке десять километров. Устройство лагеря. Тайга здесь совсем другая, чем на Олондо. Холмистая равнина, изрезанная многочисленными речками и ручьями поросла густой высокоствольной, преимущественно лиственничной тайгой. По долинам ручьев и речек растут елка, пихта, сосна и кедр. По склонам возвышенностей – лиственница и кедровый стланик. Превышения над днищами долин до двухсот метров. Высота гор

1300-1600 метров. Речки текут практически по коренным породам, представленным здесь кварцевыми песчаниками, кварцитами и пластовыми интрузиями сиенитов и сиенит-порфи́ров.

В тайге огромное количество голубики, брусники. По ручьям заросли красной и черной смородины. Поэтому очень много выводков рябчиков. Рябчики уже подросли, но еще совсем глупые, человека совсем не боятся. Из выводка можно взять три-четыре штуки, если стрелять с нижнего.

Еще в тайге очень много белок. Белки здесь черные, с белой грудкой и животом. Совсем не боятся людей. После сезона Николай хочет остаться здесь на зиму, на охоту.

Встали на базовом лагере Субботина, отсюда пойдём в район Муруна. Одновременно с нами на лагерь из выкидного маршрута вернулись ребята из Удоканской экспедиции. У них ЧП. Километрах в десяти отсюда Субботина прихватил радикулит. Да так, что ни встать, ни сесть. Может только стоять на четвереньках.

Пошли с Николаем, четырьмя оленями и Субботинским геологом Валентином туда. К вечеру дошли. Субботин, огромный, двухметрового роста широкоплечий рыжебородый мужчина, стоял в палатке на четвереньках, охал басом и матерился.

Переночевали. С утра сделали из двух длинных жердей с поперечинами раму для носилок, переплели веревками и закрыли брезентом. В.В. дала мне с собой флягу со спиртом. Субботин выпил полкружки неразведенного и мы с Валентином поставили его на носилки. Носилки закрепили между двух ездовых оленей и потихоньку пошли к лагерю. По дороге два раза меняли оленей, ведь в нем килограммов сто, а то и больше. Когда пришли на место, он был весь мокрый от пота и бледный. Сейчас отлеживается в палатке, греет спину мешочком с песком, накаленным на печке в сковороде.

6 августа 1972 г. Отпросился у В.В. на охоту, кончилось мясо. Взял у Субботина карабин и две обоймы патронов. В верховьях ручья, на котором мы стоим, в межгорной впадине расположено огромное болото, поросшее редкими тощими лиственницами. Ручей вытекает из него. В самом истоке ручья есть сильно заболоченное озерцо с участками открытой воды. Туда мне посоветовал сходить Николай (наш каюр). По левому борту ручья и по водоразделу идет плотно утоптанная звериная тропа, по которой я и добрался до берега озера.

Широкая, поросшая карликовой березкой марь, окаймленная высоким лиственницами, оканчивалась торфяным двухметровым обрывом. Прямо под обрывом узкая (около десяти метров) полоса глубокой темной воды. Противоположный берег зарос водяным орехом и осокой. Заболоченная полоса была шириной около ста метров. За ней начиналась тайга. К северо-западу озеро плавно переходило в сырое болото, поросшее кривыми корявыми лиственницами, покрытое мхом и кочками. Я нашел узкую щель в торфяном обрыве, настелил елового лапника, устроив удобное кресло со спинкой, и стал ждать.

Вечерело. Со стороны болота напал холодный сырой туман. Сидеть неподвижно было совсем холодно. Чтобы немного согреться, я решил пройти вдоль обрыва. Метрах в двадцати от моей засидки, кусок торфяного берега, нависший над водой, расслоился по трещинам на пласти толщиной сантиметров пять-семь. Пластины были сухие и легкие как пенопласт, размером до полуметра.

Я набрал целую стопу этих сухих пластин и выстлал ими свою засидку. Несколькими, самыми большими, закрылся сверху. Стало тепло и уютно. Темнело. Было очень тихо, слабо шелестела сухая осока на берегу озера, на болоте гукала какая-то ночная птица. Я

уснул...

Проснулся под утро от чавкающих, хлюпающих шагов. На болотистой стороне озера кормился лось. Он забрался в болото по брюхо и ел сочные трехпалые листья водяного ореха. До него было метров сто пятьдесят. Рассвело еще не совсем, серело. Я тщательно прицелился и выстрелил. Звук выстрела гулко разнесся по болоту. Пуля ударила перед самой мордой лося, подняв фонтан грязи. Лось метнулся в сторону. Еще три пули прошли мимо. Оставался последний патрон.

Усилим воли, уняв дрожь в руках, я поймал в прорезь прицела бок лося и выстрелил. Зверь ткнулся мордой в болото и забил ногами. Перезарядив карабин, я бегом бросился в обход озера. Когда я подбежал, он уже затих. Зверь лежал между двумя кочками, наполовину в воде. Я попытался сдвинуть его с места, но бесполезно, слишком тяжел он был. Одному мне не справиться. Посидев и немного отдышавшись, я пошел вниз по ручью, к лагерю.

Часа через два мы с Николаем уже возвращались по тропе к озеру, ведя с собой восемь выючных оленей. Шли за моей добычей. Ярко светило солнце, громко орали кушки, провожавшие караван. Меня просто распирало от гордости. Чувствовать себя добытчиком и кормильцем было очень здорово.

8 августа 1972 г. Перекочевка на новое место, десять километров вниз по течению р. Верхний Атбостах. Устройство лагеря. Занимался с образцами, упаковывал, составлял опись.

День солнечный, слабый ветер. Маша решила просушить зимнюю одежду своей семьи. Я вышел из палатки, и был поражен. Такие красивые меховые одежды, как в кино про индейцев. Наборные из разноцветного меха торбаза, пушистые шапки из росомахи, штаны из стриженной оленьей шкуры, очень мягкие и теплые даже на вид. Меховые дохи из оленьей шкуры с белым узором по подолу и капюшону. Детская одежда, как мягкая игрушка.

Что интересно, летом они оба ходят в обычной одежде из магазина, вполне цивилизованной. Я спросил, кто же всю эту красоту сделал? Оказывается – Маша. Вот это да, здорово. Николай сказал: зимой в русской одежде ходить нельзя, холодно и тяжело. Летом хорошо, удобно.

11 августа 1972 г. По ключу, впадающему в р. Верхний Атбостах мы с Николаем прорубаем тропу для каравана. В этих местах эвенки кочевали очень давно, еще до революции. Торных троп не сохранилось. Один раз я нашел очень старые следы – срубленный кедровый стланик на склоне. Николай сказал, что это старая летняя тропа.

Оказывается, раньше были летние и зимние выючные пути. Это потому что не было резиновых, непромокаемых сапог и летом ходили по сухим склонам. Зимой же можно было идти по замерзшему болоту и сырým местам в долинах ручьев. Каждая семья эвенков имела свои родовые угодья и кочевала по своей тайге. У Николая от прадеда остались выючные олени седла с каркасом из развилков оленьих рогов. Лицевые стороны их сплошь покрыты красивой затейливой резьбой по кости. Сомневаюсь, что такие седла есть в каком-либо музее.

Еще у него в хозяйстве есть медный, луженый пятилитровый чайник и такой же медный, луженый котел, литров на десять. Он говорит, что тоже от деда. Вообще, чем больше я его узнаю, тем интереснее с ним общаться. Своих пацанов он хочет учить сам, говорит, что в интернате их испортят. Эвенк должен быть охотником и кочевать в тайге. А в поселке научат только водку пить. Правильно Маша говорит: «Николай очень

умный, однако». Только вот что из этого получится?

12 августа 1972 г. Вышли к Муруну, двое нас и каюр с семьей. По прорубленной тропе идем быстро. Ночевка за перевалом, на мелком левом притоке р. Нижний Атбостах.

13 августа 1972 г. Свернули лагерь, идем дальше к Муруну. Рубим тропу, теряем ее. Чаща, завалы. Встали лагерем на р. Нижний Атбостах у устья ключа, ведущего к Муруну. Вечером охота. Взял четыре утки, слышал сокжоя, но в чаще не видел его. Понял, кто был, по следам на берегу.

14 августа 1972 г. Дождь. Сидим в палатках, мокрые и, довольно злые. К вечеру прояснело. Кстати, по якутски, «Мурун» означает нос. На местности это два крупных горных массива среди слабо холмистой равнины, образованных гранитными интрузиями. С ними связано рудопроявление редких и радиоактивных элементов. У Валентины Вячеславовны по этому рудопроявлению научная тема. Я здесь в качестве маршрутного рабочего. Маршруты не веду.

15–20 августа 1972 г. Маршруты в районе Муруна. Рудопроявление связано с зоной дробления в кварцевых песчаниках на контакте с гранитным массивом. Радиоактивность отражается даже на растительности (в зоне разлома – угнетенная). Работаем с одного лагеря.

Вчера В.В. спросила Машу: «Маша, почему Вы каждый день кормите нас одними макаронами?» На что Маша ей резонно ответила: «Как так одними макаронами? У нас каждый день разнообразная пища – то макароны, то рожки, то ракушки, а то и вермишель». С тех пор на вопрос, что у нас на ужин, я говорю – разнообразная пища.

21 августа 1972 г. Вышли по старой тропе на базовый лагерь Субботина. Я пошел впереди каравана, настрелял рябчиков. Встали перед перевалом в р. Нижний Атбостах.

22 августа 1972 г. Потерялись олени. Летом, когда комар, олени жмутся к дымокурам. Сейчас осень, комар практически кончился, пошли грибы. Олени очень грибы любят, разбегаются по тайге в разные стороны, ищут их.

Решили идти на лагерь к Субботину, не ждать, пока каюры найдут оленей. Идем маршрутом, ребятам не придется закрывать съемкой эту территорию. К вечеру пришли.

Меня поселили в палатку к рабочим, благо на базе только четверо человек. В.В. поставили отдельную двухместку. Спальников у нас с собой не было. В.В. дали маршрутный пуховик, мне ребята выделили две телогрейки и полушубок. Жить можно.

23 августа 1972 г. На лагере Субботина почти ЧП. Ночью приходил медведь, шурудил кухонную палатку. Я в это время спал у ребят. Вдруг шарах – выстрел, это Субботин выстрелил из ракетницы. Я выскочил из палатки с ружьем, но медведя уже не было, убежал. Военный совет: решили убить наглого зверя, но он оказался еще и умным, больше не показывался.

Утром В.В. рассказывает: «Проснулась от какого-то грохота, холодно. Потом слышу – к палатке кто-то подошел, посопел и под стенку рядом со мной лег. Теплый такой. Я подумала, оленеводы пришли, олень под палатку прилег. Пригрелась и уснула». Утром по следам поняли, медведь был. Почти до утра лежал, потом ушел.

Ах да, рубаем мясо. Валентин убил изюбра неделю назад. Ждем каюров, надо переходить на новую точку.

24 августа 1972 г. Дождь, каюров и оленей нет. После обеда решил сделать баню. Из

нескольких брезентов соорудил шатер, поставил печку. На печку положил раскаленную в костре плоскую глыбу сиенита, килограммов сорока весом. Попарились с Валентином куда как хорошо. Глыбу сняли и положили в угол. На печку поставили греться воду.

Последним мылся Субботинский повар, Сергеич, пожилой тощий человек с длинным багровым носом уточкой. Сергеич не любил жаркую баню. Он не спеша помылся и решил устроить постирушку. Сложил свое бельешко в тазик и голой задницей сел на очень удобно лежавшую в углу глыбу. Глыба уже остыла градусов до ста, так, что очень сильно он не обжегся. Но вопль был не слабый. Переднюю часть шатра Сергеич вынес и со страшным матом прыгнул в ручей.

25 августа 1972 г. Маршрут вверх по левому притоку р. Верхний Атбостах, в устье которого стоим. Маршрут съёмочный. Делаем его в порядке помощи ребятам из Удоканской экспедиции.

26 августа 1972 г. Пришли оленеводы.

27 августа 1972 г. Переход на новую точку, вниз по р. Верхний Атбостах, в районе которой, на левом берегу, на высоте с отметкой 1625,4 м., возможно расчистить площадку для посадки «Ми-4». Идем по долине реки. Несколько раз приходится перебродить по перекатам с берега на берег. Перед самой стоянкой при подъеме из русла реки на обрыв первой террасы, один олень поскользнулся и сломал спину. Пришлось пристрелить.

28 августа 1972 г. Устройство лагеря, день отдыха. Ходил на охоту вниз по реке. Притащил уток, рябчиков, видел сокжоя.

29 августа 1972 г. Рубим вертолетную площадку. Высоко на гольце. Площадка ровная (2-3 градуса наклон) Подходы отличные.

30-31 августа 1972 г. Ждем вертолет.

1 сентября 1972 г. Вертолет прилетел. При посадке посыпался вниз, чуть не разбился. Взлететь с полной загрузкой не смогли. Отправили часть снаряжения, ящики с образцами. Всего килограммов двести. Чтобы взлететь даже с такой загрузкой, пилотам пришлось слить литров двести горючего. Все планы нарушены. Надо идти на первый лагерь, к старой вертолетной площадке.

2 сентября 1972 г. Вышли с утра по старой тропе, На третьем лагере свернули и пошли напрямую через перевал. Дошли до болота, встали.

3 сентября 1972 г. Пошел впереди каравана, прорубаю тропу. Погода стоит хорошая. Тайга вся просвечена ярким солнцем. Лиственницы горят, как рыжие свечи. Карликовая березка светится всеми оттенками красного цвета. Вчера вечером выпал небольшой снег и сейчас следы на снегу фиолетово-красные от сока раздавленной голубики. Ягоды - прорва, она прихвачена утренниками и сладкая, как варенье.

Дошли до устья левого притока р. Верхний Атбостах, в верховьях которого вертолетная площадка.

4 сентября 1972 г. Вышел впереди каравана, вдруг прилетит вертолет, пусть подождут, пока придет караван. Пришел на лагерь часа за два до каравана. На лагере медведи разграбили Субботинский лабаз с продуктами на осень. Ребята все сделали грамотно, как положено. Лабаз поставили на четырехметровых ошкуренных столбах. Вынос площадки от столбов метра полтора – медведю не влезть никак. Но он тоже, видимо, оказался с высшим образованием. Повалил на лабаз стоявшую метрах в шести сушину. По ней и забрался. Мешок соли в лужу сбросил, муку по поляне рассыпал, вся поляна в тесте после дождей. Сахар сожрал весь. Чай порвал и раскидал. Стушенку кушал очень интересно. Банку на пень, по банке лапой с размаху. Вся земля в диаметре

метра два вылизана. От банок только плоские шайбы валяются, и те пожеваны. Тушенку жрать не стал, только ящики вниз сбросил. Щи и борщи в стеклянных банках все разбил. Паразит.

5 сентября 1972 г. Ходили с Николаем на охоту. Вверх по ручью, километрах в трех от лагеря на дальней стороне мари здоровый рогач и две матки. У Николая очень хорошая винтовка Мосина образца 1939 года. Метров с четырехсот он уверенно попал рогачу в лопатку. Разделывает зверя он профессионально. Минут двадцать и все готово.

Разделали, закрыли шкурой. Николай от места, где лежит мясо до русла ручья, поставил вешки. Вешка – палка с шапкой мха на верхушке. Ее очень хорошо видно в тайге, мимо не пройти.

6 сентября 1972 г. Маша с оленями с утра пошла за мясом. Я натянул антенну и установил радиостанцию. Связался с базой Субботина. Вертолет угнали на форму в Улан-Удэ, и его не будет дней пять.

После обеда погода испортилась. Сначала в белесой мгле растворились далекие вершины горного хребта на юго-западе. Потом предгорья тоже закрыла снежная пелена. Крупные хлопья снега с тихим шорохом слетали с низко нахлобученного серого неба. Дальняя сторона кочковатой болотистой мари на левом берегу ручья едва проглядывала из-за завесы снегопада. Густая темная вода, шершавая от плывущего в ней снега, медленно текла между заснеженных белых берегов. На сухой корявой лиственнице у поворота ручья, нахохлившись, сидел мокрый взъерошенный ворон, изредка тоскливо каркая в серую промозглую даль. Звук бессильно падал, завязнув в мокрой тайге.

Поднимался пар от мокрой крыши палатки, стоявшей на ровной речной террасе. В палатке жарко светились раскаленные бока жестяной печки. В котле, стоявшем на ней, варилось свежее оленье мясо. Было сухо, тепло и очень уютно.

Сезон кончился. Мы ждали вертолет из Чары, на котором нас должны были вывозить из тайги.

ПЕТРУХИНЫ РАССКАЗЫ

Петруха, мой многолетний рабочий из местных, Жиганских жителей. Молодой мужик, лет тридцати пяти. Продукт освоения Севера. Бабка со стороны матери у него эвенка, дед хохол. Отец – то ли молдаван, то ли цыган. В общем, гремучая смесь. Хитрый, шухарной, большой любитель выпить и соврать. При всем этом, отличный охотник и рыбак.

В юности закончил мореходку и ходил по Лене помощником капитана на буксире. Женился. Однажды пришел из рейса и застал жену с другим прямо в койке. Мужика за ухо вывел на улицу голого, вернулся в дом и застрелил жену.

Дали восемь лет. Пришел и слегка забичевал. Летом работает в экспедиции, зимой на метеостанции. Веселый, всегда что-нибудь травит.

Идем в аэропорт мимо метеостанции. На крыльчке сидят девчата-метеорологи. Поздоровались. Одна говорит: Петр Васильевич, ты бы хоть соврал что-нибудь, а то скучно. Он тут же сориентировался. Говорит: некогда мне с вами болтать, дайте лучше десять рублей. В речпорт баржа пришла, молдавские вина, компоты разные, яблоки привезли. Девки тут же подхватились, в порт побежали. Идем обратно – ругаются, что же ты нас обманул? Он говорит – вы же сами просили, соври что-нибудь.

Рассказывает:

* * *

«Работал я в зверосовхозе, рыбу ловили по озерам для зверушек. Хорошо ловили, осенью благодарность дают и премию. Пригласили на собрание. Сижу, скучаю. Вызывают одного керю на сцену, говорят: «Товарища Слепцова награждаем премией, выносим благодарность». Вызывают другого. «Товарищу Баишеву премия и благодарность с занесением в личное дело». Так человек десять. Вызывают еще одного, говорят: «Товарищу Горохову объявляем благодарность». Тот посмотрел, посмотрел и говорит: «Премия сох - благодарность накуй. («Сох» – по якутски нет)».

* * *

Работали мы как-то с ихтиологами, возили их на своем буксире по нерестовым ямам. Они осетров изучали. Неделю по всей реке лазили, икру, молоки брали, в какие-то бочонки хитрые складывали. Рыбу мерили, чего-то писали. А чего там писать – поймал да засолил, а то пожарил.

В конце работы очень довольные были, спиртяги два литра выставили. Сидим, выпиваем, разговоры говорим. Утром я проснулся, попить пошел. Смотрю – бочонок ихний стоит с икрой. Открыл – а икра-то несоленая. Ну, думаю, чудачки, она же у них протухнет. Взял и посолил. Начальнику ихнему сказал, а он за голову схватился: «Что же ты,- говорит,- наделал. Она же нам свежая нужна». Вот и пришлось им опять осетров ловить. Мужики долго потом меня заготовителем звали.

* * *

В Жиганске, в суде, разводятся якут с якуткой. Судья спрашивает: почему разводитесь, по какой причине? Баба сказать не может, что он импотент, слова такого не знает. Говорит: у ево куй нету. Мужик обиделся: «Как нет,- кричит,- врешь, билядь, есть, токо мяккий».

* * *

На весновке в Жиганске справляли Игорю Сухову день рожденья. В тайгу еще никто

не вылетал, так что мяса на базе не было. Петруха в аэропорту грохнул здоровенного кобеля, ободрал, разделал. Накрутил фарша и нажарил таких котлет с чесночком – пальчики оближешь. Галка Сухова пригласила на праздник девчат с метеостанции. Сидим, выпиваем, закусываем, песни поем под гитару. Одна подруга из новеньких и говорит: «Петр Васильевич, а котлеты еще остались? Уж больно они вкусные?». Он ей: «Иди,- мол,- в тамбуре целый тазик фарша стоит. Если хочешь, пожарь еще». Девчонка вышла – видит на верстаке шкура собачья, башка и тазик мяса. Она хлоп в обморок. Насилу откачали.

«Через неделю,- Петруха рассказывает.- Иду это я по поселку, смотрю – наша гостья чешет. Я ей через улицу – гав, гав. Эх, ее и чистило, всю дорогу заблевала. А чего тут блевать – обычная «лайбаранина», северный вариант.

* * *

Спустя неделю после ледохода, где-то числа двенадцатого июня, я попросил Петруху отвезти на правый берег Оленька обед и рюкзак с едой, где Володя Бузыкин и «Француз» ремонтировали вездеход. Надо сказать, что Оленек в этом месте (в районе устья р. Беенчима) – очень серьезная река. Тем более в половодье, когда его ширина достигает километра. С утра была тихая и ясная погода. Иваныч попутно (он уплыл на «казанке» вниз, в гости к своему знакомому радисту из Амакинской экспедиции) забросил ребят на тот берег.

К середине дня поднялся сильный северо-восточный ветер. Он дул вдоль долины, прямо против течения, и быстро развел серьезную волну. Петруха, Жиганский житель, был опытным лодочником, но я все-таки сказал ему, чтобы он для балласта загрузил в лодку бочку с бензином и надел спасательный жилет (на пустой лодке в сильную волну легко перевернуться). Через полтора часа Петруха, посмеиваясь, вошел в мою палатку. «Ты чего ржешь?»- спросил я. «Да вот,- говорит,- выхожу я на берег, мужикам рюкзак с едой пру. Погода дует. Смотрю – студенты рыбу с берега ловят. Я им говорю: «Пацаны, поехали кататься» (бочку-то в лодку мне грузить лень). Обрадовались. От берега отошли – пока тихо. Из-за острова выскочили, как начало нас болтать, жуть. Пацаны позеленели, орут: «Дяденька, поехали назад, мы здесь все потонем. Мы кататься не хотим больше». Я им: «Сидите тихо, я вас вместо балласту специально взял». Вцепились, сидят, как суслики. В общем, накатались до изжоги, больше не поедут. А «Бузыка» с «Французом» сказали, вездеход завтра доделают, перевозить их сегодня не надо...»

* * *

Вот такой красавец. Сашка Пестриков, наш завбазой в Жиганске, привез со свалки «ногу» от «ИЛ-14», чтобы слить из амортизаторов тормозную жидкость для машины. По глупости сказал работягам: смотрите не выпейте. Те сразу наострили уши: «А что, это можно пить?» (Как раз был самый разгар Горбачевской антиалкогольной кампании, выпивки не было нигде.). «Да, - сказал Сашка.- Это смесь спирта и глицерина».

За неделю нелетной погоды наши орлы обшарили авиационную свалку за поселком. Слили все, что нашли. Приспособились как-то перегонять и с большим удовольствием употребляли. Остановились только тогда, когда на них чуть не упал стоявший на постаменте у аэропорта «ИЛ-14». Они попытались слить тормозуху и из него.

* * *

Наш буровой мастер Коля Ширяев, по кличке «Дурочкин любовник», среднего роста, коренастый, плотный, с редкими белообрывыми волосами и жесткой щетиной

на вечно небритой круглой физиономии, с глубоко посаженными синенькими глазками в светлых коротких ресницах, в апреле 1984 года вылетел из тайги в Жиганск, чтобы снять со стоявшего за поселком брошенного бурового станка кое какие запчасти для своей буровой. Погода стояла морозная. Ночью давило до - 45 градусов.

За два дня работа была сделана, нужные железяки лежали в ящиках на площадке в аэропорту и Коля решил использовать свой выезд в поселок по полной программе. Он слегка выпил, взял с собой початую поллитровку спирта и пошел в кино на вечерний сеанс. Там он подцепил симпатичную (с его точки зрения) якутку и пошел к ней на квартиру. После, в тайге, он рассказывал про это так: «Пришли мы к ней на хату, выпили маленько. Только до дела дошло, слышу, в дверь стучат. Спрашиваю ее: «Кто это может быть?». А она мне: «Да это муж мой приперся, дай ему в лоб, козлу». Я дверь открываю и - хрясь ему в бубен. Так с лестницы и закувыркался. Я дверь закрыл и к ней в койку.

Разделся, дело сделал, лежу, курю. Слышу - на крыльце целый взвод. Орут: «Выходи, гад, мы щас тебя убивать будем!». И дверь ломают. Я полушубок накинул, шапку на башку. Валенки никак не найду. Они дверь выбили, залетают. Я одному в зубы, другому по яйцам. Прорвался и ходу. До базы километра полтора. Морозюка. Пока доскакал, ног не чую. Бегу как на протезах. Прибежал, снегом мужики растерли. Все вроде ничего, только вся кожа с пяток и подошвы чулком слезла на третий день. Она у меня там теперь как у младенца, гладенькая, пятки розовые. Вот такая любовь.

А «Дурочкин любовник» потому, что у него любимая присказка была: Сейчас бы кофе с булочкой да на печку с дурочкой.

* * *

Витька Щербаков, хитрый, домовитый, но временами сильно пьющий тракторист из соседней деревни, принес благую весть. В маленькой лесной деревеньке Кудри померла предпоследняя жительница, и теперь ее городской сын продает целое семейство коз. Две козы, Марту и Зорьку, четверых козлят и козла Борю. Витька пришел ко мне за пять километров с этой информацией по причине сильного хронического похмелья. Мы договорились. За две бутылки американского разведенного спирта «Роял» он согласился привезти на колхозном гусеничном тракторе этих зверьков сюда.

На следующий день после обеда я пошел к Витьке, взяв на всякий случай три бутылки. Он был очень тяжел. Трактор долго не хотел заводиться. Витька ожесточенно дергал шморгалку, падал и матерился по карельски. Наконец двигатель заработал. Я помог подцепить тракторную телегу и мы «помчались» со скоростью пять километров в час, с трудом вписываясь в раздолбанную лесную дорогу.

С хозяином коз стоворились за пятьсот рублей. Скотов погрузили в телегу с высокими бортами. Долго ловили козла Борю, наконец, умаялись и сели покурить. Только Витька достал пачку сигарет «Прима», как козел тут же нарисовался. Встал на колени передних ног, стал кланяться и просить сигарету. Ему дали. Он тут же со вкусом сожрал ее и попросил еще. Козла поймали и забросили в телегу. Пришлось привязать его за рога к борту, чтобы не выскочил.

Деревенька стояла среди высоких разлапистых кряжистых сосен на самой опушке леса, окнами в луга. В каждом палисаднике цвела сирень. Яркая весенняя трава покрывала нехоженую улицу. Пахло разогретой сосновой смолой и печным дымом. Я достал поллитровку. Хозяин коз крякнул и пошел в дом. Через минуту вынес две кружки и стакан. «Извините мужики,- закуски нет, - сказал он. «Да ладно, наливай»,- сказал

Витька. «Мне чисто символически», - попросил я.

Мужики выпили, зажевали сорванной тут же под забором молодой крапивой и сразу повеселели. Из соседнего дома появилась бабка и с чрезвычайно деловым видом пошла мимо нас к колодцу. «Здорово Танька, - крикнул ей хозяин коз, - иди к нам, выпей». Она зачерпнула воды, подошла и основательно уселась на лавку, вкопанную у забора палисадника.

Налили, выпили, помолчали. Витька спросил: «Ну что, теперь к дочери поедешь, на центральную усадьбу?». «Да нет, не хочу. У ней и так народу много. Да и зять каждый день нажравши, дурит. Мне здесь хорошо. Вон - грибы прям в огороде. Черника, малина. Захочу рыбки - вятер в пруд брошу, хош вари, хош жарь. Нет, не поеду. Да и куры у меня, куда их?».

Бутылку допили, покурили. «Поехали, а то нам далеко, - сказал я. Трактор завелся сразу и мы резво двинулись в обратный путь. Посреди дороги отломился правый рычаг управления. Теперь, чтобы повернуть вправо, надо было дать задний ход и при этом повернуть влево.

Витька не унывал: «Ни хера, доедем!». Доехали. Напротив Витькиного дома, у деревянной часовни со сбитыми крестами и провалившейся тесовой крышей, на камушке, сидел Сашка «Пузырь», одетый в драные милицейские галифе, пиджак на майку и серые валенки с калошами. «Что, холодно?», - спросил я. «Да нет, что-то ноги болят. У вас выпить нету?». «Есть маленько. Слушай, Василич, я завтра рычаг приварю и привезу тебе твоих коз», - сказал Витька. «Ну ладно, - сказал я, - тогда пойду, поздно уже». «Выпей с нами». «Спасибо, мужики, мне идти далеко, не буду».

Я бросил в телегу охапку травы и пошел домой. Сразу за капитальным бетонным мостом через реку дорога кончалась. В сторону моей деревни вели две слабо накатанные колеи. Темнело. В лесу было сумеречно и глухо. Вверху, в узком ущелье дороги слабо проглядывали звезды. Вершины сосен медленно плыли в темнеющем небе, изредка цепляя светлые облака. Долина ручья в полукилометре от деревни была заполнена белым разбавленным молоком тумана. Песчаная дорога скрадывала звук шагов. На другой стороне ручья, у родника, в густых кустах материализовался темный плотный комок и на дорогу в двадцати метрах от меня выкатился довольно крупный медведь.

Я заорал. Медведи не любят мата. От неожиданности он подпрыгнул и кинулся через дорогу в кусты. Минут через пятнадцать я подходил к своему дому. А козла потом назвали Борис Николаевич. Уж больно он был похож на нашего Первого Всенародно Избранного. И внешне, и по манерам.

* * *

В экспедицию работяги попадают обычно по чьей-либо рекомендации. А так как народ это все больше очень активный и совершенно нестандартный, в городах им скучно и зимой, в межсезонье, они в основном сильно пьют. После, в тайге, под настроение рассказывают свои похождения по пьяному делу.

Сашка «Сохатый», вездеходчик: «Как-то зимой, после новогодних праздников отлеживаюсь после сильного запоя. В соседней комнате мать сидит, телевизор смотрит с соседкой. На душе как-то муторно. Смотрю – из-под кровати черт вылезает. Серый такой, с котенка величиной, с рожками. Говорит мне: «Ты приподнимись, я под тобой пролезу». А я его почему то совсем не боюсь. Приподнялся на матрасе – он подо мной пролез и в стену сквозь обои.

Через минуту опять лезет: «Ты приподнимись, я под тобой пролезу». Я приподнялся. Он опять. Я ему и говорю: «Ну сколько же можно-то ... твою мать!». Пропал, больше не приходил. Видать обиделся.

* * *

В поселке Тенкели, что на северо-востоке Якутии, жили мы некоторое время в бараке вместе с приисковыми работягами. Ждали попутного транспорта на дальний участок. (Поселок был построен для разведки касситеритовой россыпи. Касситерит - оловянная руда). В соседней с нами комнате ждал оказии на тот же участок буровой мастер Володя, по прозвищу «Капитан». Бывший армейский капитан, уволенный из рядов за пьянку. Всю неделю, пока мы ожидали транспорт, он беспрерывно квасил.

Как то вечером я зашел к нему в комнату. Смотрю – он сидит на корточках около кровати. Рядом с ним большой коричневый чемодан. Он что-то ловит под кроватью. Поймает, в чемодан бросит и крышку захлопнет. «Ты чего там ловишь?», - спрашиваю. «Не видишь что ли, черти под кроватью развелись? Я их всех почти поймал. А вон того, большого, не трогаю. Я его боюсь. Пускай сидит, он тихий».

* * *

В конце шестидесятых годов в низовьях р. Великой на Чукотке, работала геологосъемочная партия ВАГТа. Радист и завхоз Вадим Михайлович, тогда молодой и веселый парень, забрасывал груз из поселка в район работ. Временный аэродром, как всегда, устроили на островной косе. Основные силы партии должны были сплавиться к острову с верховьев реки и перебросить груз на берег.

Погода испортилась как раз тогда, когда весь груз был уже заброшен на остров. Пошли проливные дожди, вода в реке стала стремительно подниматься, грозя затопить остров вместе с грузом. Вадим перетаскал все, что мог на самое высокое место и отстучал на базу экспедиции в поселке радиogramму: «Вода поднимается, возможности перевезти груз коренной берег нет. Прошу срочной помощи». Ему ответили «Срочно примите меры спасению груза».

Крепко заматерившись, Вадим дал в ответ следующее радио: «Меры принимаю. Пью выше по течению, писаю ниже. Не помогает. Вода продолжает прибывать».

* * *

Володя «Бузыка», вездеходчик. Как-то подарили мне по пьяному делу пару кролей. Принес я их домой – клетки нет, посадить некуда. На огороде у меня яма была метра полтора глубиной, глину в ней брал для печки. Туда их и сунул. Думаю, пусть пока там поживут.

Они нор понарыли, за лето развелось их, как грязи. По соседским огородам стали промышлять. Я их добывал так: дыры, какие найду, заткну. Одну оставляю и с ружьем сижу, караюлю. Он вылезает, я его тресь – вот и закуска хорошая.

ПОСЛЕДНИЙ МАРШРУТ

Полевой сезон 1990 года мой поисковый отряд должен был работать в верховьях реки Моторчуна, крупного левого притока Лены. База нашей геологической партии находилась тогда в среднем течении Оленька, в двадцати километрах ниже устья реки Бириктэ, на правом берегу. Стояла она напротив острова с хорошей крупногалечной косой, пригодной для посадки «Ан-2».

Место для базы было выбрано не очень удачно. В половодье баня и кухонная палатка вместе со столовой, подтапливались, а жилые палатки отделялись от них низиной, залитой глубокой холодной водой. Хорошо хоть склад оказался на высоком месте и запасы продуктов, снаряжение и запчасти не пострадали.

Иваныч, наш многолетний завхоз и радист, опытный полевик, обычно выбиравший место для базы при переездах, к сожалению всех геологов партии, уже три года как ушел на пенсию. Сейчас он с удовольствием обживался на даче в подмосковном поселке с названием Шарипова охота. Новый же радист и завхоз Вадим – молодой парень, недавно демобилизовавшийся после службы в Афганистане, был в общем – то совсем неплох, но иногда, в силу своей армейской закваски, слишком точно выполнял приказы начальства. Вот и здесь, он построил базу строго в точке, поставленной начальником партии на снимке территории. Хотя в двухстах метрах выше по течению Оленька было место, гораздо более удобное для стоянки, высокое, сухое и ровное, с впадающим в Оленек небольшим чистым ручейком для кухни и бани.

Была середина июня. Лиственницы только начали покрываться молодой нежной хвоей. Тайга стояла полупрозрачная, в слабой зеленой дымке. На оттаявших бровках береговых террас появились пушистые фиолетовые колокольчики первоцветов. Вода в Оленьке начала сильно падать, и скоро можно было уходить по косам вверх по течению, к началу маршрута. Продукты были получены и упакованы, вездеход отлажен и подготовлен к выезду. Все снаряжение лежало в куче под брезентом, готовое к погрузке. Горючее по маршруту я разбросал заранее, когда добирался из Жиганска на базу партии. Образовалось несколько свободных дней, которые я решил потратить на охоту.

В это время, в самом начале лета, тайга как будто вымирает. Вся водоплавающая и боровая дичь забивается в крепкие места, в самую глушь и садится на гнезда. По открытым пространствам рек и озер носятся только ошалевшие селезни, потерявшие своих подруг. Комара еще нет, лоси и олени блаженствуют последние деньки, кормятся на марях в верховьях ручьев и речек.

По космическому снимку территории я выбрал место в верховьях ручья, где на болотистой мари в это время должна была появиться молодая осока - их любимый корм. С утра слегка подморозило. Я не стал дожидаться завтрака. Взяв с собой полбуханки белого хлеба, несколько кусков холодной жареной рыбы, шламовый мешочек с пачкой чая и горстью сахара, кружку, сложил все это в маршрутный рюкзак. Туда же положил котелок. Чтобы он не измазал все сажей, засунул его в пробный брезентовый мешок.

День обещал быть ясным и теплым, поэтому я решил не брать с собой телогрейку, надев шерстяной свитер под выгоревшую «энцефалитку». На фоне прошлогодней серой осоки и голой тайги она делала меня практически невидимым. Слева, на поясном ремне,

у меня висел легкий якутский охотничий нож. Справа – подсумок с тремя обоймами патронов для карабина. Простые брюки от геологического костюма были заправлены в резиновые болотные сапоги, завернутые у колен. Я надел полевую сумку, рюкзак, перекинул через плечо ремень кавалерийского карабина и попрыгал на месте. Ничего не гремело и не мешало. Сказав вышедшему из своей палатки Вадиму, что вернусь к ужину, я пошел по левому берегу лагерного ручья к понравившемуся мне месту. До него было километров пять.

По сухой поверхности левой береговой террасы ручья вилась хорошо утоптанная звериная тропа. Прозрачную редкостойную лиственничную тайгу временами пересекали полосы густых зарослей в руслах мелких притоков, впадавших в основной ручей слева и справа. Участки между ними были покрыты серебристым ягелем и начинавшими распускаться кустиками голубичника. Изредка встречались кусты зацветающего низкорослого рододендрона, яркие розовые его цветы одуряющее пахли на всю долину. Под перегибом коренного склона виднелась длинная низина с кочками и болотной травой. Я направился к ней, решив посмотреть, нет ли там следов копытных.

Из под куста ольхи, в трех метрах от меня, взлетела большая серая утка. Припадая на одно крыло и, неуклюже кувыркаясь в полете, она опустилась в десяти метрах, и, хромая, неловко пошла между кустов голубичника. Отводит, понял я и внимательно осмотрел то место, откуда она взлетела. Под кустом ольхи, между двумя кочками, было гнездо, сложенное из сухой осоки и выстланное серым пухом. В нем лежали десять серо-голубоватых, с крапинками, яиц. Чтобы яйца не успели остыть, я не стал больше разглядывать их и пошел вдоль низины вперед. Утка взлетела, и сделав круг, прячась за кустами, вернулась в гнездо.

Метров через семьсот начиналась поросшая по периметру карликовой березкой длинная кочковатая марь. Я осторожно выглянул из-за кустов ольхи. Метрах в ста, на открытом месте в самом центре мари, паслась небольшая (штук десять), стайка гусей-гуменников. Они спокойно ходили между кочками и кормились молодой, только взошедшей осокой. Один из них, крупный серый гусак, стоял на кочке в дозоре. Подойти незаметно на верный выстрел было невозможно. Гуси – народ очень осторожный и чуткий.

Я вспомнил, как давным-давно, еще в юности, наш оленевод Аимчан учил меня подходить к гусям на открытом месте. Он говорил: «Однако, гусь - птица любопытная, его надо шибко удивить, тогда близко подпускать будет». Вытащив из рюкзака серый брезентовый плащ, я надел его задом наперед. Спрятал карабин под плащ и, растопырив руки, на полусогнутых ногах, шатаюсь из стороны в сторону, начал зигзагами приближаться к гусям. Я шел не прямо к ним, а вроде бы мимо, постепенно подходя к стае.

Гуси повернулись в мою сторону, вытянули шеи и гагакая, с интересом смотрели, как какое-то непонятное чучело топчется на мари. Приблизившись метров на сорок, я, шатаюсь и приседая, вытащил карабин из под плаща, прицелился и выстрелил в крупного гусака. Издав панический крик, стая взлетела. Гусак, хлопая крыльями, остался на болоте. Пулей ему практически совсем перебило основание шеи. Весу в нем было около шести килограммов. Я завернул гуся в плащ и сунул в рюкзак.

На кромке мари заметил свежие олени наброды. Осока на высоких кочках была объедена. На кустах ерника висели клочки светлой зимней шерсти (олень в это время еще не до конца вылинял.) По следам я понял, что звери кормились прошлой ночью, по морозцу. Телогрейку я с собой не взял и высидеть ночь по холоду было довольно

сложно. Я решил идти на базу и завтра, хорошенько снарядившись, вернуться сюда на ночь. Вытащив из полевой сумки аэрофотоснимок территории и привязавшись к месту нахождения, я решил перевалить водораздел между своим ручьем и параллельным ему ключом, впадавшим в Оленек в четырех километрах выше лагеря.

Всегда интереснее идти по новой дороге, чем по старой, топтаной тропе. Поднявшись по сухому, поросшему редкими лиственницами склону на широкий плоский водораздел между ручьями, я пересек его и подошел к спуску в соседний ручей. Вдоль перегиба склона, повторяя извивы рельефа, шла звериная тропа. На сыром суглинке отчетливо отпечатались свежие волчьи следы, размер которых внушал серьезное уважение. Я оставил рядом с волчьим следом свой. След лапы был размером с отпечаток каблука от резиновых сапог сорок четвертого размера. Осмотрев насколько, было возможно, долину ручья в бинокль и ничего особенного не заметив, я стал спускаться по склону почти параллельно ручью, постепенно теряя высоту. В двух местах наткнулся на сидевших в гнездах куропаток. Я бы и не заметил их, они совсем вылиняли и полностью сливались с лесной подстилкой, если бы не самцы. Пегие, еще не потерявшие половину белого зимнего оперения, они отважно бросались мне под ноги, орали. Защищали свое семейство, как могли.

При выходе ручья в долину Оленька, на правом берегу, в сухом ровном месте, увидел остатки старого стойбища. Прислоненные к дереву грузовые нарты, остовы оленьих загонов, какие делают летом, разводя внутри дымокуры, чтобы олени могли спастись от гнуса днем. Все было очень старое. Концы прислоненных к дереву жердей от чума успели сгнить и поросли плотным зеленым бархатным мохом. Кострище тоже совсем заросло, стоянке было лет сорок.

По руслу ручья, глубоко врезанному в первую террасу Оленька, я вышел на берег реки. Вода еще не совсем вошла в свои берега и переехать ручей в месте его впадения в Оленек было пока нельзя. Вернувшись назад, в долину ручья, я решил пообедать. Выбрав уютное, закрытое от ветра место под разлапистым выворотнем, я снял карабин, прислонил его к стоящей рядом молодой лиственнице. Достал из рюкзака котелок и спустился к ручью за водой. Вода была прозрачная, очень холодная. Дно ручья выстлано серо-зеленой, плоской известняковой плиткой. Я напился, черпая воду ладонью, зачерпнул и сполоснул котелок. Затем набрал воды и пошел к своему выворотню. По дороге подобрал длинную сухую жердинку для тагана.

Пристроив комель жердинки под валежину, и поставив под вершинку два сломанных тут же рогатых сучка, я повесил котелок с водой на таган. Со стоящей рядом лиственницы сломал пучок сухих, покрытых черным лишайником, веток. Они очень хорошо горят. Минут через пятнадцать вода в котелке закипела. Прихватив за дужку брезентовым мешком, я снял котелок с огня. Засыпал щепоть грузинского чая и для аромата положил несколько цветков розового рододендрона, сорванных еще утром в соседнем ручье. Петруха, мой рабочий, называл такой чай «чаем с ихтиандром», переименовав рододендрон в более понятного «ихтиандра». Чай с белым хлебом и холодным жирным жареным ленком – очень хорошая еда.

Костер догорел, пригревало солнышко, пахло талым снегом и нежной хвоей начавших распускаться лиственниц. Сидеть, прислонившись спиной к удобно выгнутому корню выворотня было очень удобно, но надо было идти дальше.

Только я собрался встать, как мне почудилось какое-то движение метрах в двухстах выше по течению ручья. Я замер. Несколько минут все было спокойно, но я

давно знал, что в тайге ничего не чудится. Если ты видел какое-то движение, значит, оно было. Я сидел совершенно неподвижно, в своей выгоревшей бурой «энцефалитке» абсолютно сливаясь с местностью. Треснула сухая ветка под чьей-то осторожной ногой, и из-за кустов появился крупный серо-коричневый олень, плавно несущий корону пушистых бархатных, еще не окостеневших рогов. Он спокойно шел в мою сторону, неторопливо объедая начавшие распускаться кустики голубичника и срывая свисавшие с веток космы серо-зеленых лишайников бородача.

Это был лесной олень, сокжой. В отличие от северного, более приземистого, с огромными ветвистыми рогами, зверя, он более соразмерный, высокий на ногах и рога у него поменьше. Эти олени не кочуют, у них есть своя определенная территория, где они живут постоянно.

Я медленно, плавным движением, подтянул к себе карабин, снял затвор с предохранителя. До зверя было метров семьдесят, когда слабый ветерок донес до него мой запах. Олень резко фыркнул, замер на долю мгновения. Я вскинул карабин и выстрелил в тот самый момент, когда он прыгнул вправо и вверх.

Пуля поймала зверя в прыжке, сбив на землю. Я передернул затвор и выстрелил еще раз, для верности. Проблема еды для отряда на первое время была решена. Я разделал зверя, сложил мясо на чистый, влажный мох под деревом и закрыл его шкурой. Сверху положил две стреляные гильзы и на куст, росший рядом, привязал оторванную от портянки полоску ткани. Запах горелого пороха и пота должен был отпугнуть любителей полакомиться на дармовщинку. До русла ручья было метров тридцать. Я поставил несколько вешек с шапкой мха на верхушке, чтобы без проблем найти мясо и пошел к лагерю.

Под ноги сама легла тропа, идущая вдоль перегиба коренного склона. Идти было легко, и скоро я почувствовал запах дыма и услышал стук железа. Это наши шурфовщики в импровизированной кузнице готовили инструмент – оттягивали и закаливали ломы, кайла, клинья для проходки вечной мерзлоты. Вадим был на берегу. Он как раз закончил ремонтировать лодочный мотор «Вихрь-25» и собирался опробовать его на ходу. «Ну как?», – спросил он. «Сейчас, чаю попью, и надо будет съездить за мясом, ответил я». «Ну, ты гигант!». «Как учили». «Кого завалил?». «Сокжоя, килограммов сто пятьдесят». «Далеко?». «В соседнем ключе, почти у самой реки». «Может, завтра съездим?». «Да нет, надо сейчас, там волчье шляется, еще растащат». «Ну давай. Я сейчас мотор опробую и поедем».

Я пошел к кухонной палатке. Сашка, наш повар, возился у костра. Я отдал ему гуся, попил чаю, взял в своей палатке телогрейку и пошел на берег. Плавать на моторке без телогрейки холодно даже летом. Часа через два мы вернулись, сложили мясо в ледник и пошли ужинать. На завтра был запланирован борт «МИ-8» из Жиганска, должны были прилететь основные силы партии.

Прошло три дня. Вода в Оленьке упала, косы обнажились. С утра, погрузив вездеход, мой отряд вышел вверх по Оленьку к месту начала маршрута. От лагеря до устья р. Усуна, правого притока Оленька, по которому я должен был переваливать в верховья левой составляющей р. Моторчуна, было восемьдесят километров. Начинался комар. Понадеявшись, что за время подхода к Усуне, добуду еще какого-нибудь зверя, я отдал оленину в отряд, уходивший сразу с лагеря в тайгу на левобережье Оленька.

Вода сильно упала. Мы проскочили восемьдесят километров за полдня, часов за шесть. На реке было пусто. Редкие следы копытных на косах просто пересекали долину.

Зверь еще не задерживался на обдуве. Я решил хотя бы заготовить на первое время, пока буду работать в верховьях, бочку соленой рыбы. В большую воду на Усуне очень хорошо ловится ленок, есть таймени.

Вода была малая, рыба не ловилась. За сутки в сеть залетело с десятков ленков и сегов. На спиннинг мы поймали столько же. Вечером в палатке работяг я услышал разговор: «Конечно, он всегда так, отдаст, а нам теперь тушенкой давиться». «Да, отдай жену дяде, а сам иди к б-ди..». «Да ладно вам, сроду Василич без мяса или рыбы в тайгу не уходил. Он сам тушенку не жрет», - сказал Сашка-«Граф», третий сезон ездивший в мой отряд рабочим, что-нибудь придумает».

Надо было оправдывать доверие, да и действительно, не есть же тушенку. Ниже по течению Оленька, километрах в двух от устья Усуны, в конце правой береговой косы, на аэрофотоснимке был виден длинный мелководный залив, в малую воду отделявшийся от основного русла реки песчаной отмелью. В таких заливах вода летом хорошо прогревается, и там бывает много рыбьей мелочи. А где мелочь – там и щука. Хотя щука по местным меркам - не рыба. Да на безрыбье и рак – рыба.

С утра мы все четверо (я, Сашка, вездеходчик Николай Константинович и новый рабочий Володя) взяв спиннинги, пошли к заливу. С первого же заброса я вытащил приличную щуку, килограммов на шесть. В общем, за час с небольшим, мы натаскали килограммов сто щуки. Народы вошли в азарт, мне пришлось останавливать это безобразие. На две длинные жердины повесили килограммов по пятьдесят рыбы, звалили на плечи и поволокли к вездеходу.

Солили только филе. Хребты с остатками мякоти пришлось оставить на берегу к великой радости местных чаек. Рыбы получилась целая бочка. Просоленная, обваленная и подкопченная, щука, в общем, вполне приличная рыба.

Можно было уходить с реки. На первое время запас нормальной еды для отряда был. А как говорит народ: «Как полопаешь, так и потопаешь». Работы в этот сезон у нас было много. Нужно подтвердить алмазоносность верховьев Моторчуны, провести детальное шлиховое опробование всех ее притоков до стрелки с правой составляющей и опробовать правую составляющую до истоков.

С утра мы погрузились и по руслу Усуны пошли вверх. Метров через триста вышли из узкого, каньонообразного, врезанного в первую террасу Оленька, русла, в долину Усуны и пошли по ее правому берегу. Долина Усуны в этом месте широкая, с плоским днищем и крутыми бортами. Высокоствольный, редкий, лиственничный лес позволял идти с приличной скоростью.

В двух километрах от устья, на правой береговой террасе, на большой поляне, перед впадающим в Усуну мелким притоком с высоким густым лесом, я увидел большой рубленый дом с плоской крышей. Рядом несколько каркасов от чумов, большой лабаз на высоких пнях и развалины хотона (зимнего помещения для скота).

Внутри дома с низкой дверью и узкими маленькими оконцами, вдоль стен крепились широкие лавки. В торце, у дальней стены, располагался якутский камин с колпаком из жердей, обмазанных глиной. Крыша вокруг трубы просела и могла вот-вот обвалиться. Стены сруба были гладко обтесаны. Вообще, все сооружение оставляло впечатление долго использовавшегося и удобного жилища. Дверные петли были старинной ручнойковки. Гвозди, которыми скреплялись лавки, тоже старинные, квадратные.

Вероятнее всего это была купеческая фактория для торговли с Оленекскими якутами. Попастъ сюда с Лены наиболее удобно и близко по Моторчуне. Раньше купцы

добирались в любую глушь. Я подумал, надо попробовать подсечь их тропу на выходе из долины Усуны, чтобы не блудить на плоском водоразделе.

За день прошли около тридцати километров. Встали в самых верховьях, у последней проточной воды. Пока народ ставил палатки, я поднялся вверх по исчезающему водотоку и попытался угадать хотя бы общее направление перевальной тропы на Моторчуну.

Мне повезло. Практически сразу, на более сильно залесенном водоразделе, я увидел прорубленный в идущей вдоль склона густой таежке, узкий, шириной около трех метров, проход. Пни, сохранившиеся на краях просеки, совсем сгнили, остатки их поросли серым рыхлым лишайником. Дальше, на плоском, слабо заболоченном, заросшем карликовой березкой и лиственницей, водоразделе, тропа прослеживалась по понижениям, поросшим пушицей (пушица растет на более влажных местах, а зимняя тропа всегда дает протайку в мерзлоте).

Направление тропы совпадало по азимуту с дорогой на Моторчуну. Солнце спряталось за северный борт долины. В похолодевшем плотном воздухе совершенно явственно слышались голоса моих спутников и звон воды на перекате. В долину ручья со склонов сползали едва различимые пока языки тумана. Холодало. Я зябко вздрогнул и быстро пошел к месту стоянки, где жарко горел костер, и в светлом сумраке белели палатки. Завтра должен быть погожий день.

С утра погрузились и пошли вверх по ручью к водоразделу. Широкая, плоская, слабо наклонная поверхность его без всяких ориентиров едва заметно понижалась к востоку-юго-востоку. День был солнечный. Сориентировавшись по снимку, я отметил положение теней и наш вездеход уверенно двинулся вперед. Судя по снимку, до верховьев Моторчуны было около двадцати километров. Старая нартовая тропа хорошо прослеживалась, но я все-таки периодически сверял ее направление с нужным азимутом.

Часа через два, совершенно удостоверившись, что старая тропа идет в верховья нужной нам реки, я успокоился и лишь изредка сверял наше направление по солнцу, делая поправку на его движение по горизонту.

Тропа была узкая, вездеход «ГАЗ-71» – машина довольно широкая и периодически приходилось либо объезжать, либо ломать деревья, что значительно снижало скорость движения. В самом лучшем случае, если приходится идти без дороги по тайге, с ломкой, средняя скорость движения около трех километров в час. Это если еще идти без всяких приключений.

Мой вездеходчик Николай Константинович, молодой, лет тридцати пяти, веселый мужик, быстро учился. Первое время ему приходилось довольно тяжело, но потом он привык полностью доверяться в выборе дороги мне. А у меня за десять сезонов работы с вездеходами накопился большой опыт. Я видел, где нужно и можно рискнуть, а где лучше обойти восьмой дорогой.

К концу дня, пройдя без всяких происшествий двадцать километров, наш вездеход вышел на юго-восточный склон водораздела, к началу основного водосбора левой составляющей реки Моторчуна. Отсюда вся вода текла уже в Лену.

Перед нами открылась широкая долина, уходившая на восток, до самого горизонта покрытая лиственничным лесом, насквозь пронизанным ярким солнцем. Видно было километров на тридцать, до места, где река прорезала небольшое поднятие. На самом пределе слабо просматривались белые скальные откосы. Над всем этим простором не поднималось ни единой струйки дыма и не было видно никаких следов присутствия человека.

Перед нами лежала заповедная земля непуганых зверей и птиц, в последние годы очень редко посещаемая людьми. До ближайшего жилья было около пятисот километров. Юго-восточный склон водораздела террасообразными уступами понижался к руслу реки. Река начиналась сразу. Огромная площадь водосбора, юго-восточная экспозиция склона создавали условия для бурного таяния снега весной. Талые воды, скатываясь по мерзлоте склона и встречаясь практически в одной точке, глубоко прорезали рыхлые отложения подножья водораздела. Русло реки в верховьях представляло собой глубокий ров с отвесными торфяными стенами высотой два-три и шириной русла до десяти метров. Участки глубокой воды разделялись узкими мелкими перекатами. Берега заросли тальником и карликовой березкой. Глубоко врезанные мелкие притоки не позволяли двигаться вдоль берега.

Пришлось отойти от русла на километр и проламываться через густое мелколесье по правому борту долины. Километра через четыре река вышла из зоны развития склоновых отложений. В русле появились нормальные галечные косы. Можно было идти по руслу, переходя с косы на косу. В первом же удобном для стоянки месте, метрах в двухстах выше устья первого левого притока, на левой береговой косе напротив небольшого залива, мы остановились на ночевку.

Плоская поверхность галечной косы, примыкающая к береговой террасе, заросла высокими кустами тальника. Между ними нашлось ровное место, чтобы поставить палатку. Вездеход загнали в тальник, откуда торчала только его корма. Пока устраивались на ночевку, Сашка приготовил ужин. Уставшие за день, мы поужинали, попили чаю и залегли в спальные мешки. Завтра начиналась работа, ради которой мы так долго сюда добирались.

Я проснулся от громкого тревожного шепота: Василич, Василич, просыпайся. Там кто-то большой ходит, поднимайся. За брезентовой стеной палатки слышался плеск воды и чьи-то тяжелые шаги в заводи. Я надел очки, взял лежащий рядом на брезентовом полу карабин, дослал патрон в патронник и осторожно выглянул из палатки.

Над водой поднимался светлый, прозрачный туман, подсвеченный лучами полнотного солнца, проходившими сквозь ажурные кроны лиственниц. Метрах в двадцати от палатки, в речной заводи, стоя по брюхо в воде, кормились водорослями два лося. Один из них, огромный темно-коричневый бык, почти полностью перекрывал второго, поменьше. Я даже не понял, матка это или тоже самец. Я прицелился в лопатку быку и выстрелил. Звери метнулись на берег. Передернул затвор. Послал еще одну пулю в быка. В спешке не понял, попал или нет. Выскочил из палатки. Ударил еще раз, вдогон. В этот раз точно, попал. Зверь споткнулся и завалился за валежину на берегу.

Было холодно, от моего голого разгоряченного тела поднимался пар. Я поставил карабин на предохранитель и полез в палатку одеваться. «Что там такое?»,- испуганно спросил Володя. «Да ничего, все нормально. Мясо само к нам пришло. Вставайте, мужики, там работы на целый день. Сашка, ты давай чай вари, а мы пойдем печенку добывать».

Часа через два мясо перетаскали к палатке и разложили его на брезенте, чтобы остыло. На костре в казане варилась грудинка. Мы сидели вокруг огня, ели жареную печенку с луком и посмеивались над Володей, над тем, как он перепугался ночью. В ответ он резонно отвечал: «Если бы не я, вы так и дрыхли бы до сих пор, а сейчас печенку лопаете. Так что, скажите спасибо, что я по нужде проснулся». Весь день ушел на заготовки. Мясо засолили по моему рецепту. Теперь его должно было хватить на весь

сезон.

Вечером, сидя у костра, я, как всегда после удачной охоты, совершал обряд благодарения. Этому тоже научил меня Аимчан. Он говорил: «Добыл зверя, поймал большую рыбу – обязательно надо маленько давать что-нибудь Старому Хозяину (по якутски - Огонер Тайон). Тебе не трудно и ему уважение. Другой раз не пожалее тебе чего дать. И еще, не бери больше, чем нужно, не жадничай. И ничего зря не выкидывай, не обижай его». Я плеснул в огонь немного спирта, положил папироску. Высыпал щепотку чая, бросил кусок сахара и кусочек хлеба с солью. Из палатки выглянул Николай Константинович. «Ты чего тут колдуешь?», - спросил он. «Да так, ничего», - ответил я. Через брезентовую стенку палатки послышался голос «Графа»: «Да, Василич всегда так после охоты шаманит. Я с ним третий сезон работаю, знаю. Зверь сам к нему идет, когда надо». «Хватит ерунду болтать, сам идет... Который раз набегаешься, пока добудешь». «В этот раз повезло, и спасибо», - сказал я. Я старался не особенно распространяться по этому поводу. Но в охоте и рыбалке мне и правда везло больше обычного. Иногда я каким-то образом точно знал, где сейчас зверь. Просто в голове возникала картинка, которая потом совпадала с действительностью.

Не часто, но бывало, что это видение работало и в поисковых делах. Что это такое – интуиция, обостренная долгой работой в тайге, в отрыве от людей, или какое-то паранормальное чувство, я не знал. Но берег и таил в себе это, изредка целенаправленно используя.

На следующий день погода окончательно установилась. Началась обычная поисковая работа. Мы шли вдоль левого борта долины, пересекая многочисленные притоки и опробуя их вне зоны влияния основной долины укрупненными шлиховыми пробами. Правые притоки приходилось брать пешими маршрутами на следующий день, либо сразу, оставляя вездеход на левом борту.

В один из таких маршрутных дней мы вышли в долину крупного левого притока Моторчуны. Был конец июля. Лиственничная тайга начинала расцвечиваться яркими осенними красками. Кое-где клочками желтели лиственницы, яркими красными мазками вспыхивали кусты карликовой березки. Тусклым серебром блестел в промежутках между ними плотный влажный ягель. Мы пересекали долину по старой нартовой тропе. Я, как всегда, сидел на крыше кабины вездехода с правой стороны на свернутом брезентовом полу от палатки. В таком положении гораздо легче ориентироваться и вести маршрут. Из кабины ничего не видно, да там еще очень душно и много шума от работы двигателя.

Впереди мелькнуло что-то белое и непонятное. Я хлопнул левой рукой по лобовому стеклу перед лицом вездеходчика. Николай Константинович резко затормозил и высунулся из люка в крыше кабины. Проснулись, задремавшие было работяги, удобно устроившиеся на закрытой брезентом куче снаряжения в кузове вездехода.

Между кустами карликовой березки лежали два чисто обглоданных оленьих черепа, намертво сцепившихся рогами. Я слышал про такие случаи, но сам видел впервые. По всей вероятности, осенью, во время брачного турнира, дрались два равных по силе зверя. Один из сильнейших лобовых ударов намертво заклинил рога. В таком положении, совершенно беспомощных, оленей и порвали волки. Остатков скелетов поблизости не было, видимо все растащили серые хищники. Я живо представил себе весь поединок. Была середина октября. В это время здесь уже выпал первый, еще неглубокий снег. Крепкий мороз сковал почти голую землю. Матерый самец вел свой небольшой, отбитый в упорной борьбе гарем, гордо неся увенчанную короной рогов голову. Внезапно

он остановился, громко фыркнул и топнул передней ногой. Из зарослей тальника на противоположном берегу реки вышел такой же красавец, неизвестно почему оставшийся одиноким. Он начал кружить около стада, постепенно приближаясь к сопернику. Хозяин гарема настороженно вглядывался в пришельца, оценивая его возможности. По силе звери были равны, разве что чужак казался помоложе и рога у него были чуть меньше. Когда чужак попытался отбить крайнюю оленуху, хозяин пошел в атаку. Вскоре битва была в полном разгаре. Пар струями вырывался из яростно раздутых ноздрей, из под копыт комьями летел мерзлый ягель. Костяной стук от ударов рогов далеко разносился по долине. Звери вставали на дыбы, били друг друга передними копытами и вновь яростно сшибались рогами. Наконец пришелец стал уступать. В последней, сокрушительной атаке хозяин гарема столкнулся рогами с чужаком. Его рога чуть спружинили, разошлись и намертво захватили рога противника... Некоторое время звери старались расцепиться, потом поневоле успокоились и даже попытались пасть. Тут на них и наткнулись волки. Оленухи в панике бросились бежать, волки не стали их преследовать... Вскоре все было кончено. На свежем снегу дымилась казавшаяся в сумерках черной, горячая кровь. Стая пирувала два дня. Остатки растащили мелкие хищники. На месте битвы остались только два сцепленные рогами черепа.

Николай Константинович попытался монтировкой расцепить рога. Ничего из этого не получилось. Освободить захват можно было, только сломав череп одного из оленей. Забросив свою необычную находку в кузов, мы отправились дальше. Нартовая тропа, по которой мы двигались, пересекала левый приток и уходила на правый борт долины, так как с левой стороны начинались крутые известняковые откосы, подходившие вплотную к реке.

Наш вездеход остановился в месте выхода ручья в долину Моторчуны. Нужно было отбирать укрупненную пробу из его русла. Сделав работу, мы погрузили инструменты и снаряжение для опробования в кузов и двинулись дальше. Дело было к вечеру, до следующего по течению притока оставалось километров шесть. Я решил остановиться на ночевку в первом же удобном месте.

Километрах в двух ниже, на левом берегу, под обрывом, нашлась ровная сухая площадка. Невысокий, метров восьми-десяти, обрыв был сложен серо-зелеными тонко-среднеплитчатыми глинистыми известняками. Площадка под обрывом, шириной около двадцати метров, тоже была выстлана тонкой известняковой плиткой размером с половину ладони. Вдоль берега реки рос низкий густой тальник. Площадка, тянувшаяся вниз по реке метров на сто, тут и там была покрыта редкими пушистыми молодыми лиственницами. В наиболее возвышенных местах и на осыпях у подножия обрыва, доцветали низкорослые ползучие кустики чабреца. Над всем этим великолепием гудели пчелы и стоял восхитительный запах, как где-нибудь на пасеке российской средней полосы во время медосбора.

Вечерело. Солнце скрылось за увалами на северо-западе. В светлых сумерках четко просматривались две палатки, вразброс установленные около реки. Черной глыбой торчал из кустов вездеход. Над треногами тагана поднимался слабый дымок от догорающего костра. Прозрачный пар вился над рекой. Жизнь плавно текла над этой долиной и над тысячами других долин. И этому великому течению нисколько не мешало наше присутствие, совсем не замутившее его чистые воды. Мы были здесь свои. День прошел хорошо, мы увидели много интересного и честно делали свою работу.

Погода, как я и предполагал, установилась надолго. С каждым днем наш маршрут

уходил все дальше вниз по Моторчуне, приближаясь к точке возврата, стрелке с правой составляющей. Река становилась глубже, хорошо ловились ленки, хариус рьяно хватал мушку из серой шерстяной нитки от портянки. Николай Константинович, пока мы ходили в пешие маршруты, налавливал на жарёху. Всегда была свежепросоленная рыба. (Мушка делается так: на изогнутую часть мелкого крючка, простым морским узлом, привязывается серая шерстяная нитка. Концы ее обрезаются до длины в один сантиметр и распушаются. Выходит отличная приманка, похожая на комара.)

Подходившая с северной стороны возвышенность кончилась. Долина вновь стала просторной. Однажды, во время перегона между двумя левыми притоками, наш вездеход вышел на старую эвенкийскую стоянку. На ровной поверхности, в высокоствольном лесу в пятидесяти метрах от реки, стоял остов от чума. Недалеко от него, на бровке первой террасы, на двух высоко срубленных пнях пристроился небольшой (где-то два на полтора метра) невысокий сруб лабаза, покрытый двухскатной кровлей из расщепленных по слоям бревен плавника. Прямо за ним, в пойме, была заросшая осокой болотинка с озерцом открытой воды в центре, с которого тут же взлетели две утки. Рядом с чумом, у толстой лиственницы, вертикально стояли сломанные олени нарты.

Невдалеке, в глубине леса, находилось какое то непонятное сооружение. Я подошел поближе. Это был эвенкийский погребальный настил. Одна поперечина лежала в развилках двух рядом стоявших лиственниц. Вторая, опиравшаяся в свое время на два столба, рухнула. Настил из жердей встал почти вертикально. Вероятно, здесь был похоронен молодой мужчина. Кости скелета проросли мхом и были засыпаны всяким мелким лесным мусором. Крупный череп лежал вниз затылком, в небо смотрел ряд идеально белых, совершенно целых крепких зубов верхней челюсти.

Как учил меня Аимчан, я не стал беспокоить дух умершего, ходить и дальше осматривать стоянку, мы сели на вездеход и отправились своей дорогой. После густых зарослей тальника в пойме, через которые наш вездеход, урча, проломился на чистое место, пришлось перескакивать с косы на косу по довольно глубоким перекатам. В прозрачной, зеленоватой от цвета известняковой гальки, воде, были видны стаи рыб, убежавших от гусениц. Чисто вымытые траки глянцево блестели на солнце.

До места опробования добежали быстро, Поднялись вверх по ручью метров на восемьсот. С оголовка (верхней части) русловой косы взяли укрупненную шлиховую пробу объемом четыреста литров. В концентрате было большое количество минералов-спутников алмаза. По внешнему виду сильно механически изношенных, дальнего переноса. В нижней части косы, пока мы занимались опробованием, Николай Константинович нашел обломок бивня мамонта. Длина его – семьдесят сантиметров, диаметр в нижней части - десять сантиметров. С поверхности бивень весь покрыт прочной темно коричневой железистой пленкой. Плотный, не трещиноватый.

Следующий по течению приток впадал в Моторчуну справа. Ручей назывался Хос-Юрях, что в переводе с якутского значит Гусиный ручей. Это был довольно крупный ручей с широкой долиной, поросшей густым низкорослым ерником (карликовой березкой) и голубикой. Ниже его устья, в пойме основной реки, располагалась плоскогалечная коса длиной около двухсот и шириной пятьдесят метров. Обычно якутские названия характеризуют названный объект, но я даже представить не мог, что этот ручей будет настолько гусиным. Было начало августа. В это время гуси заканчивают линьку и начинают становиться на крыло, но летают пока еще плохо и неохотно. Наш вездеход резво бежал по заросшей низкими густыми кустами ерника долине ручья. До выхода на

косу оставалось метров двести, когда с бровки береговой террасы на гальку сплошным потоком посыпались гуси. Когда мы подъехали к бровке, коса на всем ее протяжении была покрыта удирающими во все лопатки линными гусями. Их было несколько сотен. Они бежали, вытянув шеи параллельно земле и бешено работая лапами, совершенно бесшумно, без криков и гоготания. Передние уже достигли нижнего конца косы и быстро поднимались на уступ берега, скрываясь в густых зарослях.

Я работал в тайге двадцатый сезон, но никогда еще не видел такого количества гусей сразу. То справа, то слева от вездехода из кустов выскакивали отставшие птицы и пускались вдогонку стае. Володя в азарте схватил лопату и кинулся за одним, особенно близко выскочившим, гусаком. Да куда там, догнать не получилось. Он зацепился за какой-то торчавший из гальки корень и во весь рост растянулся на косе. «Василич, стреляй, - заорал он, - уйдут ведь!». Стрелять линных гусей было как-то нечестно, и я не стал портить себе впечатление от увиденного чуда.

Была середина дня, самое время останавливаться на чаевку. В конце косы, у густой полосы высокого леса в русле мелкого притока мы встали. Сашка быстро организовал костер и чай. Мы устроились кто - где и принялись за обед. За таежкой послышался гусиный крик, и, низко над вершинами лиственниц на нас вылетели два гуся. Я вскинул лежавшее рядом ружье и выстрелил в первого налетевшего. Сбитый зарядом нулевки, он глухо ударился об землю в двух метрах от вездехода. Это был хороший выстрел.

Ближе к осени дни стали короче. Солнце уже не кружило по небу, а, как и положено ему, садилось за горизонт. Погода стояла ясная, тайга начинала желтеть. На прибрежных участках долины в огромных количествах созрела голубика. На торфяниках янтарно светились россыпи зрелой морошки. За час можно было набрать ведро. Рыбы в реке ближе к слиянию с правой составляющей стало навалом. Обрывок сети-сороковки длиной пятнадцать метров вволю кормил нас ленками, сигаками и крупным хариусом.

Мы неделю стояли в десяти километрах выше устья правой составляющей р. Моторчуна, отбирали крупнообъемную пробу из русловых отложений. Работа заключалась в следующем. Мои орлы брали с косы песчано-галечную смесь, и на шейкере разделяли по крупности зерна. (Шейкер-набор из четырех сит с размером ячеек от пятнадцати до одного миллиметра, натянутых на деревянные рамы со стороной один метр). Полученный материал я промывал в лотке, оставляя тяжелую фракцию, куда входили минералы-спутники алмаза, алмазы и золото. Фракцию +15 мм я просматривал и описывал петрографический состав гальки.

Место для опробования было выбрано очень удачно. Материал из двух нижних сит содержал большое количество М.С.А. Практически, в каждой лотке попадались один-два кристалла алмаза. На следующий год здесь необходимо было проводить более тяжелые работы: с серьезной шурфовкой и детальным опробованием. В итоге могла получиться приличная россыпь. С учетом нового россыпного района реки Бур, предварительно опробованного мной в 1988 году, это была третья россыпь на территории работ. Хотя Бур, по моему мнению, очень перспективный россыпной алмазоносный район. Его необходимо детально отрабатывать в будущем. Зимой попробую убедить Игоря Михайловича (начальника партии) написать дополнение к проекту. На следующий сезон хорошо бы загнать туда буровой станок и сделать пару профилей через Бурскую депрессию.

В конце августа мы вышли к слиянию двух составляющих р. Моторчуна. На левом берегу, у самой стрелки, стояла охотничья избушка. Видимо здесь начинались

угодья, достижимые из Жиганска. До впадения Моторчуны в Лену было километров двести. Еще столько же по Лене до поселка. Вполне нормальное по Якутским меркам расстояние. В улове прямо под обрывом, на котором стояло зимовье, как в аквариуме ходили здоровенные ленки. Они с налета хватали блесну. Часа за два мы натаскали штук пятьдесят полуторакилограммовых красавцев. Николай Константинович занялся своим любимым делом - засолкой рыбы.

На следующий день я решил устроить дневку и баню. Нужно было «подшаманить» вездеход, обработать металлометрические пробы и вообще, немного заняться хозяйством. Сам я хотел сходить в маршрут за пределы территории поисков. Еще по зиме, готовясь к сезону, я отметил за рамкой листа две очень интересные фотоаномалии. Решил, если будет такая возможность, обязательно туда добраться. От места стоянки до них было километров восемнадцать вниз по реке и около четырех к юго-востоку по тайге. Гнать вездеход было нельзя – горючего оставалось только на выход к Оленьку. Был еще небольшой запас на экстренный случай. Сплавиться на резиновой лодке, так ведь нужно тащить ее обратно. А это двадцать с лишком килограммов.

Я вышел из положения по-другому. Метрах в двухстах от слияния, на левом берегу Моторчуны, находились остатки старого полевого лагеря. Вероятнее всего здесь в конце шестидесятых годов стояла геологосъемочная партия Амакинской экспедиции. От базы остались каркасы палаток, куча ржавого железа и три двухсотлитровые железные бочки. Я сделал из них плот. Две бочки расположил параллельно друг другу с небольшим (сантиметров восемьдесят), зазором, третью закрепил поперек, в полуметре впереди них. Бочки привязал тонким капроновым фалом к каркасу из жердей. Устроил удобное сиденье в центре конструкции. Плот получился устойчивый. Сидел в воде он неглубоко, без проблем проходил мелкие перекаты.

Отправлялся я рано утром. За световой день нужно было добраться до места, сделать работу и успеть вернуться назад. В маршрутном рюкзаке у меня был промысловый лоток, лопата с короткой ручкой, геологический молоток, пачка шламовых матерчатых мешочков, пробный брезентовый мешок для выноса шлиховой пробы со склона. Еще я взял полуторалитровый котелок, сделанный из квадратной банки из-под оливкового масла. В нем лежали полбуханки белого хлеба, банка вареной сгущенки, чай в мешочке и кусок вареного мяса на чаевку. Все это весило килограммов восемь. Как всегда со мной было мое надежное ружье, бинокль и охотничий нож на поясном ремне слева. В полевой сумке лежало с десятков патронов, аэрофотоснимки на маршрут, компас и полевой дневник.

Река плавно текла на восток. Солнце вставало на юго-востоке и светило слегка справа. Его лучи проходили через желтеющую лиственничную заросль на правом берегу и совсем не слепили глаза. Наступало мое любимое время года. Тайга раскрашивалась в праздничные осенние тона, комар кончился и на всем пространстве жизни наступало благоденствие и блаженство. Впереди, на длинном спокойном плесе, рыбачил орлан-белохвост. Он резко пикировал, хватал когтями приличного ленка и нес в гнездо. Гнездо было устроено на известняковом останце, как палец торчавшем из плитняковой осыпи левого берега. Я был от него метрах в ста, когда, спикировав в очередной раз, орлан промахнулся и оказался в воде. Неуклюже подгребая крыльями, хищник кое-как добрался до берега. Выбравшись на галечную косу, орлан широко растопырил крылья, встопорщил перья и стал обсыхать на ветерке. Я сидел на плоту совершенно неподвижно. Течение проносило меня мимо незадачливого рыболова. Он внимательно проводил меня

пронзительным взглядом ярких янтарных глаз, но не сдвинулся с места.

Плес заканчивался длинным широким перекатом. Ниже переката, в подмыве левого берега, торчал расщепленный ледоходом обломок крупного бивня мамонта. Я причалил. В воде под обрывом лежали сильно растрескавшиеся по слоям куски бивня. Я выбрал наиболее хорошо сохранившийся фрагмент внешнего слоя. Он был длиной около семидесяти и толщиной до полутора сантиметров. Положив обломок в рюкзак, оттолкнулся от берега. До места высадки оставалось километров пять. Через час мой плот был на месте. Я разобрал конструкцию, смотал фал и положил его в рюкзак. Бочки выкатил на высокое место первой террасы и поставил вверх дном под дерево. Кто знает, может быть, они понадобятся еще кому-нибудь.

Тщательно сориентировавшись по аэрофотоснимку, я пошел на юго-восток, к облюбованному мною участку. Продравшись сквозь густой, захламленный лес в долине, вышел на чистый, поросший редкими лиственницами, покрытый ягелем, сухой склон. До ближайшего пятна было около двух километров. Судя по аэрофотоснимку, оно должно было четко выделяться на местности. Идти вдоль склона по сухому хрустящему ягелю было легко. Скоро впереди показались заросли ольхи. Обычно ольховые кусты и создают темный фон фотоаномалии. В ягельном редколесье ольховые кусты выделялись четким пятном. Диаметр его составлял около восьмидесяти метров. В пятидесяти метрах ниже фотоаномалии, из полуметровых закопушек, я отобрал четыре шлиховые пробы.

До ближайшей воды было метров двести. Пришлось четыре раза ходить вверх и спускаться к воде с мешком грунта в рюкзаке. В каждой пробе было большое количество М.С.А. хорошей сохранности. Для проверки я отобрал еще одну пробу, выше по склону, в пятидесяти метрах от фотоаномалии. Эта проба была пустая. Необходимо было заключение минералогической лаборатории по сохранности спутников, но я практически на сто процентов был уверен – фотоаномалия связана с кимберлитовым телом.

До другого пятна было еще три километра. Времени для его проверки уже не было. Нужно было возвращаться на базу. Через час я вышел к реке. Была вторая половина дня. Солнце перевалило через зенит и светило с северо-запада. Пора пообедать. У ближайших тальников лежала высохшая за лето куча плавника. Я взял охапку хвороста и развел костер. Зачерпнул воды в котелок, повесил его над огнем на устроенный из трех сучков таган. Пока котелок закипал, я разделся, зашел в реку и несколько раз окунулся. Вода была очень холодная, прозрачная, слабого чайного цвета. В это время начинает интенсивно таять вечная мерзлота, вода становится холодной и сильно поднимается.

Метрах в пятидесяти выше по течению на сырой косе зеленели кусты дикого лука. Ступая босыми ногами по нагретой солнцем гальке, я пошел туда. Нарвал пучок и понес к костру. Вода в котелке закипела. Я засыпал в кипяток щепотку заварки, накрыл котелок брезентовым мешком, чтобы настоялось. Хлеб разрезал на шесть кусков. Вышло два толстых и четыре тонких ломтя. Тонкие ломти намазал вареной сгущенкой и сложил по два куска, сгущенкой внутрь. Получилось два сэндвича со сгущенкой. Я отложил их в сторону, на перевернутый промывочный лоток и приступил к трапезе.

Крепкий свежесваренный чай, хлеб с вареным холодным мясом и зеленым луком после целого дня работы показались царской едой. Сэндвичи со сгущенкой дополнили обед. Допив чай, я сполоснул котелок в реке и залил остатки костра. Раскаленная галька сердито зашипела, остывая. Костер нельзя затаптывать ногами. Огонь может обидеться, тогда в нужный момент его не разжечь никакими судьбами. Либо он замучает дымом и искрами.

Сложив пожитки в рюкзак и, обувшись, я направился к базе. Первое время в голове крутилось: вот, мы накопили большой опыт поисковой работы, научились так дешифровать аэро и космоснимки, что теперь мне хватило одного дня, чтобы открыть кимберлитовую трубку. По старым методикам на это ушли бы годы и работа целой поисковой партии. И то не факт, что ее бы надежно обнаружили. Затем ритм ходьбы погасил лишние мысли. По старой таежной привычке я шел легко и бесшумно, стараясь оставлять как можно меньше следов. Глаза привычно отмечали косы, перекааты, удобные для опробования места, внимательно обшаривали берега впереди.

Несколько раз я останавливался и лакомился спелой крупной голубикой. Пройти мимо такого изобилия было просто грехом. Солнце ушло за холмы на северо-западе. Становилось прохладно. До стоянки оставалось около километра. В тальниках левого берега кормились лосиха и лосенок. Я вышел из-за поворота реки в пятидесяти метрах от них. Лосенок был рыжий, ушастый. С коротким туловищем и очень длинными неуклюжими ногами. Он смотрел в мою сторону. Лосиха, огромная, темно-коричневая с серыми подпалинами на задних и передних ногах, рвала сочную траву по берегу заводи. Меня она не видела. Ветер слабо тянул от них. Я наклонил голову набок. Лосенок сделал так же. Я поднял ногу и тихонько топнул. Лосенок тоже топнул ногой. Я присел на корточки. Он тоже опустил на колени передних ног и с интересом посмотрел на меня. Давай поиграем, было у него в глазах. Тут порыв ветра неожиданно донес до лосихи человеческий запах. Она отрывисто фыркнула, лосенок бросился к ней, звери мгновенно скрылись в кустах. Я мысленно пожелал им доброго пути и пошел к лагерю.

На базе все было нормально. Вся запланированная работа была сделана. Мужики уже помылись в бане, Сашка поддерживал огонь, подогревая бочку с водой для меня. Я разгрузил рюкзак, повесил сушиться мешочки с металлометрическими пробами и шлихами. Потом разделся и полез в банную палатку. Пара особого не было – камни успели остыть, но горячей воды хватало с избытком. Я с удовольствием вымылся, оделся в чистое и пошел в палатку к ребятам на ужин. Завтра нужно было уходить по правой составляющей вверх. До конца маршрута оставалось еще двести километров.

В середине сентября намеченная работа была закончена. Мой поисковый отряд на вездеходе «ГАЗ-71» возвращался на базу партии. Оставалось перевалить водораздел между верховьями правой составляющей Моторчуны и Оленьком. Перегон выдался очень тяжелый. Весь путь проходил через свежую лиственничную гарь. На гари вырос высокий густой тальник, еще не сбросивший листву. Она забивала лобовое стекло, липла на лицо. Сухие, твердые как камень, корявые лиственницы стояли стеной. Невозможно было найти ни тропы, ни мало-мальски чистого места для движения. Приходилось идти напролом. К тому же погода испортилась, шел нудный осенний дождь.

К концу третьих суток, на последних граммах бензина в сухих баках, мы вышли к Оленьку. Все сильно устали и ободрались. Напротив устья водораздельного ручья находился остров, на который еще по весне я забросил две бочки горючего на возвратный путь. Пока ребята ставили лагерь, мы с Николаем Константиновичем накачали лодку и переправились на остров. Все было в порядке, обе бочки стояли на месте. Подтянув для верности пробки, мы откатали бочки к воде. Здесь связали капроновым фалом и лодкой отбуксировали их к своему берегу.

В воздухе висела мельчайшая водяная пыль. Небо низко надвинулось на мокрую тайгу. Над горелым, черным от дождя, лесом в устье ручья, с заунывным криком кружил большой коричневый коршун. Протяжный звук «Кииу... кииу... кииу...» плыл над

мокрым пустым берегом. Дальний скалистый мыс ниже по течению еле проглядывал в сером тумане. Над темной спокойной водой низко проносились одиночные утки. Дым от костра стелился по самой земле, цепляясь за мокрые кусты, и смешивался с туманом.

Утро не принесло перемен. Все так же моросил мелкий дождь. Мокрые палатки провисли, на стенках с внутренней стороны набухла влага. Остаться на месте было нельзя, могла подняться вода в Оленьке, залить косы. Тогда дорога до базы растянулась бы на много дней. Мы свернули лагерь. Погрузили вездеход. Мокрые и злые, забрались на свои места, и двинулись в путь. Река плавно поворачивала вправо. Сразу за мысом начинался длинный прямой участок долины. Впереди, на высоком сухом дереве торчала растрепанная копы орлиного гнезда, сложенная из крупных сучьев и палок. Рядом сидела огромная черная нахохлившаяся птица. Она проводила нас взглядом, но не взлетела, а продолжала неподвижно сидеть. Это был беркут, редкий в здешних краях орел. Дождь продолжал моросить. Работяги лежали, накрывшись мокрым брезентом, тоскливо поглядывая по сторонам. Левый берег Оленька скрылся в промозглом холодном тумане. Вперед и назад было видно метров на двести. Вездеход ходко катился по влажной галечной косе.

В устье небольшого притока, вынесшего в Оленек язык тонкой известняковой плитки, образовался косой пережат. Я остановил вездеход и решил покинуть блесну. Первый заброс принес удачу. Резкий удар, леска натянулась и с шипением пошла резать воду вверх по течению. Я поднял спиннинг вертикально, давая удилице сгибаться при бешеных рывках рыбы. Постепенно подтягивая леску, я отступал назад, на берег. Когда рыбина была в пяти метрах от берега, перекинул леску через плечо и быстро побежал вверх по косе. Десятикилограммовый таймень выскользнул из воды и ошарашено замер на гальке. Я мгновенно прыгнул к нему и ударил по голове подвернувшимся под руку камнем. Последующие забросы ничего не дали. Видимо, он стоял здесь один. Я положил добычу в вездеход, на брезент и мы двинулись дальше. Все так же моросил дождь, но ехать стало веселее.

Вездеход резво бежал по хорошей дороге, наматывая на гусеницы километр за километром. За световой день прошли верст девяносто. Не доходя до метеостанции в устье р. Сухана, совершенно неожиданно для себя увидели на косе следы вездеходных гусениц. У поворота реки, на высоком береговом мысу, стояло несколько зеленых металлических вагончиков. По берегу полз «ГТТ» с волокушей, загруженной бочками. Из кабины по пояс высунулся здоровенный лохматый парняга в выгоревшем армейском бушлате и тельняшке. «Здорово, мужики, куда Бог несет в такую погоду?». «Здорово. Мы из Третьей Московской экспедиции, у нас база внизу. А вы откуда здесь?» «Да сейсморазведка от Якутского управления. Я один тут кантуюсь, горючку с косы на берег таскаю. Все в тайге, на профилях». «Мы у вас переночуем?». «Да давайте в любой балок, только спальники свои берите, а то там голые нары».

На косе, у воды, стояла казанка с «Вихрем», привязанная длинным капроновым фалом к брошенному на гальку траку от «ГТТ». Рядом сидели две чрезвычайно лохматые ярко-рыжие лайки. Мы стали разгружать вездеход, сбрасывать спальники, снимать посуду, ведро с вареным мясом. Собаки подошли к нам, вежливо обнюхали каждого. Сашка бросил им по куску мяса. Они аккуратно взяли и тихонько отошли в сторону. Парень сказал: «Да они зажрались, их тут все кормят на убой, когда в лагере. Давайте, устраивайтесь, я к вам вечером зайду. А то вторая неделя, как один бичую, хоть побазарить».

Мы забрали спальники, посуду, суму с продуктами и полезли по мокрой и скользкой тропе вверх. В балке, сразу у входа, стояла железная печка. Вдоль стен крепились откидные двухэтажные полки, как в вагоне - числом шесть. В торце стоял узкий стол, привинченный к полу и покрытый клеенкой в веселый цветочек. Цивилизация...

Я проснулся рано. В балке было душно. В окно скреблась желтая пушистая лапа лиственницы. Вода струилась по оконному стеклу, смывая прилипшие рыжие хвоинки. «Погода собачья,- подумал я.- Но ехать все равно придется. Вода скоро поднимется, тогда намучаешься с ручьями».

После вчерашнего болела голова. За разговором незаметно усидели половину трехлитровой банки нашего самогона и принесенную хозяином початую поллитровку спирта. Все-таки, встретить в тайге свежего человека – праздник. Я разбудил своих смурных орлов. Мы, как следует, позавтракали, попили чаю, свернулись и под дождем пошли к вездеходу. Витька (так звали нового знакомого), уже кантовал бочки на косе, загружая волокушу. Вода заметно поднялась. По реке несло грязную пену и мелкий мусор. Собаки провожали наш вездеход километра два, потом отстали и повернули назад, к дому.

Ближе к вечеру дождь немного утих. Мы вышли к устью крупного правого притока Оленька километрах в пятидесяти ниже Суханы. Мощный поток тащил коряги, разный лесной мусор и довольно глубоко врезался в пойменные галечники. Переехать ручей в устье было нельзя. Я решил заночевать на берегу, а завтра с утра разведать, можно ли пересечь ручей вверх, за пределами основной долины.

Палатку поставили в самом высоком месте, под уступом первой террасы, на слегка наклонной площадке. Установили на известняковой плите справа от входа жестяную печку. Затопили ее, и сразу стало уютнее.

С утра вода в Оленьке поднялась еще на полметра и подпрудила впадавший в него ручей. Теперь течение в нем стало не такое сильное. Я пошел посмотреть дорогу в обход сильно врезанного в устье русла ручья. Просвета нигде не было. Вдоль ручья и в обе стороны на поверхности первой террасы стоял высокий матерый лес. Проломиться к выходу ручья из коренного склона было очень сложно. Места для брода поблизости от устья тоже не было – крутые берега, сильное течение.

Я решил переправить вездеход вплавь. У нас было метров тридцать толстого капронового фала. Собрали, какие можно, веревки. Получилось около пятидесяти метров, как раз на ширину ручья в устье. Вездеход, конечно, плавает. Но только по стоячей либо не быстрой воде. Ширина Оленька в этом месте сейчас была метров пятьсот. Течение довольно сильное. Если машину унесет в реку, ей ни за что не выгрести к берегу. Лодка вездехода за маршрут сильно расшаталась во время тяжелой ломки. В металле появились заметные трещины и дыры. Долго на плаву ей не продержаться. Мы тряпками и деревянными клиньями законопатили, какие возможно, дыры. Подогнали вездеход к урезу воды. Я привязал конец фала к ручке наверху кабины. Мы с «Графом» на резиновой лодке переплыли ручей. С собой взяли лом и кувалду. Веревки хватило на всю ширину ручья и даже на пять метров больше.

Я заколотил лом в гальку на берегу и махнул Николаю Константиновичу – давай. Машина осторожно спустилась в воду. Мы с «Графом» захлестнули скользкой петлей вбитый лом и изо всех сил потянули вездеход к себе. На середине ручья сильное течение подхватило машину и понесло в реку. Но у нас за лом был захлестнут уже толстый, надежный капроновый фал. Вездеход, как таймень на крепкой леске, описал широкую

дугу и зацепился гусеницами за гальку на дне. Через минуту он был на нашем берегу. Я с облегчением перевел дух. Все окончилось благополучно. Полевой сезон кончился. До базы оставалось два дня спокойной дороги. Дождь прекратился, настроение было великолепное...

* * *

Тогда я даже не предполагал, что это последний маршрут. Что меньше чем через год Великую Страну раздерет на кровавые куски свора разнообразных сволочей, искусно прикинувшихся радателями Свободы и Демократии... Что уже внутри России начнется беспощадная грызня за наиболее лакомые куски – нефть, газ, алмазы, алюминий, никель. Геология останется не у дел.

Мы слишком хорошо работали в свое время. Разведанных запасов полезных ископаемых должно было хватить на тридцать и более лет. Так далеко захватившая власть шайка временищиков не заглядывала. Главным стало урвать здесь и сейчас. А там хоть потоп.

Страна потеряла свою геологическую службу. Наше поколение, тогда тридцати пяти-сорокалетних, выучили Великие Старики, прошедшие Огонь и Воду. Не сломавшиеся на славе в пору больших открытий. Умевшие работать сверх сил в невероятных условиях и научившие этому нас. Научившие нас любить свою Работу больше всего на свете. Нам передавать этот поистине бесценный опыт было некому – пятнадцать лет экспедиции не выходили в поле..

За это время мы вышли из игры. Нужно было кормить семьи. Как-то жить самим. Воровать и торговать мы не умели. Некоторые, помоложе, пытались заняться бизнесом. Но мало кто в этом преуспел. Кодекс чести, безжалостно вколоченный в нас тайгой, не давал врать и воровать. По нему жизнь друга была всегда дороже твоей жизни. Подлец был подлецом. С бизнесом это не очень вязалось.

Когда мы изредка встречаемся, постаревшие, поседевшие или лыдые, то просто, обнявшись, хлопаем друг друга по плечу и говорим: «А помнишь?». И в памяти вспыхивает весенний восход над Леной, ледоход на Оленьке, столовые горы Корякии или пурга в Полоусном хребте в начале июля. Это мы были в тех тракторных санях и это наши лица обжигал ветер с Полюса. Наши полевые костры видела Полярная звезда по всем Северам. И иногда, когда становится совсем невмоготу, из тех давних времен ко мне приходит работяга по кличке «Француз». Садится рядом и тихо говорит: «Х...ня, Василич, прорвемся. Уж если мы не парни, то и Волга не река». Аминь!

Опус 12.

В начале сентября 1970 года, я, тогда совсем еще зеленый, семнадцатилетний пацан, второй год работавший коллектором в геологической экспедиции, вел три спарки горняков на дальний участок. Там месяц назад мы с Виктором Мироновичем, как мне тогда казалось, пожилым, сорокалетним геологом, обнаружили рудопроявление бокситов. (Бокситы - руда на алюминий).

Караван из восьми вьючных лошадей понуро месил грязь на размокшей глинистой тропе под непрекращающимся вторые сутки, нудным осенним то ли дождем, то ли туманом. На севере это называется коротким словом бус. Тайга, уже совсем рыжая, была до отказа насыщена влагой. Малейшее прикосновение к веткам обрушивало на плечи и голову потоки холодной воды. Вершины лиственниц скрывались в промозгом тумане. Видно было метров на пятьдесят вперед и назад. Люди брели, накрытые матовым колпаком тумана. Судя по карте – мы уже пришли, но я не узнавал места. Все изменилось – тайга стала совсем другая, осенняя, да еще этот туман...

Вечерело. Я остановил караван. «Ну что, студент, заблудился?», - ехидно спросил «старшак» горняков Виталька Черников – сорокалетний рыжебородый, коренастый чалдон со станции Магдагачи, принципиально не жаловавший любое начальство. Я независимо пожал плечами и сказал: «Развьючивайтесь, я пока схожу к ручью, посмотрю место для постоянного лагеря.» «А где долбать-то будем?», - спросил «Бухенвальд» - тощий, козлобородый, корявый мужичонка. Про таких говорят – соплей перешибешь. На самом же деле работяга, каких мало, двужильный и крепкий как сыромятный ремень. Я неопределенно махнул рукой вверх по течению ручья: «Вон там, метров сто отсюда».

У ручья я очень надеялся увидеть место нашей последней с Миронычем чайвки. Оттуда можно было уверенно найти размеченные вешками канавы – фронт работ для отряда – моего первого в жизни горного отряда. Не найти вешек – большего позора нельзя было представить.

До ручья было метров сто. Я спустился со склона. Плотный ковер ягеля, насквозь пропитанный дождем, мягко пружинил под ногами. Караван почти скрылся за сырыми космами медленно метущего тайгу тумана. Голоса горняков глухо доносились сквозь него.

Как-то внезапно у меня защемило сердце и возникло ощущение тяжелого чужого взгляда в затылок. Я резко обернулся. Все было спокойно, но тревога почему-то не унималась. Ну вот, подумал я, уже глюки пошли. Этого только не хватало. Я упрямо двинулся дальше, туда, где должно было быть наше старое кострище. Вода в ручье сильно поднялась, затопив небольшую косу, где и был костер. Из воды торчал только обгоревший таган.

Все сразу встало на свои места. «Ну, слава Богу», - облегченно подумал я и пошел к тропе, по которой спускался в долину. Поверх моего следа на размокшей глине четко отпечатались огромная когтистая медвежья лапа. След зверя быстро наполнялся дождевой водой. Я настороженно осмотрелся кругом. Все было так – же спокойно и глухо. Со стороны, где должен был стоять караван, доносилось тревожное фырканье лошадей и глухие голоса работяг. Внешне спокойный, но напряженный, как взведенная пружина капкана, я медленно пошел по тропе вверх. Следов зверя больше не было.

Мужики вопросительно смотрели на меня. Там не встать, все затопило. Здесь тоже слишком близко к канавам, взрывами достанет. «А где они?», - спросил Виталька.

«Вон за той таежкой, метров пятьдесят отсюда – первая. Дальше по склону через сорок метров – еще три. Вы сегодня лошадей не отпускайте, дайте овса и пускай в лагере стоят, привязанные. Там медведь ходит». «Видел?», - быстро спросил «Бухенвальд». «Нет, но по моим следам его лапы в ста метрах отсюда, прямо на тропе».

Мы со старшаком походили по склону, ища более или менее сухое место, но лучше, чем то, где встали сразу, не нашли. Ладно, сказал Виталька, эту канаву будем малыми зарядами брать, авось не достанет. Мужики сноровисто повалили четыре лесины, соорудили каркас шестиместной палатки и настелили широкие нары из ровных лиственничных жердей. Под натянутым между двух деревьев тентом уже горел костер. В закопченном ведре булькало какое-то густое варево и в огромном, медном восьмилитровом чайнике закипала вода. Народ в отряде был тертый и дело свое знал туго. А на следующий день, с самого утра, было солнце.

ПЕРЕГОН.

На перегоне прогорели выпускные клапана у двигателя вездехода «ГАЗ-47». Вездеход дымил, из выхлопной трубы вырывалось длинное пламя, сопровождаемое резкими хлопками. Двигатель совсем не тянул. Машину на буксире дотащили до брошенного в пятидесятых годах поселка топографов и оставили до лучших времен. Ремонтировать двигатель было некогда, до новой базы оставалось еще около трехсот километров. Вот-вот должен был начаться ледоход, и Иваныч торопился дойти до нее по льду. Караван пришел на место девятнадцатого мая. За два дня мы перебросили горючку с аэродромной косы на коренной берег.

На пятый день пошел Оленек. Подвижки начались, как всегда, почему-то ночью. Мощное, трехкилометровое, ледяное поле, что было ниже базы, с орудийным грохотом раскололось вдоль на три куска. Середина ледяного поля горбом вспучилась на всем протяжении плеса. Через разломы на лед, пенясь, хлынула вода. Вздыбленный вал битого льда медленно, с шипением и треском, напирал на ледяное поле, выходя из-за поворота в километре выше по течению. Вода постепенно прибывала. Наконец, с утробным рыком, ледяное поле сдвинулось и пошло. Напором воды огромный, километровый кусок его, развернуло и уперло в обрывистый берег в ста метрах ниже лагеря. Метровой толщины, плотный, зеленоватый на изломе, лед, как нож громадного бульдозера начал подрезать мерзлый грунт берегового обрыва. От глухого, низкого, воющего звука волосы поднимались дыбом. Берег дрожал. От страшного напора лед начал лопаться и вскоре под обрывом громоздился шестиметровый шевелящийся сверкающий хребет.

Вода все прибывала. Береговой припай приподняло, оторвало от дна и нарастающей скоростью поволокло вниз. Теперь уже вся поверхность реки была занята движущимся битым льдом. Вода поднималась весь день и ближе к вечеру залила большую часть берегового склона первой террасы. До бровки оставалось около метра. Льдом забило устье небольшого, врезанного ручья ниже лагеря. Лед шел по всей реке. Над ней стоял глухой шум, изредка дополняемый треском лопающихся крупных льдин.

В это время вся рыба из реки уходит в мелкие притоки, где ледоход ее не беспокоит. Поэтому мы с Игорем Суховым еще по весне прорубили в кустах в сорока метрах выше выхода ручья из террасы Оленька, широкую просеку и вытащили срубленные ветки на берег. Теперь можно было ставить сети, не опасаясь запутаться и порвать их. Что мы и сделали. Петруха с «Французом» наладили удочки и теперь с удовольствием таскали с берега крупных икряных сига. Ловили на мелко нарезанные кусочки оленины. Клев был сумасшедший, видимо в устье ручья подошел косяк сига.

Иваныч, в предвкушении будущей серьезной рыбалки, возился с лодочными моторами. Он установил около балка бочку-двухсотку без верхнего днища, закрепил над ней транец из доски и, налив в бочку воды, заводил моторы прямо в ней, чтобы не таскать на реку.

Был яркий, без ветра, день. Солнышко пригревало почти по-летнему. В общем, идиллия. Грызло одно – вездеход, оставленный на Чомурдахе. Он был нужен в этом сезоне для работы с лагеря. До прибытия основных сил партии оставалось еще две

недели. Времени хватало и на ремонт, и на перегон. Но в большую воду идти вдоль Оленька невозможно – косы залиты, мелкие притоки стали многоводными, их не переехать. Можно было срезать Маакскую петлю (От устья Сенкю Оленек уходил резко к югу, огибал большое поднятие и возвращался примерно на ту же широту в районе устья Чомурдаха). По Оленьку расстояние было около трехсот километров, напрямую – порядка ста двадцати.

Одна проблема – не было ни карты, ни снимков на этот маршрут. У меня была схема района работ миллионного масштаба (в 1 см. десять километров), но она давала только общее представление о местности. И все-таки я решил попробовать сделать перегон. Все равно нужно было гнать вертушку за снаряжением, которое не привез сломавшийся вездеход.

Напротив устья Чомурдаха два года назад работал горный отряд нашей партии. Ребята проводили шурфовку и опробование на кимберлитовой трубке «Олимп», открытой нами в 1980 году. На старом лагере отряда оставалось около двух тонн груза. Самое главное – там был «САК» (сварочный аппарат на базе «волговского» двигателя), нужный нам для ремонта вездеходов.

На второе июня Иваныч заказал рейс «Ми-8» по маршруту пос. «Оленек – Сенкю – Чомурдах – Сенкю – Оленек». Вылетали я, вездеходчик Володя Бузыкин и Петруха. С собой взяли радиостанцию «Гроза-4», резиновую лодку-трехсотку, четырехместную палатку на перегон. Продуктов на десять дней, посуду, топор. У каждого была выючная сумка со спальником и личными вещами. Я взял свое ружье «Иж-27» с запасом патронов, карабин. Спиннинг с набором блесен и сеть сороковка длиной двадцать пять метров были, как всегда, со мной. В качестве неприкосновенного запаса имелось полмешка пшеничной муки. Еще «Бузыка» взял инструменты для ремонта и аккумулятор на вездеход. Все это вместе с нами весило килограммов около четырехсот.

С утра погода была ясная, но с севера тянуло перистые облака – надежный признак перемены погоды. Иваныч связался с базой в Оленьке. Борт «Ми-8» двадцать минут как вылетел в нашем направлении. Лету до нас было минут сорок. Вертолетная площадка располагалась в ста метрах от лагеря, на берегу небольшого озерца. В обе стороны от него, параллельно берегу Оленька, тянулось болото с редкими сухими лиственницами, которые еще по весне потоптал на «ГТТ» Сашка-«Сохатый».

Сама площадка – квадрат двадцать на двадцать метров, была выстлана двойным слоем лиственничных бревен, скрепленных скобами. По углам торчали четыре красных флажка на палках. Мы оттащили груз на площадку и вернулись в лагерь. Только ребята закурили, как послышался рокот двигателя вертолета. Восьмерка сделала широкий круг над лагерем, развернулась против ветра и уверенно опустилась на площадку.

Открылась дверь, и на бревна настила выпрыгнул коренастый кривоногий якут-бортмеханик в черном комбинезоне и кожаной летной куртке. Он по хозяйски обошел вокруг машины и помахал командиру: «Нормально, садись». Вертолет просел на амортизаторах, несущий винт останавливаясь, провис. Из двери высунулся седой круглолицый пилот и спросил: «У вас пожарать есть что-нибудь, а то с утра не успели?». «Пойдем,- сказал я,- что-нибудь сообразим».

На кухне хозяйничал «Гангрена» - рыжий, лысоватый, лет сорока человек, по виду явно не дурак выпить. Так оно и было. В Москве он работал грузчиком на Черемушкинском рынке. Там я никогда не видел его трезвым. Он говорил: «У нас в бригаде норма - как час, так стакан». В тайге всю первую неделю он мучился, ходил смурной и злой. Потом

выхаживался и безотказно делал любую работу – бил шурфы, рубил просеки, таскал рюкзаки в маршрутах, пек хлеб. У нас в партии «Гангрена» второй сезон поварил на базе. Готовил Лешка чисто и вкусно. В этом году даже привез с собой белый фартук и поварской колпак. Сейчас он как раз жарил рыбу. «Лешка, накорми ребят»,- попросил я.

Основательно подкрепившись холодным вареным мясом, жареной рыбой и попив чаю со свежим хлебом, командир повеселел и сказал: «Ну, вот теперь другое дело, можно и ехать. Мы же не ангелы, летать с пустым брюхом». Они точно были не похожи на ангелов. Два квадратных, с необъятными спинами в коричневых летных куртках, пожилых мужика, раздобревших от сидячей работы и коренастый бортмеханик скорее были похожи на больших майских жуков.

Мы забросили в пустое нутро «восьмерки» свой груз, бортмеханик закрыл дверь и прошел в кабину. Я тоже прошел за ним. «Командир,- попросил я,- давай уточним маршрут, мне нужно пройти через водораздел, а потом по Чомурдаху до поселка... Надо посмотреть, как гнать вездеход». «Давай карту, посмотрим». «В том-то и дело, что карты нет, есть схема «миллионка», да и то не на весь маршрут. Спецпочта еще не пришла». «Как же ты пойдешь?». «Да так и пойду, не первый снег на голову». «Ну-ну»,- сказал командир. - Сережа, пускай геолог на твоём месте посидит»,- попросил он бортмеханика. Тот кивнул и молча спустился в салон.

Я устроился на подвесном сидении между кресел пилотов, и мы взлетели. Внизу кое-где белели пятна не растаявшего снега. Озера в устье Сенкю тоже не совсем очистились ото льда. Мы шли вдоль Оленька, по правому борту долины. Вода начинала падать, по берегам белели обсохшие льдины. Тальники в пойме стояли в глубокой мутной воде. По реке несло редкий битый лед и подмытые половодьем деревья.

Через двадцать километров река резко уходила к югу, начиналась Маакская петля. В самом основании ее, у поворота, в Оленек впадал крупный ручей, по которому я хотел спускаться с водораздела. Тайга стояла голая, было хорошо видно все. Я попросил подняться повыше, чтобы посмотреть общий план. Водораздел был широкий, плоский, сложный для ориентировки. С самого основания петли брали начало пять совершенно одинаковых в верховьях, ручьев. Проходимыми были два, уходивших к юго-западу. Остальные где-то в десяти километрах от истоков, врезались в коренные породы узкими каньонами и потом уходили далеко к юго-юго-востоку. Чомурдах сверху выглядел хорошо проходимым и довольно простым. Нужно было уходить все время влево на крупных развилках. Я отметил это на схеме, и со спокойной душой мы полетели дальше.

Развалины поселка находились в полутора километрах ниже устья Чомурдаха, на левом берегу Оленька. Из заросшей тальником старой вырубki торчало несколько развалившихся построек, длинный остов гаража и, на самом берегу, в пятидесяти метрах от воды, стоял вполне прилично сохранившийся дом. Там же был и наш брошенный вездеход. Вертолет завис около него в метре над землей. Я выпрыгнул и Петруха подал мне наши «шмотки». Резиновую лодку и топор в чехле оставили в вертолете. Забравшись назад, я закрыл дверь и прошел в кабину.

Старый лагерь располагался как раз напротив поселка, в устье мелкого правого притока Оленька. Мы опустились на большую круглую поляну в пятидесяти метрах от лабаза, накрытого брезентом. Рядом с ним, на бревнах, стоял «САК». Чтобы подлететь как можно ближе к лабазу, пришлось срубить несколько лиственниц. Бортмеханик Сережа открыл задние створки. По наклонной плоскости из четырех бревен лебедкой

затащили внутрь «САК» и начали грузить остальной бутор.

Пришли ходившие на берег пилоты. Командир сказал: «Хватит, и так перегрузили, а еще вас на тот берег перебрасывать». «Да мы на лодке сами переедем, жалко же добро оставлять». «Ну, тогда ладно, грузи все. Только вон те листовяги срубите, а то взлетать мешают».

Мы закончили погрузку и пошли к берегу. Надо было срубить еще четыре лесины, мешавшие взлету. Оранжевый вертолет тяжело приподнялся, как бы примериваясь к непомерному грузу. Потом решительно двинулся вдоль поляны, постепенно набирая высоту. «Ну, мы действительно обнаглели,- подумал я. Да ладно, дотащат, ребята серьезные».

Над рекой машина набрала скорость и уверенно потянула к водоразделу вдоль долины Чомурдаха. Мы остались одни. С северо-востока по реке дул все усиливающийся мокрый ветер. Из-за горы выползала плотная снеговая туча темного серо-синего цвета. На реке разводило высокую волну. Мы накачали лодку. Ребята сели на резиновое днище, я устроился за веслами на брезентовой перемычке и, стараясь держаться поперек волны, погреб к другому берегу. Ветер дул против течения, лодка сильно парусила. Река сейчас была полная, до левого берега около семисот метров.

«Бузыка» завозился в лодке и приглушенно заматерился. «Ты чего?»,- спросил я, усиленно загребая правым веслом и стараясь держать лодку. «Да дно где-то подтекает». «Ничего, не утонем, она надувная». «Тебе хорошо, у тебя жопа сухая, проворчал он». «Ни хрена, заодно штаны постираем»,- сказал Петруха. Он тоже сидел в воде и знал, что подниматься нельзя – лодку тут же опрокинет волной. Мы были на середине реки. Ветер все усиливался, и волна была метра полтора. Хорошо хоть пологая и длинная. Ближе к левому берегу ветер немного поутих. Река здесь уходила круто к северу и мы оказались за мысом.

Минут через двадцать лодка благополучно уткнулась в гальку на откосе береговой террасы. Нас снесло всего метров на четыреста ниже поселка. Дом оказался вполне целым. Железная, сваренная из столитровой бочки, печка, была в рабочем состоянии. Я залез на чердак, поправил и укрепил сбитую ветром трубу и Петруха разжег огонь. Пока ребята мели пол, поправляли нары, затыкали разные щели, я спустился к реке и поставил сеть.

Место было хорошее. За чуть выдававшимся в реку небольшим мыском образовалось спокойное улово. От берега под углом около тридцати градусов ,отходила струя. Вдоль нее, на границе спокойной воды, я и установил сетку. Вернувшись в дом, я взял топор и пошел вниз по реке, к тому месту, где видел тонкую и длинную сухостойную листовницу. Нужно было установить антенну радиостанции. До вечерней связи оставалось около часа.

После зимы в доме было сыро. Печку топили, открыв дверь дома, но окна все равно запотели. Я установил в изголовье нар радиостанцию. Подсоединил антенну, аккумулятор и вышел в эфир. «Русалка-6, Русалка-6, Я Русалка-21. Как меня слышишь. Иваныч». «Здравствуй Николай. Слышу тебя хорошо, нормально слышу, прием». «Русалка-6, Я Русалка-21. Иваныч, у нас все нормально. Устроились в доме на берегу. Вот только погода портится, вроде снег срываться начал, прием». «Ясно, ясно. Ну, ты и нагрузил вертушку! Командир говорит: «Он у вас из кулаков, что ли. Насилу долетели». «Да они сами сказали – грузи все, прием». «А ты и рад, Ну ладно, молодец, прием». «Русалка-6, Русалка-6, Я Русалка-21, до связи, Иваныч, до завтра».

Я выключил радиостанцию и вытащил из сумы со спальником радиоприемник «ВЭФ-202». Люблю, когда музыка. Поставив его рядом с радиостанцией, начал готовить лежбище. На доски нар мехом вверх положил выделанную шкуру осеннего оленя – она не так лезет и более плотная. Шкуру накрыл куском брезента от палатки. На брезент раскатал кусок кошмы и уже на него положил спальный мешок. В изголовье, под мешок, сунул свернутую телогрейку и полупустую суму. Лежбище получилось хорошее. Закончив наводить уют, я спустился к реке.

За три часа, пока мы устраивались, в сеть влетели четыре хороших, килограммовых, ленка и два сига. Тут же, на берегу, почистил рыбу, выкинув внутренности на гальку, где их могли подобрать чайки. Надел рыбин на тальниковую рогульку и пошел в дом. Рыбы было на уху и хорошую жарёху.

Утром я проснулся от яркого света из окна. На улице все покрылось глубоким снегом. За ночь выпало сантиметров тридцать. Снег был мокрый и начинал таять. Я вышел. Прямо за домом, около кустов ольхи, токовали турухтаны. (Турухтан – кулик, величиной с голубя. У самцов яркий, пушистый как львиная грива, воротник из перьев. Нет двух одинаковых по расцветке.) Они подпрыгивали, ходили друг перед другом боком, опустив одно крыло до земли. Бились грудью, как настоящие петухи. Их было штук десять. Самочек не было видно.

Вышел Петруха. «Они очень вкусные»,- сказал он. «Да что там есть!»,- возразил я. Было жалко стрелять такую красоту. «Пойдем лучше сетку снимем, я хочу переставить в устье Чомурдаха. Там наверняка таймени должны быть». В сетку попались два крупных горбатых окуня, пятнистый фиолетовый ленок и на самом конце запутался небольшой, сантиметров семьдесят, таймешонок. Петруха осторожно выпутал его и отпустил в воду, сказав по якутски: «Сарсын кытта кергенык, кель манна». «Ты чего?»,- спросил я. «Да пускай завтра с семьей приходит, говорю». «Правильно, нечего одному шастать, без взрослых».

Мы почистили рыбу и пошли в дом. «Бузыка» уже встал и разжег печку. Чайник начинал закипать. В доме было тепло и сухо. «Мы тебе сегодня у вездехода нужны?»,- спросил я. «Сегодня сам управлюсь, завтра поможете». «Тогда мы с Петрухой после завтрака сходим на Чомурдах, сетку поставим». «Давайте. Там по дороге куропаток погоняй, а то всю ночь орали, спать не давали. Да и супчику неплохо бы сварить». «Хорошо, попробую».

Лодку буксировали на длинном, метров двадцати, капроновом фале, закрепленном так, чтобы она сама отходила от берега. Воды было почти по бровку террасы. Под самым обрывом шла хорошо натоптанная звериная тропа. Идти было легко, снег на солнце пеке под обрывом почти растаял. Впереди то и дело взлетали куропачи, пегие, не совсем еще облинявшие от белого зимнего оперения. Отлетев на несколько метров, садились на лиственницы или прямо на землю и орали дурными голосами, совсем как птица кукабарра из позывных Радио Австралии. Двумя выстрелами я сбил три штуки. На первое время куропачи утихли, но затем продолжили орать как ни в чем не бывало. Петруха подобрал добычу, положил ее в пробный брезентовый мешок. Мешок с куропатками сунул в рюкзак.

Устье Чомурдаха прорезало первую террасу Оленька практически под прямым углом. Высокая вода в Оленьке подперла Чомурдах в устьевой части, и течения в нем не было. Ширина в устье составляла около пятидесяти метров. Мы переплыли к правому берегу. Вода была глубокая и очень прозрачная. У берега ее затянуло тонким, почти

невидимым льдом. Пришлось разбивать его веслом и отгонять от берега очень острые и опасные для резиновой лодки осколки.

Сетку поставили перпендикулярно берегу, привязав к торчащему из воды кусту тальника. Ко второму концу сети на двухметровой веревке я привязал взятый с собой трак от вездехода. Так сетка была достаточно свободна, чтобы в ней запуталась крупная рыба. В то же время ее не должно было снести слабым течением. Сеть была сплавная, сороковка, высотой метр восемьдесят, сплетенная из очень тонкой и прочной капроновой нити. (Сети бывают сплавные – это когда поплавки держат легкие грузила на плаву, и ставные – когда грузила топят поплавки и сеть стоит на дне). Сплавные сети мне больше нравятся, они универсальные и более уловистые.

Поставив сеть, мы переплыли на свой берег, вытащили лодку под самый обрыв, перевернули вверх дном и привязали ее к лиственнице. Снег таял, вода должна была начать подниматься. Петруха пошел к дому. Я же решил подняться вдоль Чомурдаха к первой развилке, где нам нужно будет уходить влево, в верховья. До этого места было около двух километров. Нужно было посмотреть дорогу – без снимков и карты я чувствовал себя слепым. Сказывалась многолетняя привычка знать, что у тебя впереди.

Снег сильно таял. Повсюду струилась вода. Между зарослями тальников в пойме Чомурдаха и уступом террасы Оленька было чистое от кустов место. Впереди, в километре, маячил крутой уступ коренного берега. Я пошел по чистине в его сторону. Через километр река сделала сильную петлю и пошла себе навстречу. Течение пока было слабое, чувствовался подпор Оленька. Впереди слышался шум большого переката и плеск воды от веток, подмытых рекой деревьев.

На слиянии двух составляющих Чомурдаха, чуть ниже стрелки, громоздился большой завал из плавника. Вода в реке была очень большая, сейчас нечего и думать, чтобы переехать ее. Да еще этот снег добавит. Придется ждать несколько дней, пока скатится вал талой воды. Когда мы подлетали к поселку, с высоты я видел три огромных озера к северо-востоку от устья Чомурдаха. Лед на них еще не совсем растаял и озера выделялись чистыми белыми пятнами на фоне захлавленной тайги.

Вдоль подножия коренного склона я пошел в направлении озер, приблизительно на восток. Как всегда в таких местах, здесь шла вполне приличная звериная тропа. Она и привела меня к озерам. Сквозь голую прозрачную тайгу светилось большое открытое пространство. Торфяные берега отвесным полутораметровым обрывом уходили в воду. Лед вдоль них подтаял метра на четыре, и образовалась полоса чистой воды по периметру. Лед всплыл горбом и был светлого желтовато-зеленого цвета. На нем четкими черными точками выделялось множество ондатровых лунок с кучками объедков водорослей. Озеро было в ширину двести – двести пятьдесят метров и длиной более километра. Я вышел к нему примерно посредине.

К северу, сквозь голую тайгу, виднелось еще одно озеро. Перешеек между ними составлял около двухсот метров. Берег на западной оконечности озера оказался более пологим. Вдоль него шло заболоченное, покрытое сухой серой осокой, пространство.

Мне почудилось какое-то движение на этом болоте. В бинокль я увидел три пары серых журавлей, важно ходивших на своих длинных ногах вдоль опушки леса по краю болота. Иногда они высоко подпрыгивали и, взмахнув крыльями, вновь опускались на болото. Иногда, повернувшись, друг к другу, взлетали вверх клюв к клюву, плавно махая огромными крыльями. Это нельзя было назвать поединком, то был какой-то старинный медленный танец.

Вдоволь налюбовавшись журавлиным балетом, я медленно пошел мимо них к дому. Журавли забеспокоились, тревожно и звонко закричали, но не улетели. Они настороженно проводили меня взглядами до самого края леса.

«Бузыка» встретил меня около дома. «Хреновые дела, Василич. Из шести, два седла прогорели насквозь и выкрошились, еще два можно попробовать притереть, поработают еще. (Седло клапана – небольшое чугунное кольцо, впрессованное в блок двигателя и образующее с клапаном плотно притертое соединение, не пропускающее топливную смесь до времени выхлопа). Если нет герметичного соединения, двигатель не будет работать. «И что можно придумать?». «А что тут придумаешь, менять надо. А нету. Правда, я тут немного «пошакалил» в развалинах – вроде бы похожий движок валяется. Можно попробовать снять с него. Только они же чугунные, хрупкие. Никогда так не делают, просто ставят новые, и все. Да и приржавели они наглухо, лет двадцать валяются». «Вот завтра и попробуем, сказал я, а пока пойдем ужинать».

На ужин Петруха сварил суп с куропатками и пожарил ленков. Мы с удовольствием поели, выпили чаю и легли на нары отдохнуть. В доме было тепло, тихо играла музыка в приемнике, потрескивали дрова в печке, навевая дрему.

Утром мы пошли к развалинам гаража. Двигатель лежал в глубоко протаявшей колее справа от входа. Часа за два ломачами и деревянной вагой вытащили четырехсоткилограммовый движок из ямы и поставили, подложив куски бревен, чтобы он не упал.

Отвернуть гайки, крепившие головку блока, не удалось – они намертво приржавели. Пришлось срубить их при помощи зубила и кувалды. К обеду с этой работой справились. Володя снял головку блока. Диаметр седел выхлопных клапанов совпадал с нашими. Оставалось осторожно вынуть приржавевшие седла, поставить на наш двигатель и притереть клапана.

«Ладно, мужики, вы мне пока не нужны. Идите сетку проверьте», - сказал «Бузыка». Половина поплавков сети была притоплена. В нее набилось десятка два крупных серебристых сига и, у самого берега, запутался хороший, килограммов пятнадцати, таймень. Зацепившись зубами и жесткими пластинками в углах рта, он спокойно стоял у сети. «Поставь ему круглую печать, а то уйдет, так не вытащить», - сказал Петруха. Я осторожно подтянул рыбину к лодке. Сильно и точно ударил молотком в середину лба. Оглушенный таймень дернулся и затих. Это и называлось «поставить круглую печать».

Я с трудом перевалил его в лодку. Тащить добычу на себе было тяжело. Мы решили сплавиться до дома на лодке... Потом, пустую, не трудно отбуксировать назад, на устье Чомурдаха. «Бузыка», явно расстроенный, курил на крыльце дома. «Как дела, снял хоть одно?». «Хрен там, две штуки поломал, остальные расчистил, залил керосином. Ночь пускай покиснут, авось отойдут немного». «Я где-то читал - сильно приржавевшие детали можно йодом отмачивать, он ржавчину хорошо разъедает», - сказал я. - Пойдем, попробуем две штуки йодом зальем». Я взял в аптечке пузырек йода, и мы пошли к гаражу. Седла двух клапанов протерли от керосина, вымыли чистым бензином и залили по окружности йодом. Теперь оставалось только ждать.

Пойманных сига засолили в брезентовом мешке. Весенний сиг, если его засолить непотрошеного, весь пропитывается внутренним жиром. Да если его потом чуть-чуть подкоптить холодным дымом – на просвет становится розовым и вкусен невероятно.

На следующий день занимались двигателем. Сумели вытащить три седла клапанов. Поставить их на наш, притереть и отрегулировать клапана было уже несложно. К вечеру

движок завели. Все было в порядке. «Бузыка» сделал пару кругов у поселка и, очень довольный, поставил машину около дома.

Вода в Чомурдахе начинала падать, но нужно было подождать еще дня два, прежде чем ехать.

Кончался взятый с базы хлеб. Позади нашего дома был навес, под которым располагались четыре хлебные печки из железных двухсотлитровых бочек, засыпанных сверху и с боков галькой. Одна из них оказалась более или менее годная. Мы решили напечь хлеба на дорогу. Хлебных форм у нас с собой не было, пришлось приспособивать под формы найденные в развалинах гаража черпаки от драги, сваренные из трехмиллиметровой стали. Буханки получались клиновидной формы и очень большого размера. (Шестьдесят сантиметров в длину, тридцать в ширину и глубину).

Кроме хлеба мы решили испечь рыбный пирог. По поводу пирога у нас с Петрухой вышел теоретический спор. Он утверждал, что вкуснее получается, когда в тесто кладется сырая рыба и запекается так в собственном соку. Я же больше люблю пирог с жареной рыбой и луком. (Рыба жарится до корочки, вместе с ней обжаривается лук. Потом убираются все кости и теплая (не горячая), рыба кусками кладется на тесто в форму. Сверху покрывается таким же слоем теста). Все это ставится на сорок минут в хлебную печь. Сейчас, когда пишу, полный рот слюны, как у собаки Павлова. Получается очень вкусно.

В результате решили испечь два пирога. Когда вынимали хлеб и пироги из печки, во всей округе пахло, как в богатой деревне на престольный праздник. Пироги удались. Основательно отведав и тот и другой, «Бузыка» благостно откинулся на нарах. «Ну что?», - спросил я. «А вы почаще спорьте, может потом я и разберусь, какой пирог вкуснее. А сейчас, по мне, оба хороши. Не распробовал». «Ну, ты и враг, ловко устроился», - сказал Петруха.

Через трое суток снеговая вода скатилась. Мерзлота еще не дала оттайку, и воды в Чомурдахе было мало. С раннего утра мы погрузились и пошли вверх, перескакивая с косы на косу. Дорога была хорошая, и к вечеру вездеход благополучно вышел в верховья, пройдя за день километров семьдесят.

Приключений не было никаких. Только в середине дня остановились на чаевку и увидели такую картину: вода в русле реки практически иссякла, и вездеход шел по сухому галечному дну. Изредка встречались ямы, заполненные водой. В одной такой яме, около которой мы и остановились на чаевку, плавал одинокий крупный ленок. Яма находилась под небольшим обрывом, длина ее около десяти, ширина два-три метра. В самом глубоком месте, наверное, с метр. Вода абсолютно прозрачная, слабого голубовато-зеленого цвета. На дне, на плитках известняка, светились пузырьки воздуха. Ленок был очень большой и тощий. Видимо, сожрал всю мелочь, которая обитала в яме, а комары еще не появились. Петруха для смеха опустил в воду блесну спиннинга. Ленок молнией кинулся на нее и заглотил целиком.

В верховьях Чомурдаха, у самого подъема на водораздел, мы встали на ночевку. На следующий день я решил разведать дорогу. Нужно было определиться с ручьем, по которому будем спускаться к Оленьку. С утра я собрался, взял с собой маршрутный рюкзак с котелком и перекусом для чаевки, закинул за спину карабин и поднялся на водораздел. Рельеф был совершенно невыразительный. Поверхность водораздела слабо понижалась к юго-юго-западу.

В километре к юго-западу от верховьев Чомурдаха, на небольшой поляне среди

лиственничного редколесья, возвышалась над окружающей тайгой огромная кряжистая лиственница. Такие редко встречаются здесь, на Крайнем Севере. Я оставил у ее корней рюкзак, карабин и вскарабкался почти на самую вершину дерева. Высота была метров двенадцать. Отсюда я хорошо рассмотрел юго-западный склон водораздела и верховья двух ручьев, уходящих к Оленьку. Дальше, к западу, просматривалось еще одно понижение, но я подумал, что это уже притоки Сенкю. Нам туда не надо.

Спустившись вниз, я решил посмотреть дорогу по первому с востока, ручью. За два часа я прошел вниз по течению ручья километров на десять. Дальше русло сильно врезалось в коренные породы, и ручей уходил круто к юго-востоку. Это нам не подходило. Этот ручей не годился для спуска к Оленьку. Я пошел назад.

Вечерело. Тень от северо-западного склона долины закрыла низкое солнце. В похолодевшем воздухе звенели редкие пока комары. Я шел легко и бесшумно, разогретый десятикилометровым путем по хорошей тропе. Внезапно, метрах в пятидесяти, из кустов тальника на другой стороне ручья, поднялся лось. Увидев меня, он рванул вверх по течению, не разбирая дороги.

Первая пуля сбрила полоску бурой жесткой шерсти вдоль хребта. Вторая скользнула по ребрам с левой стороны, заставив зверя резко отскочить вправо, под обрыв левого берега. Третий выстрел ударил в камни перед самой мордой лося. Он шарахнулся в сторону, развернулся и бросился на меня, огромный как танк. Я тщательно прицелился и выстрелил. Четвертая пуля попала точно в середину груди, у самого основания шеи, но не остановила зверя. Пятьдесят метров, оставшихся между нами, он пролетел за четыре секунды и на мгновение замер у подножия полутораметрового обрыва первой террасы ручья, на бровке которой я стоял.

Последнюю, пятую, пулю я послал точно в середину лба зверя, чуть выше глаз. Лось тяжело рухнул на мокрые камни под обрывом. «Вот зараза, неправильный лось попался, чуть не затоптал», - подумал я и сел на край обрыва, свесив ноги. Внутри все дрожало. Обычно зверя стреляешь – он падает. Такой прыткий оказался за все время второй раз. Посидев и немного успокоившись, я занялся разделкой туши.

Часа через два все было готово. Я накрыл сложенное на мерзлоту мясо шкурой и пошел к вездеходу. Завтра нужно будет заехать, погрузить добычу и километров пять возвращаться вверх по ручью.

Спускаться к Оленьку я решил по следующему к западу притоку. На следующий день, с утра, мы погрузили вездеход и пошли вниз по ручью. Нужно было взять битого лося и уходить к Оленьку. Судя по схеме, до базы оставалось километров сорок-пятьдесят.

От места стоянки мы отъехали совсем недалеко. Неожиданно машина дернулась, раздался металлический скрежет и сильный удар. Володя остановил вездеход и выскочил из кабины. Балансиры ленивцев (задних катков), с обеих сторон лодки задрало вверх, гусеницы собрало гармошкой и заклинило под крыльями вездехода. «Что за хрень?»,- спросил я «Бузыку». «Зубчатую муфту сорвало, теперь без сварки с места не сдвинемся». «А если попробовать натянуть гусеницы на следующий каток?». «Ничего не выйдет, там торсионы слабые, держать не будет». «Ну и ладно. Нет худа без добра. Хорошо хоть недалеко отъехали, возвращаться не надо. Сколько тут до Реки?»,- спросил Петруха. «Если попадем в правильный ручей, километров двадцать пять-тридцать будет».

Было как раз время аварийной связи. (Каждые четные четыре часа Иваныч десять минут держал радиостанцию на приеме). Мы быстро растянули антенну и я вышел

в эфир. «Русалка-6, Я Русалка-21, слышишь меня Иваныч?». «Слышу хорошо. Что случилось, Николай?». «Провернуло зубчатую муфту ленивцев. Вездеход встал наглухо, наглухо. Будем выходить к устью притока, первого, после Сенкю. Как понял? Прием». «Понял тебя, пошлю Сухова и «Француза» тебе навстречу. Будут ждать в устье. Конец связи».

Свернули рацию, с собой взяли рюкзак с котелком для чаевки, перекусить, собрались и пошли. Водораздел, широкий и плоский, слабо понижался к югу и западу. Среди кустов ерника серыми скелетами торчали горелые лиственницы. Под ногами мягко пружинил влажный рыжий мох. С севера тянул холодный ветер, свежо пахло талым снегом и молодой, только проклюнувшейся хвоей лиственниц. Далеко на юго-западе голубыми призраками маячили крутые откосы правого берега Оленька.

Через час ходьбы под ноги легла оленья тропа, идущая в верховья ручья, по которому я думал сваливаться к Оленьку. В устье ручья нас должны были ждать Игорь Сухов и «Француз» на моторной лодке. Чем ниже по ручью мы спускались, тем больше я сомневался. Ручей довольно сильно отклонялся к югу. Я не узнавал места, над которыми пролетал при заброске. Делать было нечего, приходилось идти вперед. Я решил – доберемся до реки, а там будет видно.

Долина ручья была широкая, склоны, хоть и крутые, но без коренных выходов... Скорее всего, это был следующий по течению приток, с устьем километрах в пятнадцати ниже места встречи. Как обычно, уловив ритм движения, мы шли без остановки. Часа через четыре ручей вышел в долину Оленька.

То и дело стали попадаться свежесрубленные сухостойные лиственницы. Ветерок с реки донес запах дыма. Послышался собачий лай, и под ноги выкатилась серая остроухая оленегонная лайка. На обширной сухой поляне, прижавшись к высокому голому лесу на берегу ручья, стоял летний эвенкийский чум, покрытый серым плотным брезентом.

Около лабаза, притулившегося на невысоких, полуметровых пнях, копошилась пожилая, опрятная якутка. «Илья, кель манна», - позвала она. Откинув полог, из чума выскользнул низенький сухощавый эвенк, одетый в серую старенькую телогрейку, замшевые ровдужные (сделанные из оленьей замши) штаны и кирзовые сапоги. Седоватые волосы венчиком обрамляли большую лысину. Шишковатый, высокий лоб, редкая седая бороденка и усы, дополняли его сходство с Николаем Чудотворцем на древних северных иконах.

Это был мой давний знакомый, охотник из поселка Оленек. «О, ксе, Николай, ты откуда здесь?». «Здорово, Илья. Вездеход гнали с Чомурдаха, да на водоразделе поломались маленько. Я смотрю, ты здесь один?». «Да, Семен с Николаем другой лодкой поселок побежали. Скоро месяц, как водка пьют. Сопсем меня, старика, забывали. Марпа, чай вари!» - прикрикнул он на старуху. - Чум заходите, чай пить будем».

В сумраке чума вдоль стен лежали аккуратно свернутые постели из оленьих шкур. Слева от входа стоял низенький столик, висели на деревянных крючьях чисто вымытые разноцветные эмалированные кружки. Над углями едва тлевшего костра в центре чума, на деревянном крюке, висел медный, старинный чайник. На столике стояли большой китайский фарфоровый чайник с розами и огромная, наверное, полулитровая, фарфоровая чайная чашка с каким-то фиолетовым цветком на боку.

«Сервис в премия давали. Однако, последний чашка оставался. Другой все кончал», - сказал Илья. Старуха подбросила в костер сухих сучьев и опустила к огню чайник, сдвинув деревянный крюк в веревочной петле. В дыму, выходявшем через

отверстие вверху чума, коптились вяленые ленки и нарезанная длинными полосами сохатина. Чайник приветливо зашумел.

Пока закипала вода, хозяйка настрогала острым ножом мяса, ободрала шкуру с ленков и нарезала их крупными кусками на фанерном листе. Петруха выставил на стол банку вареной сгущенки, буханку белого хлеба, испеченного на Чомурдахе и полпачки индийского чая. «Эко, хлеб у тебя чудной». «Да форм не было, испекли в черпаках от драги. Видел, на берегу лежат». «Думаю – что такой? Чай у тебя хороший, со слонем. У нас плиточный, сопсем худой. Майка хороший себе берет». «Мы тоже из Москвы привезли, здесь не достать. Ты говоришь, у тебя вторая лодка есть»? «Бензин сопсем мало». «Да нам до следующего ручья добежать, километров пятнадцать. Там нас Сухов ждет». «Сукоп? Знаю. Бери, сколько доедешь». «Спасибо, Илья. Сухов завтра лодку пригонит и бензин привезет. Бак».

Мы попили чаю, перекусили как следует. Копченая сохатина была очень хороша, ленки тоже. Прозрачная розовая мякоть рыбы истекала жиром и была в меру подвяленной. Тонкие стружки копченого мяса сами просились в рот. Поблагодарив хозяйку, я велел Петрухе оставить ей пачку индийского чая из «НЗ».

Старая, ободранная «Казанка» без булей, стояла на береговой косе, метрах в пяти от воды. «Вихрь-25», накрытый брезентом, лежал рядом. Гребной винт, побитый об гальку, выглядел так, будто его долго грызли собаки, да бросили. В баке оказалось литров шесть бензина. Да, с таким винтом хватит километров на восемь. И то хорошо. Мы оттащили лодку к воде. Петруха навесил мотор, подкачал бензин, намотал шнур на маховик и дернул. К моему удивлению, движок завелся сразу. Холостых оборотов, конечно, не было, но скорость включилась легко.

Набирая ход, мы пошли против течения, отходя от берега. Вода в реке сильно упала, начали обнажаться косы и острова. Против течения, на полном газу, скорость лодки была километров двадцать. Через полчаса мы вышли на длинный прямой участок русла. Впереди, километрах в шести, показалось белое пятно палатки. В бинокль я разглядел вытащенную на берег моторку и дымок над костром. Тут движок зачихал и заглох. Я подгрел к левому берегу. Бензин в баке едва плескался.

Петруха слил остатки горючего в алюминиевый ковш, которым вычерпывали воду, подкачал и вновь завел мотор. На остатках бензина мы прошли еще метров восемьсот и встали окончательно. Было обидно. Не дотянули совсем немного. Теперь опять придется тащиться пешком.

Лодку выдернули на берег, привязали к торчащему из гальки бревну, и нехотя, тяжело пошли по мокрой, рыхлой косе. Голые тальники, все полосатые от осевшего на них из убывающей воды ила, сплошной грязной стеной тянулись вдоль берега. Впереди изредка взлетали стайки уток. Высоко над рекой мотались две большие черно-белые гагары, оравшие резко и неприятно. «И чего орут, падлы. Совсем бесполезная птица, только сети рвать»,- сказал «Бузыка». «Да ладно, из них стельки хорошие в сапоги получают, теплые очень. Правда, мясо жрать не будешь, но песец лопают за милую душу. Особенно, если протушить как следует.- сообщил Петруха.- Я всегда их на приманку бью, когда попадаются осенью». (Зимой Петруха охотился на пушного зверя. В этом году он хотел остаться на метеостанции Маак, что в ста пятидесяти километрах ниже нашей базы). «Ну вы и красавцы, только бы сожрать. Они же в Красной книге»,- сказал я. «Ага, защитник природы. А когда из сети гагару выпутывал, а она тебя за руку цапнула, так шваркнул об корягу, бедняжка аж обделалась». «Больно же, и обидно. Я ее

освобождаю, а она клюется». «А вообще, непонятно, почему они в красной книге. Их же здесь как грязи», - сказал Петруха. «Здесь всего как грязи, потому что народу почти нет. Был бы народ, хрен бы они так порезвились. Вон, у нас, в Чехове Ока не сильно меньше Оленька будет, а рыбы не ахти. Всю повыловили, да потравили». («Бузыка» был из Чехова). «Сравнил тоже. Оленек больше двух тысяч километров, а Ока и тысячи не будет, наверное», - ответил я.

За разговором прошли еще километра три. Палатка приближалась очень туго. Сказывались пройденные с утра почти тридцать километров и тяжелая дорога по рыхлой, еще не уплотнившейся после половодья, гальке.

Ребята решили перекурить. Мы поднялись на бровку первой террасы и сели на вывороченную ветром лиственницу. До палатки оставалось еще около двух километров. Там нас ждали.

Через несколько дней, с ремонтной бригадой, я вернулся к вездеходу. Машину подлатали, и она честно отработала весь сезон. Но это уже другая история.

Ах, да. Мясо спокойно долежало на мерзлоте до нашего приезда. Сохатину засолили, и на первое время всей партии хватило хорошей еды.

Кель манна – иди сюда (якутск.яз)

О, ксе – восклицание удивления (якутск. яз.)

Опус 14.

В середине августа 1982 года мой поисковый отряд остановился в среднем течении крупного правого притока р. Мерчимден, ручья с названием Кырса Балаганах. В переводе с якутского это означает - песцовый дом. Встали мы на ночевку по пути к месту работы. В верховьях этого ручья, по данным прошлых лет, был отмечен ореол рассеяния минералов-спутников алмаза первого класса сохранности. Туда мы и направлялись.

Место для стоянки случилось удобное – высокая, ровная и сухая поверхность первой террасы ручья, поросшая редкими матерыми лиственницами и покрытая голубичником. Под метровым галечниковым обрывом тек еще довольно широкий (около четырех метров), ручей.

Погода в тот день портилась. Утром с севера потянуло «кошачьи хвосты» - перистые облака, предвещавшие ненастье. К вечеру долину накрыла низкая облачность и пошел мелкий дождь вперемешку со снегом. Так, что лагерь ставили основательно – натянули тент над кострищем, в палатках оборудовали печки и заготовили дров, свалив несколько сухостойных лиственниц на склоне долины.

На следующее утро я выглянул из палатки. Желтеющие лиственницы сплошь облепило мокрым снегом. Крупные сырые хлопья плавно летели с низкого хмурого неба. Промозглая сырость господствовала в мире. У костра, горевшего под тентом, на чурбачке, сидел «Француз», одетый в серую брезентуху поверх телогрейки, лыжные линялые штаны с начесом и опорки из низко обрезанных резиновых сапог. На голове у него была вязаная зимняя шапка непонятного бурого цвета.

«Ну ты прямо зимовать собрался», - сказал я. «Соберешься здесь,- буркнул он.- Ты чего такой сердитый?». «Да Белка, сволочь, пришла с улицы вся в снегу и отряхнулась прямо у моей морды». (Белка, наша отрядная собака, совершенно белая, крупная лайка, с черным носом и хитрющими раскосыми глазами. Всеобщая любимица. Зимой она живет на базе экспедиции в Жиганске. Летом уже третий сезон ездит с нами. Абсолютно бесполезная для охоты, но с ней весело). «Ты сам ее совсем распустил, делает, что хочет. Вон у меня чай опрокинула, так по носу получила – теперь в палатку без спроса не входит. Мужики дрыхнут?». «А что им делается». «Я думаю, придется здесь постоять пару дней, пока снег не сойдет. В такую погоду особо не поездишь. Ты пожрать сообрази, раз уж все равно встал». «Да я уже шустро. Как сделаю – крикну. Да, Василич, надо бы рыбу развесить, а то в мешке в такую погоду заплесневеет». «Так скажи студенту, пусть сделает сушилку на берегу. Покажешь как».

Снег валил весь день. Я воспользовался ненастьем, чтобы привести в порядок материалы опробования. За день мужики высушили на печке, подарили и просеяли пробы и склоновую металлометрию, рассыпали материал по пакетам. Я составил опись и упаковал пробы для отправки в лабораторию.

Весь следующий день снег шел и таял. Мы сидели в палатках, топили печи, починяли изодравшуюся в маршрутах одежду, слушали музыку в радиоприемнике. На улицу выходить не хотелось. Там было сыро и неуютно. Белка валялась на спальнике в ногах у «Француза» и спала, раскинув лапы Студент щекотал черную Белкину пятку веточкой. Собака дергала лапой, повизгивала, но не просыпалась.

В палатку заглянул Петруха. Он сегодня кашеварил у костра. «Бела Ивановна,- сказал он,- сходи хоть горностаю погоняй. Из-под рук мясо таскает. Совсем обнаглел. Скоро тебе хвост отгрызет». «Француз» пихнул ее сапогом. Собака нехотя поднялась, потянулась с подвывом и высунула морду из палатки.

Под тентом около костра, в тазике, отмокала нарезанная мелкими кусками солонина.

Вокруг крутился небольшой, еще не вылинявший, горноста́й. «Возьми его, вот он, вот он», - азартно натравливал собаку Петруха. Белка неуверенно гавкнула и вылезла из палатки. Этот мелкий разбойник нырнул под выворотень. Белка сунулась за ним. Сначала она вроде бы нехотя пыталась достать зверька. Потом вошла в азарт и начала серьезно рыть землю. Во все стороны летели мох и мелкие сучья. Она отскакивала в сторону, совала нос в нору, фыркала и снова рыла. Я уже хотел было оттащить собаку и спасти горноста́я, как вдруг Белка взвизгнула и отскочила в сторону. Собака мотала головой, терла нос лапами. Снег окрасился кровью. Нос оказался сильно прокушенным.

Горноста́й выскочил из-под корней и метнулся через ручей по поваленному дереву. На той стороне он повернулся к нам, зашипел как рассерженный кот и скрылся в кустах. После этого Белка демонстративно не замечала горноста́я, когда он приходил в лагерь. Мужики почему-то называли его Герасим. Горноста́и, конечно, отважный народ. Но этот оказался совсем уж наглым. Он, практически, взял лагерь в осаду. Воровал все, что мог утащить. Наконец добрался до висевшей в сушилке рыбы. «Француз» позвал меня: «Василич, посмотри, что, гад, делает!».

Герасим по-хозяйски обошел вокруг стоявшего под тентом кухонного ящика, сунул свой нос в тазик с чистыми мисками, заглянул в ведро с водой и деловито направился к сушилке. Воровато оглянувшись, он юркнул под брезент, покрывающий каркас, на котором висела вяленая рыба. Через некоторое время из под брезента послышался недовольный писк, и наружу показался Герасим. Вцепившись зубами в хвост здоровенного сига, он пятился назад, упираясь всеми четырьмя лапами и рыча от натуги. Сиг был раза в полтора тяжелее его, но хозяйственный зверь упрямо пер рыбаину к себе.

«Грабят!», - крикнул «Француз» и хлопнул ладонью по фанерному ящику с макаронами. Горноста́й отпустил сига, встал столбиком, угрожающе оскалился и зашипел на нас. Я запустил в него палкой. Зверек отскочил в сторону и сделал вид, что сейчас бросится на меня и порвет в клочья.

Надо было как-то отвадить его воровать, но не стрелять же. Мы решили поймать наглеца. Около брошенного им сига я насторожил перевернутый вверх дном тазик, подставив под него палку. От палки в палатку протянул шпагат.

Ждать долго не пришлось. Через пару минут горноста́й высунул свой черный любопытный нос из кустов на том берегу. Он перебрался через ручей и напрямик направился к сигу. Я дернул за шпагат, тазик упал и накрыл вору́гу. «Ага, попался!», - азартно крикнул студент и выскочил из палатки впереди всех. «Не трогай его, покушает», - сказал я. Студент остановился в нерешительности...

Весь отряд, пять здоровенных мужиков, столпились вокруг алюминиевого тазика, накрывшего горноста́я, не зная, что с ним делать. «Я щас ему устрою контузию», - сказал Петруха. Он взял плоский камень и несколько раз сильно ударил по дну тазика. Когда таз подняли, Герасим сидел на задних лапах и качался из стороны в сторону. «Во балдеет!», - сказал студент. Все заржали. Горноста́й бросился через ручей, промахнулся мимо бревна, упал в воду. Видимо, холодная вода привела его в чувство. На той стороне он нырнул за валежину и уже из укрытия шипел, плевался, возмущенно пищал. «Это он нас материт по своему», - сказал Петруха и бросил в горноста́я палку. До вечера зверек больше не показывался в лагере.

Вечером погода поменялась, подул теплый юго-западный ветер, снег стал интенсивно таять. К утру он совсем сошел. Мы свернули лагерь, погрузили вездеход и пошли вверх по ручью к месту работы.

А рыбаину этот злодей ночью все-таки утащил.

Опус 16.

Была середина мая 1982 года. Глубокий снег на льду Оленька под ярким дневным солнцем осел и уплотнился до состояния асфальта. Времени до ледохода оставалось ещё около двух недель (Здесь, в низовьях Оленька, в районе устья Беенчима, ледоход бывает в начале июня, числа второго-третьего.) Мне нужно было перегнать вездеход «ГАЗ-47» на шестьдесят километров вверх по течению реки и оставить его на правом берегу, в устье ключа с названием Кыс урбют (в переводе с якутского это значит Девочка умерла). Отсюда я планировал начать летний кольцевой маршрут по крайней юго-западной части территории.

База нашей партии находилась тогда в двух километрах выше устья р. Беенчима, на левом берегу Оленька, в заброшенном в шестидесятые годы временном поселке Амакинской экспедиции. Несколько рубленых из лиственничных бревен домов, мастерская, гараж, баня, ледник, радиостанция на высоком береговом мысу. В общем, полный комфорт и уют. Мой постоянный кадр, вездеходчик Володя Бузыкин, отладил свою машину и помогал в ремонте других вездеходов.

На перегон Иваныч сосватал мне молодого, только что отслужившего в Афгане, парня, Ваську Федорина. Высокий, темноволосый, с яркими синими глазами, молчаливый, он производил впечатление очень самостоятельного и надежного для своих лет, человека.

За пару дней я получил со склада у Иваныча продукты и снаряжение для отряда на полевой сезон. Все проверил, упаковал и погрузил. Со взлетной полосы на острове загрузил две бочки бензина. К вечеру шестнадцатого мая вездеход был полностью готов к выезду.

Выехали мы где-то часам к двум дня – торопиться было некуда. Все равно круглые сутки светило солнце, а идти ночью даже удобней – оно не так спит, отражаясь от голого льда. Вездеход резво катился по ровной поверхности уплотненного снега, временами обходя валы метровых торосов, образовавшихся во время ледостава. Яркие синие тени от деревьев на берегу пересекали наш путь.

Мы прошли километров пять, когда из узкого распадка впадавшего в Оленек левого притока выскочило с десятков оленей-дикарей. Васька резко тормознул. Я высунулся из своей двери по пояс, прицелился в крупного рогача и выстрелил. Все звери кинулись обратно в распадок и скрылись за изгибом русла. Мой рогач бежал сзади, обильно поливая снег кровью. У поворота ручья он споткнулся, упал и больше не поднялся.

Я вылез из вездехода и, проваливаясь выше колена, (в распадке снег не сильно подтаял, а наст среди дня не держал) подошел к оленю. Тяжелая пуля из ружья двенадцатого калибра перебила крупную артерию в основании шеи и зверь умер на бегу.

Разделявать тушу было некогда. Я просто выпотрошил внутренности, и мы с трудом закинули оленя в кузов вездехода. Километров через двадцать долина Оленька сильно сузилась. С правого берега почти к самому руслу подходили черные тридцатиметровые обрывы траппов – пластовых интрузий долеритов. Левый берег все выше поднимался. Часто попадались коренные выходы пестроцветных известняков и доломитов верхнего кембрия. Снега на льду стало больше, и вездеход оставлял за собой довольно глубокую колею. Затем долина снова расширилась, правый берег пологими уступами уходил на юг.

До устья Куойки, крупного левого притока в сорока пяти километрах выше нашей базы, мы добежали часов за шесть. Левый берег Оленька крутым стометровым, поросшим редкими лиственницами, заснеженным склоном уходил к ясному небу. Куойка прорезала этот склон узким ущельем. Пестрые полосатые скалы разноцветными башнями поднимались от самой поверхности льда. Крупноглыбовые осыпи, слегка припорошенные снегом, спускались к их подножью. Мы остановились как раз напротив устья Куойки. Нужно было размять ноги, осмотреть ходовую, подбить и зашплинтовать пальцы траков. Все было в полном порядке. До места оставалось километров пятнадцать.

Мы решили попить чаю. Под капотом, над выхлопным коллектором, был прикреплен алюминиевый бидончик с закручивающейся крышкой. От двигателя чай в нем был горячий. Чай, хлеб с вареной сгущенкой – хороший перекус на перегоне. Перекусили.

Васька запустил двигатель, включил первую передачу. Вездеход задергался, из под пола раздался противный скрежет. Нажав на сцепление, Васька вырубил скорость. Скрежет прекратился. Вездеход отказывался двигаться с места на любой передаче. «Что там такое?», - спросил я. «Наверное подшипники в раздатке рассыпались. Вал заклинило. Видишь, коробка-то работает. И на нейтралке, и скорости врубаются». «И что делать?». «Раздатку менять. Или вместе с коробкой. Вот зараза! А у нас на базе все вездеходы разобраны».

Было около десяти вечера. Мы вытащили из кузова спальники, палатку, жестяную печку с трубами, раскладушки, ящик с посудой. В три ходки перетащили весь этот груз на высокую террасу правого берега и начали устраиваться на ночевку. На относительно ровной площадке между двумя лиственницами расчистили снег и поставили палатку. Сверху тянул довольно ощутимый западный ветер, так что палатку я поставил поперек долины, входом на юг, в сторону густой таёжки у перегиба склона правого берега. Растяжки привязал к ближайшим деревьям и вместо передней стойки приспособил срубленную на нужной высоте и очищенную от сучков молодую лиственницу. Так палатке не был страшен любой ветер. Печку поставили на четыре принесенных с собой запасных вездеходных трака.

Василий остался готовить дрова, я же спустился к вездеходу. Добыл из туши печенку, вырубил кусок грудинки и срезал килограмма четыре мякоти с задней ноги оленя. Мясо ещё не сильно замерзло. Забрал рацию, тяжелую двенадцативольтовую батарею в деревянном сером корпусе, погрузил всё это в рюкзак и поволок к палатке. Василий уже разжег огонь в печке и таял снег для чая и мяса в десятилитровом алюминиевом ведре.

Пока готовилась еда, я растянул антенну и установил радиостанцию. Завтра нужно было выходить на связь с базой, кричать «караул». Было девять утра, время связи. Высунувшись из тёплого спальника, я включил радиостанцию. «Русалка-6, я Русалка-21, прием». «Привет, Николай, как доехал, как дела, прием». «Ты знаешь, Иваныч, дела не очень. Развалились подшипники в раздатке. Стою напротив устья Куойки, прием». «Ну не понос, так золотуха. Мы вчера с «ГТТ» главный фрикцион сняли, а там диск полетел. Так что совсем безлошадные, прием». «Русалка-6, Иваныч, я там, у гаража нарточки видел. Придется на себе коробку тащить, прием». «Да на этих нарточках не получится, они высокие. Замучаешься везти». «Я волокушу какую-нибудь соображу». «В двенадцать выйди на связь, прием». «До связи, Иваныч, до двенадцати».

Я выбрался из спальника, сунул ноги в валенки и накинул на голое тело полушубок.

Около печки лежала приготовленная с вечера растопка – пучок сухих лиственничных веток, покрытых черным лишайником и мелко наколотое сухое полено. Засунув всё это в печку, зажег огонь.

На улице светило яркое солнце, не было ни ветринки. Стояла чуткая тишина. Только со стороны вездехода изредка раздавалось звяканье железа. Василий возился с машиной. «Молодец!»,- подумал я, откинул полог двери и вошел в палатку.

Здесь было уже тепло. Я оделся, подбросил несколько поленьев и поставил на печку чайник. Котел с мясом прислонил к горячему боку печки. Закрыв поддувало консервной банкой, чтобы дрова не сильно разгорались, а тлели, пошел к вездеходу. Ночной мороз сковал натоптанную вчера тропу. Идти было удобно. В двух местах её пересекали следы прошедших ночью оленей. На днях должно было подойти основное стадо кочующих на север, в тундру, дикарей. В прошлом году мимо нашей базы на Беенчима стадо шло четверо суток. Я даже не представлял, что может быть столько зверья.

Василий вскрыл полик, отвернул крепление карданного вала к раздатке и как раз пробовал повернуть хвостовик монтировкой, нажав одной рукой на педаль сцепления. «Ну что там?»,- спросил я. «Вал заклинило». «Ясно. Я Иванычу уже сказал. Наверное, придется идти за коробкой. У них на «ГТТ» диск сцепления развалился». «Я так и думал, он еще осенью начал подклинивать»,- сказал Васька. «Ну, как ни болела, а померла. Нам сейчас всё равно пехом переть до Улахан-Разбойника. Отсюда километров двадцать будет. Пойдем позавтракаем. В двенадцать связь. Иваныч скажет, когда идти». «Нам на себе коробку не унести, в ней килограммов восемьдесят». «Ничего, Иваныч волокушу сообразит какую-нибудь. По льду легко пойдёт. Да и куда деваться. Надо, Федя, надо!. Мы в семьдесят шестом на Чукотке «бортосую» в рюкзаке километров тридцать волокли. Летом. По горам. В ней тоже килограммов шестьдесят. Да и корявая она, никак не приспособишь на спине. Станок из досок сделали в рюкзаке и по очереди тащили, втроём. Правильно чукчи поют: «...вездеход – хорошо, а олени лучше». Олень сломался, его съесть можно. А эту железяку чинить приходится».

Пока перекусили, пока подготовились к переходу, подошло время связи. Я включил радиостанцию. Иваныч уже звал меня. «Русалка – 21, я Русалка – 6, прием». «Слышу тебя, Иваныч, слышу хорошо, прием». «Привет, Николай. Ребята час как ушли, час как ушли. Я послал четверых, четверых. Бузыка с Серёгой повезут до половины пути. Петруха с Французом до ручья напротив Улахан-Разбойника. Как понял? Прием». «Понял тебя, понял. Напротив Улахан-Разбойника. Сейчас мы с Василием тоже выйдем. До связи, до завтра, прием». «До связи Русалка – 21, до связи».

Взяли с собой котелок, пару банок вареной сгущенки (она хорошо восстанавливает силы в тяжелом маршруте), буханку белого хлеба к заварку, кусок жирной вареной грудинки. Было довольно тепло, градусов пять-семь мороза. Но, на всякий случай, каждый положил в рюкзак телогрейку. На севере всё бывает, могло и похолодать. Василий сунул в рюкзак лёгкий топор на длинной ручке. Топор всегда нужен. Ружьё я брать не стал. Оно весит килограмма три, да ещё патроны. Взял легонькую охотничью малопульку и сунул в карман штук двадцать мелкокалиберных патронов в шламовом матерчатом мешочке. Вместо казенных валенок на литой резиновой подошве, надел утепленные кирзовые сапоги на микропоре. Они не скользят на льду, идти в них не в пример легче. Василий тоже обул свои лётные унты.

День был очень яркий. Солнце слепило даже сквозь тёмные очки. Идти было просто. В спину дул слабый попутный ветерок, шуршал мерзлый снег под ногами. То и

дело попадались свежие следы небольших отколов оленей – на север впереди основного стада шли «разведчики». Пару раз долину Оленька пересекали чёткие строчки волчьих следов. Причем, было непонятно, сколько там зверей – волки шли строго след в след. Размер следов внушал серьёзное уважение.

На протаявших южных склонах левобережной террасы Оленька орали и дрались куропахи, предчувствуя скорую весну. Словом, вокруг кипела обычная таёжная жизнь, незаметная из кабины вездехода, своим ревом и грохотом распугивающего всех вокруг.

Часа через два ходу, долина Оленька повернула на северо-восток и стала сильно уже. С левого берега подходил крутой уступ кембрийских известняков, с правого – черные обрывы траппов. Снег со льда сдуло зимними северными ветрами, особенно привольно гулявшими на этом участке. Весеннее солнце растопило верхний слой льда. Гладкая поверхность ослепительно блестела и была скользкая, как каток. Идти приходилось по узкой полоске между льдом и крутым уступом левого берега. Весь снег в этом месте оказался истоптан оленьими следами – звери тоже не могли идти по гладкому льду.

Впереди, метрах в двухстах, на реке показались четыре четкие черные точки. Я посмотрел в бинокль. Это были якутские вороны, что-то увлеченно долбавшие на льду. Мы подошли ближе. Огромные птицы нехотя снялись, отлетели в сторону и расселись на ветвях, стоящей на берегу сухой лиственницы. На льду, метрах в двадцати от берега, лежал наполовину съеденный волками олень.

«Вчера его не было»,- сказал Васька. «Да, видимо сегодня ночью припутали. Видишь, из распадка пугнули на лед. Он упал и «кердык», хороший был олень. Сытые, даже не доели». «Где-нибудь рядом днюют,- сказал я.- Нами не интересуются?». «Я же говорю – сытые. Если бы зимой – другое дело, а сейчас вряд ли. Они людей все-таки опасаются. Ты только ничего не трогай здесь, могут не так понять. Нам ещё назад мимо идти».

До места встречи оставалась ещё половина пути, километров десять. Замерзшая река плавными извилами уходила к востоку. Еще через два часа хорошего ходу показалось устье Улахан-Разбойника, легко узнаваемое по длинному очень крутому склону правого берега Оленька перед ним. Впереди, на реке, километрах в двух, я увидел две медленно двигавшиеся черные точки.

«Наши идут»,- сказал Васька. Еще через полчаса мы поднялись на вытаявший склон левого берега Оленька метрах в ста от русла притока, впадавшего в реку в двух километрах ниже Улахан-Разбойника.

Около уютного костерка на валежине сидели «Француз» и Петруха. На тагане над костром висел котелок со свежесваренным чаем. В углях разогревалась полукилограммовая банка говяжьей тушенки с двумя дырочками, пробитыми в крышке. Из них шел аппетитный парок.

«Ну, как оно ничего?»,- спросил я, садясь рядом. «Ты знаешь, Василич, по льду идет хорошо. Чуть снега побольше, и как старый мерин, еле пыхтишь. В общем, сам увидишь,- сказал «Француз».- Мы с Петрухой нагулялись до изжоги». «Ну ладно, обратно пустые, да вниз, к дому, пойдете. Оно полегче будет». «Ага, утешил. Иваныч волокушу ловкую сообразил. Ловкую, только сама не едет, сволочь». «Ну ладно, давайте перекусим и разбежимся. Что-то погода мне не нравится. Опасаюсь, как бы не заपुरжило».

Мы попили чаю, закидали костер снегом и спустились к реке. Ребята пошли вниз, к лагерю. Мы с Васькой впряглись в волокушу и пошли к вездеходу. По голому льду волокуша скользила легко, изредка спотыкаясь на пересекавших реку языках мерзлого

снега. Тогда приходилось всюду налегать на ляжки. Постепенно накапливалась усталость. По сторонам смотреть уже не хотелось. Однообразно визжал мерзлый снег под днищем волокуши. Берега медленно ползли мимо, неохотно уходя за спину. Дорога казалась бесконечной.

Совершенно измочаленные, мокрые от пота, не смотря на довольно большой мороз, мы вышли к последнему повороту... Впереди, в километре, показалась черная глыба вездехода. Выше, на Реке, все терялось в снежном буране. Он плотной серой стеной двигался нам навстречу, закрывая низкое солнце над крутым уступом левого берега и пестрые скалы над Рекой, и пологий подъем заросшего редким лесом правого берега, и кусты в тальника в пойме.

Мы были метрах в двухстах от вездехода, когда снежный шквал накрыл нас. Все исчезло. Остался только сырой снег, летящий почти горизонтально, злой ветер и быстро исчезающие следы вездехода под ногами. К машине мы вышли практически вслепую. Уткнулись в тупую железную корму, сбросили опостылевшие ляжки и, проваливаясь по колено в сырой снег, пошли к кабине.

Стылое железное нутро вездехода показалось раем. Ободрав налипший снег с усов, бороды и немного отдышавшись, я достал из-за пазухи фляжку с чаем. Василий вытащил сверток с намазанным вареной сгущенкой хлебом. Несколько бутербродов немного восстановили силы. Снаружи бушевала пурга. Промокшая от пота одежда холодила тело. Нужно было идти в палатку, но вылезать в этот кошмар не хотелось. «Ты что, знал что буран начнется?», - спросил Васька. «Да, нет, точно не знал, но ждал какой то пакости. На душе муторно было, и вообще... Хорошо, что успели дойти. Сейчас в тайге нам бы совсем кисло пришлось. Да уж. Ладно, пойдем в палатку». «Что делать будем?». «А что тут делать, минут по шестьсот на каждое ухо и все наладится. Отоспимся, глядишь, и погода в норму придет».

Спальный мешок из верблюжьей шерсти придумал гений. Подстелив под него кошму или оленью шкуру, в нем можно вполне комфортно спать на снегу в сорокаградусный мороз. А уж в палатке, да на раскладушке или на нарах – вообще – «Ташкент». Раздевшись до трусов, я выскочил из палатки, с ором растерся сырым снегом, заскочил внутрь, вытерся полотенцем и нырнул в холодный спальник. Минут через пять стало тепло, и я провалился в сон. Все-таки устали здорово. Сорок верст, да обратно с таким грузом – это не сахар.

Проснулся с трудом под настойчивый звон будильника. Включил радиостанцию. «Русалка-21, Русалка-21, я Русалка-6. Почему не отвечаете, прием». «Привет, Иваныч, насилу проснулся. Укатали сивку крутые горки. Как там ребята, дошли до бурана? Прием». «Здравствуй, Николай, дошли, все в порядке, все нормально. Как у вас дела? Прием». «У нас тоже все нормально, прихватило в самом конце дороги, метрах в двухстах от вездехода. Если бы раньше, не знаю, как бы и дошли, прием». «Ну и слава Богу, до связи, Русалка-21». «До связи, Иваныч, всем привет».

За брезентовой стенкой палатки бушевала непогода. Палатка ходила ходуном, но держалась надежно. «Хорошо, что поставил поперек долины», - подумал я. Как всегда во время пурги, было довольно тепло, градуса два-три мороза. Зверски хотелось есть. Печку затапливать было нельзя, в такой ветер весь дым будет в палатке. Я высунулся из спальника, достал из-под раскладушки котел с вареным мясом. Проснулся Василий. Мы наковыряли ножом мороженого мяса, поели, запили холодным чаем из фляги, заранее положенной в спальник, чтобы чай не замёрз.

Накинув полушубок и сунув ноги в ледяные валенки, я вышел на улицу. Мело. Низкие рваные тучи цеплялись за вершины лиственниц. Видно было метров на пятьдесят. Вокруг палатки надуло высокий снежный бархан, серпом охватывавший наше жилище. Я вернулся в палатку, забрался в теплый спальник и снова заснул.

Так продолжалось ещё двое суток. Мы просыпались, ели, выходили на связь и опять засыпали. Погода дула. На исходе вторых суток я проснулся от того, что в палатке было тепло. В печке потрескивали поленья, шумел чайник, и пахло жареной печенкой. Василий сидел на чурбачке у печки и «шаманил» над сковородкой. Непогода закончилась. Я вышел.

Тайга, вся занесенная свежим снегом, нестерпимо сверкала под солнцем. В высоком ярко – голубом небе не было ни облачка. Слегка морозило. Дым из трубы шел вертикально вверх. Я крикнул. Гулкое эхо пошло гулять по Реке, отражаясь от скал. Погода наладилась, вероятно, надолго. Часа за четыре мы сняли неисправную коробку и поставили новую. Самым сложным было попасть шлицами первичного вала в прорези диска сцепления, держа коробку на весу.

Оставив Василия закручивать гайки, я наколол два ведра льда и пошел греть воду для двигателя. Вездеход завели, сняли палатку, погрузились и пошли вверх по Реке к месту начала летнего маршрута. Пятнадцать оставшихся километров прошли без приключений. Место для стоянки я выбирал без спешки. Мне понравилась уютная полянка на правом борту долины впадавшего в Оленек ручья. Расположенная над невысоким, шести-восьмиметровым обрывом в месте выхода ручья в долину Оленька, с трех сторон окруженная высоким лесом и открытая в сторону обрыва, она была идеальна для долговременного лагеря.

Внизу, под обрывом, окруженное кустами тальника, находилось небольшое замерзшее озерко, метров тридцати в диаметре. Долина ручья, поросшая карликовой березкой, была шириной около ста метров. Выход в Реку, перекрытый отложениями первой террасы Оленька, ручей прорезал узким, десятиметровой ширины, каньоном. В половодье за ним, в долине, должно образоваться спокойное широкое улово.

Мы свалили несколько лиственниц и соорудили каркас для палатки. Из ровных жердей настелили широкие нары. Не люблю спать на раскладушке. Печку установили капитально, притащив несколько плоских известняковых плит. Я приспособил высокий шест, привязав его к ближайшей лиственнице, и растянул диполь антенны. Вездеход поставили метрах в десяти от палатки, подложив под гусеницы, вдоль, четыре бревна, чтобы он не примерз к грунту. А то года два как, на весновке, примерно в это же время, поставили вездеход просто на землю. Днем снег подтаял, гусеницы залило талой водой. Ночью ударил мороз и всё, как приварило. Целый день ломали кололи лёд, чтобы сдвинуться с места.

Я спустился к озерку. Продолбил толстый, сантиметров семидесяти, лед.. Вода оказалась чистейшая, очень вкусная по сравнению со снеговой, талой. Совсем не затхлая, как иногда бывает в озерах. Я зачерпнул два ведра, положил поперек проруби несколько сухих палок, накрыл оленьей шкурой и присыпал снегом, чтобы не замерзло. Проблема с водой была решена.

На следующий день я решил осмотреть окрестности стоянки. Погода была ясная. Слабая слоисто-кучевая облачность приглушала слепящий солнечный свет. Ажурные синие тени голого леса лежали на осевшем снегу. В долине притока из снега вылезли кочки, и обозначилось извилистое русло ручья. На склонах долины показались

крупноглыбовые осыпи. Совершенно явственно веяло весной.

Метрах в сорока от палатки, на ровной голой площадке среди лиственничного подростка стоял невысокий, метра полтора, деревянный тесаный крест. Дерево креста, сильно выветренное, было темно-серого цвета. В месте пересечения перекладин медными гвоздиками крепилась круглая, слегка выпуклая пластинка с полулунным узором по окружности. Медь, покрытая тёмной зеленоватой патиной, оставляла впечатление очень старой. Вероятно, это и была могила той самой девочки, давшей название ручью.

Рядом, среди крупноглыбовой россыпи, я увидел мощную, около полуметра в диаметре, лиственницу. В стволе дерева, на высоте около метра от корней была выдолблена глубокая стрельчатая ниша. Внутри неё, у задней стенки, стояла литая бронзовая иконка Богоматери, размером с половину ладони. Перед ней угадывались потёки воска от церковной свечи. Вся поляна создавала торжественное ощущение светлого храма. Все-таки у кочевых эвенков было очень развито чувство красоты.

Прошло несколько дней. Солнце пригревало, склон первой террасы Оленька очистился от снега. На кустах тальника набухли почки. Лед на Реке вздулся и пошел длинными трещинами. Кое-где, на припеке, появились забереги. С южной стороны озера образовалась метровая полоса чистой воды. Я спустился к озерку. К проруби было не пройти без сапог. Я решил зачерпнуть воды для чая прямо с берега.

Между стеблями осоки, в мелкой воде, стояли десятки крупных, темно-золотистых карасей, слабо шевеливших плавниками, и грелись на солнце. Я потихоньку отошел от берега. Из кучи плавника у подножия склона подобрал толстую двухметровую жердину. Осторожно подошел к озерку. Караси были на месте. Я несколько раз с размаху ударил по воде и начал выбрасывать оглушенных карасей на берег. В азарте споткнулся, упал в воду на четвереньки, промок, но дело того стоило. Восемь штук крупных, полукилограммовых рыбин, трепыхались на берегу.

Двадцать пятого мая радист из Оленька - поселка, расположенного в тысяче километров выше нашей стоянки, сообщил, что у них начался ледоход. Нам осталось ждать дней пять – в среднем скорость ледохода где-то двести километров в сутки. Погода стояла совсем весенняя, градусов до пяти-семи тепла днем. Ночью ещё морозило. Снег совсем осел. Около Реки и на южных склонах его уже не было.

Я решил сходить к устью Бараи, реки в десяти километрах ниже стоянки. Пострелять ондатру на озерах в устье, если она там окажется. И вообще, засиделся, на одном месте надоело. Василий остался дома. Он с удовольствием читал рассказы О.Генри, томик которого я всегда возил с собой в поле вместе с рубаи Омара Хайяма и еще несколькими хорошими книгами, которые можно перечитывать бесконечно. Из палатки то и дело раздавался хохот. Васька открывал для себя юмор О.Генри.

Было тепло и я не стал брать с собой телогрейку, просто одел под брюки от геологического костюма тренировочные штаны и под «энцефалитку» надел шерстяной свитер. Утепленные кирзовые сапоги и стеганный подшлемник дополняли экипировку. Рюкзак с котелком и перекусом, полевая сумка со снимками и десятком дробовых патронов, пять пулевых на всякий случай. Ружьё, нож. Идти с таким грузом было легко.

До устья Бараи я добежал за полтора часа. Старичные озёра по левому берегу оказались пустыми. Ондатры не было совсем. Я решил спуститься ещё на два-три километра по Оленьку. Там, чуть выше устья Куойки, на правом берегу располагались два довольно крупных озера. Заодно было любопытно посмотреть могилу шаманки,

о которой рассказывал мой знакомый охотник из Оленька, Илья. Он с семьёй стоял километрах в пяти выше нашего лагеря на устье Бириктэ в восьмидесятом году. На весновке мы довольно часто общались с ним и его сыновьями – Семёном и Николаем.

Первое озеро оказалось мелководной болотиной с плоскими кочковатыми берегами. Вокруг стоял сухой мертвый, лес и не было никаких следов жизни. В полукилометре от первого озера, на невысоком мерзлом холме, я увидел какое-то довольно большое сооружение. Подошел ближе. Это была четырехугольная трехступенчатая пирамида с основанием три на четыре метра, сделанная из тёсаных, широких досок. Длинная сторона её была ориентирована с запада на восток. Высота всей пирамиды около двух метров. Вершина холма, где она стояла, совсем вытаяла из снега. Толстый слой нетронутого ягеля покрывал землю. С восточной стороны, метрах в трех от пирамиды, почти полностью вросшие в мох, лежали три оленьих черепа с огромными рогами. Сзади стояли все заросшие серым рыхлым лишайником дряхлые нарты. Вокруг холма по краю болота стоял мертвый сухой лес, весь в седых космах лишайника-бородача.

Я подошел ближе. Возникло странное ощущение чужого давящего взгляда в затылок. «Правду говорил Илья, место жутковатое», - подумал я. Над вершинами лиственниц справа от меня бесшумно пролетела большая полярная сова. Она была уже метрах в двадцати, когда на лету повернула голову и посмотрела пронзительными желтыми глазами. Стало как-то не по себе. Я обошел пирамиду вокруг по солнцу, перекрестился и на всякий случай плюнул через левое плечо, как учила бабушка.

Тайга глухо охнула. С северо-востока сорвался порыв ледяного ветра, сразу пробравшего до самых костей. Идти на следующее озеро как-то не захотелось. Я повернулся и быстро пошел в сторону лагеря. Потом побежал. Становилось всё холодней. «Вот, собака, так и замерзнешь», - подумал я. Даже на бегу было невозможно согреться. Как на зло, не попадалось ни одной серьезной кучи плавника, чтобы разжечь костер.

На левом берегу Бараи, у старичного озера, я увидел заросли вытаявшей из снега сухой осоки. Остановился, вытащил нож и стал быстро резать осоку, складывая её за кустом тальника, чтобы не разносило ветром. Нарезав довольно большую копёшку, я расстегнул брюки и стал набивать осоку в штанины между тренировочными и брюками. Получалась довольно толстая утепляющая прослойка. Набив осоки в штаны, я заправил «энцефалитку», застегнул ремень и стал набивать осоку уже за пазуху, распределяя ровным слоем вокруг туловища. В последнюю очередь набил осокой рукава. Одежда раздулась как шар. Осока шуршала и кололась, но сразу стало значительно теплее.

Я надел рюкзак, взял ружьё и уже не торопясь, пошел к лагерю. Ветер дул так же, остервенело, но повредить мне уже не мог. «Хрен тебе, не возмёшь!», - подумал я, почему-то живо представив себе молодую высокую женщину в эвенкийской летней кухлянке, с распущенными волосами, схваченными кожаным обручем с серебряными бляхами в виде играющих соболей. Ветер сильней завыл и засвистел в голых ветвях лиственниц на берегу. В воздух взлетели мелкий мусор и сухая трава. Порывы его толкали в спину, как бы прогоняя, прочь.

Часа через два я подошел к лагерю. Вытряхнул из одежды осоку, отряхнулся и зашел в палатку. «Ну как сходил? - спросил Васька, - там сейчас такая холодина и дует, как в трубе». «Да вот, зараза старая, чуть не уморила!». «Кто чуть не уморил?», - спросил Васька. «Да шаманка». «Какая шаманка?». «А ты что, не знаешь?». «Нет». «Здесь, напротив устья Куойки у них главная эвенкийская шаманка похоронена. Я сегодня сдуру поперся посмотреть, где. Говорил мне Илья ещё на Бириктэ – не любит она, когда

беспокоят». «А что за шаманка?». «Илья рассказывал: «Шибко сильная шаманка была. Долго жила. Лет наверно сто, и всё - молодая. Народ к ней со всей Лены и Оленька шел. Всех лечила, говорила, как жить, куда кочевать, кого в жены брать. Потом за неделю постарела и померла. В Оленьке её внучки, внук живет. Завклубом работает. Тоже, говорят, лечит...». Там музей при клубе. Все «причиндалы» висят в витрине. И шуба шаманская со всякими висюльками из железа и серебра, и бубен с колотушкой, и котел бронзовый, со звериными мордами на цепи, висит. Я через Оленёк летел, по погоде два дня сидел там. От нечего делать сходил. Интересно. Столбы резные у крыльца стоят, прямо как дерево жизни у индейцев. По бокам люди, звери, морды разные, на верху птицы странные с глазами. Здорово сделано. Будешь в Оленьке, обязательно сходи».

«А мужика этого видел?». «Нет, он как раз в тайге был, Говорят на Силигире у него зимовье, там и шаманит». «Надо же, я думал этого уже нет нигде». «Как нет, мы когда на Чукотке работали, так там тоже шаманка была. Молодая баба. На лице татуировка спиралью, узоры разные. Вся в мехах и шкурах. Прямо как в кино». «Ну да?!». «Вот тебе и да! Они вроде с виду современные, а в тайге живут по старому. Тут не город, законы свои...». «У нас в семидесятом году оленевод был, Аимчан. Тоже эвенк, с Учюра. Так он волков понимал. Они же не просто воют, а разговаривают по-своему». «Ты тоже можешь?». «Нет, я не могу. Подвыть умею, они мне отвечают. А что говорят, не понимаю. Такие дела. А ондатры на Барае нет».

Через пять дней начался ледоход. Река в этом месте текла прямо и начало ледохода мы проспали – не было никакого особого грохота и шума. Просто проснулись, а Река идет. К вечеру следующего дня, третьего июня, вода сильно поднялась и затопила долину нашего ручья. Как я и предполагал, образовалось большое, спокойное улово.

Мы с Васькой накачали лодку и поставили сети. Нужно было заготовить на маршрут бочку солёной рыбы. Рыбалка случилась отличная, за день снимали килограммов тридцать. Ленков, сигов солили, щуку жарили и коптили. Попался один приличный таймень, килограммов на пятнадцать.

В один из дней в кустах на берегу озера, на плавающем мусоре, я нашел гнездо гагары. В нем было два зеленых в темно-коричневую крапинку, яйца, размером с кулак. Я забрал одно, второе пометил, поставив грязью точку на тупом конце яйца. Из одного яйца получилась хорошая яичница. Через два дня я снял ещё одно яйцо. Больше не стал, решив, что нечего наглеть. Седьмого июня Река, в основном, очистилась от льда. Мы свернули спальники, уложили рюкзаки и рано утром поплыли вниз по Оленьку к базе на Беенчиме. Большая вода плавно несла резиновую лодку мимо стылых скал на левом берегу, мимо затопленных тальников правого берега, мимо устья Куойки, напоминавшего скалистый фиорд. Погода стояла ясная, светило солнце, но на Реке было очень холодно. Плыть пришлось долго, часов восемь. Так что два раза приставали к берегу. Разводили огонь, грелись, чаёвничали и отправлялись дальше. Не доходя километров десяти до базы, чуть ниже устья Кыра-Разбойника, нас встретил Иваныч и отбуксировал до самого лагеря моторкой. Весновка, в основном, закончилась. Скоро должны были прилететь главные силы партии.

Начинался полевой сезон.

Базовый лагерь в районе метеостанции Маак. 1979 г.

Могила первопроходца р. Оленёк. 1982 г..

Скалы выше устья Мерчимдена. 1982 г.

Таймень. р. Мерчимден. 1982 г.

Собака Белка. 1982 г.

Чаёвка в маршруте. 1983 г.

Весновка 1984 г. р. Оленёк.

Бузыка. Васька и собака Белка. Устье р. Мерчимден. 1981 г.

Кимберлитовая трубка. 1984 г. Опробывание.

В таких местах моют алмазы.

Зимовье на Сенкю. Осень 1985 г.

Высадка десанта. 1985 г.

Полоусный хребет. 1987 г.

р. Оленёк. Ледоход. 1988 г.

р. Бур. Закат в дыму.

Сплав по р. Бур. Рабочие слева Сашка молодой, справа Сашка - "граф".

Ледоход на р. Оленёк. 1988 г.

Устье Мерчимдена в большую воду. 1989 г.

Баня. Р. Моторчуна. 1990 г.

Верховье р. Моторчуна. 1990 г.

Первая ночевка на р. Моторчуна. 1990 г.

След волка. Приток р. Оленёк. 1990 г.

Хлебная печка. р. Моторчуна. 1990 г.

Это я. 1987 г. Водораздел Оленька и Моторчуны.